

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XXII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ЯНВАРЯ 2017 Г.

2017
№ 1-10

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 1, часть 10

Периодический научный сборник

*по материалам
XXII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 января 2017 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 1-10

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

По материалам XXII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 января 2017 г.).

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, доктор искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАН (Москва); *Тихомирова Е.И.*, д-р пед. наук, проф., академик МАН, академик РАН, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Абдуллаев А.М., Гриднева О.В.</i> ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОНОМИИ ВОЛИ.....	6
<i>Агамиров К.В.</i> ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ	8
<i>Алексеева М.В., Охрицько Д.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИЯ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ И АКТАХ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРАВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА, И В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ТАМОЖЕННОМ ДЕЛЕ	20
<i>Андрусенко О.В.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВИНЕ В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	26
<i>Ахмалетдинова А.Г., Корнелюк О.В.</i> К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ.....	30
<i>Батурина Н.А.</i> МЕДИАЦИЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ.....	35
<i>Бурчихин А.Н.</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РФ И ФРГ	37
<i>Васильева М.К.</i> СНИЖЕНИЕ СПРОСА В РАМКАХ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ	42
<i>Волостнова Т.И.</i> К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ	46
<i>Галкин А.Ю.</i> ПРЕДМЕТ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ДОГОВОРОВ НА ВЫПОЛНЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ, ОПЫТНО- КОНСТРУКТОРСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ	49
<i>Гребнева Н.Н.</i> О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	51
<i>Гриднева О.В.</i> ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ЧАСТНЫХ ОХРАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ДЕТЕКТИВНЫХ АГЕНТСТВ	55
<i>Гришина Е.П.</i> К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ- КРИМИНАЛИСТА	57
<i>Долидзе Н.И.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 116, 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ И ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ УКАЗАННОЙ КАТЕГОРИИ	59
<i>Журавлев Д.С.</i> ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I.....	61
<i>Камалиева Г.Т.</i> ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ	65

Карпова А.В. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ ПРИ РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ: ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	78
Коломацкая Е.И., Лукьянчикова Е.Ф. РОЛЬ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РФ.....	80
Кошкина В.В. БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ	82
Кривошеева О.А., Хилаенко А.Е. КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ	87
Кругликова Д.А. ГИПНОЗ КАК СПОСОБ ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	90
Макаренко В.С. УЧЕТ ГЕНДЕРНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ.....	93
Мамонова Ю.Ю. НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПРИ РЕЦИДИВЕ	97
Охотников И.С. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ	100
Пешков Г.Г., Скрынникова М.В. ИНСТРУКТАЖ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ «ПУНКТОВ» АЛГОРИТМА ПРИ ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	103
Подройкина И.А., Лазутина П.В. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ	106
Рубцова М.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ – ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ НАДЗОРА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ.....	110
Сабирова Л.Л. НЕКОТОРЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОННОСТИ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	113
Селезнев А.А. ЗАДАЧИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ.....	117
Симонян Д.Ю. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИЙ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ К СЛУЖЕБНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ	120
Ситкина М.Н. НОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ	123
Степанова О.Ю. ИЗНАСИЛОВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1926 ГОДА	126
Фокеев С.С. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО РЫНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	129
Шикла И.Р. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА.....	131
Шкилева Н.Л. ОТМЕНА УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ): ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ	134

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	137
<i>Галяев А.В.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	137
<i>Насырова Л.Г.</i> ЭРНСТ ЛЮДВИГ ФОН ГЕРЛАХ – ОСНОВАТЕЛЬ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ПРУССИИ.....	141
<i>Порывкин В.Н.</i> МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И РАСЧЕТА ОСНОВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РФ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ	143
<i>Сапрыкина А.В.</i> «ГОЛУБОЕ ЗОЛОТО» КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	146
СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СМИ»	151
<i>Зейдула Т.О., Овчарова Г.Б.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА: ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ.....	151

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОНОМИИ ВОЛИ

Абдуллаев А.М.

Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

*Гриднева О.В.*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, к.ю.н.,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматривается комплекс правовых мер, предусмотренных международным правом и действующим российским гражданским законодательством, который, наряду с действием норм непосредственного применения и оговорки о публичном порядке, закрепляет ограничения реализации автономии воли.

Ключевые слова: международное частное право, автономия воли, сфера действия автономии воли, пределы реализации автономии воли.

Актуальность настоящего исследования обусловлена нарастающим процессом глобализации и развития внешнеэкономических связей, которые повышают необходимость отразить статус международного коммерческого оборота на уровне национальных правовых норм. Очевидность этих процессов прослеживается и в более интенсивной международной унификации частного права, которая особенно широко развивается в сфере договорного права. В то же время, отмечается меньшая регламентация отношений со стороны национально-правовых систем, что в свою очередь повышает использование субъектами международного частного права соглашений о выборе права. В связи с данными тенденциями исследование правовых пределов и возможностей использования автономии воли представляет особый интерес.

Автономия воли в международном частном праве реализуется в рамках определенных ограничений, установленных государством. Законодательство может предусматривать формулы прикрепления, подлежащие императивно-му применению при разрешении коллизионных вопросов. В качестве примеров подобных ограничений, известных российскому и международному праву, можно назвать следующее.

Пунктом 2 статьи 1213 ГК РФ предусматривается невозможность применения к договорам в отношении недвижимого имущества, находящегося на территории Российской Федерации, норм иного правопорядка. Статья 1214 ГК РФ содержит отсылку к пункту 2 статьи 1202, предусматривающему перечень вопросов, связанных с правоспособностью юридического лица, регулирование которых возможно лишь на основе права страны учреждения юридического лица. Такими вопросами являются: статус организации в качестве юридического лица, ее организационно-правовая форма, требования к наименованию юридического лица, содержание правоспособности и другие. Значение автономии воли также довольно ослаблено в регулировании обяза-

тельств, возникающих из односторонних сделок. Согласно статье 1217 ГК РФ, если иное не вытекает из закона, условий или существа сделки, обстоятельств дела, к односторонним сделкам применяется право страны, где находится место жительства стороны, принимающей на себя обязательства по односторонней сделке. Осуществляя грамматическое толкование данной нормы, Монастырский Ю. Э. отмечает, что использование законодателем глагола «вытекать», а не, к примеру, «устанавливать» исключает допустимость выбора правопорядка в данном случае [2, с. 435].

Для международного частного права также характерно установление круга вопросов, регулируемых обязательственным статутом. В Гражданском кодексе Российской Федерации такое установление находит свое отражение в статье 1215, закрепляющей следующий перечень отношений, регулируемых подлежащим применению правом, в том числе избранным на основании статьи 1210 ГК РФ: 1) толкование договора; 2) права и обязанности сторон; 3) исполнение договора; 4) последствия неисполнения и ненадлежащего исполнения договора; 5) прекращение договора; 6) последствия недействительности договора.

Законодательное закрепление сферы действия обязательственного статута является тенденцией современного международного частного права. Данный процесс нашел отражение и в международно-правовых актах. Например, Римская конвенция 1980 года в статье 10 закрепляет перечень вопросов, подлежащих регулированию применимым к отношениям сторон правом, в который включаются также сроки приобретательной и исковой давности. Аналогичное положение содержит и статья 12 Гаагской конвенции 1986 года. Так как отношения сторон в рамках применимого права включают в себя широкий круг вопросов целесообразно считать установленный статьей 1215 ГК РФ перечень открытым и для его конкретизации обращаться к международному опыту, достижениям доктрины и практики. К примеру, по вопросу определения оснований недействительности договора, который не предусмотрен статьей 1215 ГК РФ, необходимо обратиться к информационному письму Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.02.1998 г. № 29 «Обзор судебной-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц», где указано: «для признания сделки недействительной суд должен руководствоваться основаниями предусмотренными в законе, в рамках которого действуют стороны» (п. 12) [1, с. 50-51].

Кроме того, обязательственным статутом определяются отношения связанные: с уступкой требования (ст. 1216 ГК РФ); с взиманием, порядком исчисления и размером процентов по денежным обязательствам (ст. 1218 ГК РФ); с неосновательным обогащением в рамках существующего или предполагаемого правоотношения (пункт 2 статьи 1223 ГК РФ). Важное практическое значение имеет положение статьи 1208 ГК РФ, которое относит определение сроков исковой давности к сфере действия обязательственного статута, что расходится с содержанием статьи 198 ГК РФ, запрещающей изменять данные сроки по соглашению сторон. Однако для изменения действия статьи

198 ГК РФ стороны правоотношения, осложненного иностранным элементом, по соглашению между собой могут избрать право страны, в которой допускается изменение сроков исковой давности по воле сторон (Франция) [4, с. 103-104].

Гражданский кодекс Российской Федерации содержит и отдельные коллизионные привязки не допускающие применения автономии воли, которые определяют правоспособность субъектов международного частного права (ст. – ст. 1201-1203) и форму сделок, осложненных иностранным элементом (ст. 1209). Необходимо отметить, что коллизионное регулирование формы сделок оспаривается в юридической литературе, при этом приверженцы данной позиции ссылаются на то, что большинство международно-правовых и зарубежных актов придерживаются иного подхода, суть которого состоит в том, что форма договора признается соблюденной и в том случае, если она соответствует праву, регулирующему договор по существу [3, с. 49-50].

Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет два случая действительности соглашений о применимом праве. Пункт 2 статьи 1210 предусматривает, что данное соглашение может быть или прямо выражено, или определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод о том, что автономия воли несомненно является гибким инструментом правового регулирования, но свобода её реализации носит небезграничный характер. Государство в интересах общества и третьих лиц может ограничивать проявление автономии воли, предусматривая, наряду с действием норм непосредственного применения и оговорки о публичном порядке, комплекс иных мер.

Список литературы

1. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. №4. С. 50-51.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / Под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова; Институт государства и права РАН. – М.: Юрайт. 2004. С. 435.
3. Малкин О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках. Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2005. С. 49-50.
4. Полевая О. С. Исковая давность в российском гражданском праве. Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2004. С. 103-104.

ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Агамиров К.В.

канд. юрид. наук, доцент,

Сетевое СМИ «Политика и право с Карэном Агамировым»,
Россия, г. Москва

В статье исследуются проблемы совершенствования российской правовой системы в условиях постиндустриального общества, в котором значительный сегмент рынка принадлежит сфере информационных продуктов и услуг. Это означает смену социальных

приоритетов в структуре общества – на смену классам приходит «культурный капитал»; творческий потенциал работника, уровень его подготовки и образования являются приоритетным показателем конкурентоспособности инновационной экономики.

В новых условиях, открывающих простор творческой инициативе, раскрепощающих человека и способствующих становлению всесторонне развитой личности, активно разворачиваются дискуссии о месте и роли правовой системы, права и закона в обеспечении функционирования государственных и общественных институтов.

Автор предлагает ввести новую правовую категорию, которую условно можно обозначить как «универсальное (адекватное, соразмерное, сбалансированное) право». В представлении автора, оно призвано устранить противоречие между либертарным (справедливым, разумным) и позитивным (официально признанным, действующим) правом соединением желаемого и действительного, возможного и необходимого, благостной мечты и суровой реальности. Задача универсального права – привести к общему знаменателю сущее и должное в данный конкретный промежуток времени. Универсальное право – это право в движении, соответствующее складывающимся условиям функционирования государственных и общественных институтов. Универсальное право – ключ к стратегии развития законодательства, прогнозированию и планированию законодательных работ на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, культурный капитал, инновационная экономика, киберпеступность, права и свободы граждан, правовая система, право и закон, либертарная и позитивистская концепции права, универсальное право, стратегия развития законодательства, прогнозирование и планированию законодательных работ на краткосрочную и долгосрочную перспективу, новый тип правопонимания.

Каждой общественно-экономической формации присущи свои специфические черты, в том числе в правовой сфере. Еще совсем недавно (по историческим меркам) мы жили при социализме и, соответственно, обосновывали преимущества социалистической правовой системы. Она отражала присущие тому времени представления об общественном порядке, законности и справедливости. Правовая система социализма имела большое конструктивное значение. Она определяла продуктивные для общества цели человеческих поступков и законные способы их достижения, предупреждала и пресекала нежелательные отклонения от требований социалистического образа жизни [11].

Социалистический образ жизни находился в неразрывной взаимосвязи с социалистической правовой системой и определялся прежде всего социалистическим способом производства, совокупностью естественно-географических и общественно-исторических условий, а также ценностных установок. Он охватывал всю совокупность форм жизнедеятельности: создание материальных и духовных благ, управление обществом и производством, семейно-бытовую сферу, отношения в области образования, общей культуры и т. д. Социалистический образ жизни представлял собой определенную иерархическую систему, взаимосвязь форм жизнедеятельности (а не механическую их сумму), которая (система) обладала относительной внутренней целостностью и органическим единством.

Социалистическому образу жизни соответствовал коллективистский способ жизнедеятельности, ставивший во главу угла всестороннее развитие

личности и ее социальной активности, гармоническое соединение воедино интересов общества, коллектива и индивида, воплощение принципов социального равенства и социальной справедливости. Гарантируя (на деле) трудящимся право на труд и утверждая (главным образом на словах) о росте материального благосостояния, доступе к знаниям и создании условий для творчества, участия в управлении общественными и государственными делами, все более полном осуществлении прав и свобод человека, социалистический образ жизни был пронизан историческим оптимизмом. Речь шла об утверждении в обществе социалистического, т.е. реального, подлинного гуманизма, о движении к полному благополучию и универсальному развитию всех членов общества [12, с. 232].

Внедрение в общественное сознание таких ценностей, как интернационализм, коллективизм, товарищество, трудовая и общественно-политическая активность, социальный оптимизм и нравственное здоровье, постоянное возвышение потребностей личности предполагало торжество новых общественных отношений. Заявленные сдвиги в образе жизни людей, их отношении к труду и общественным обязанностям должны были гарантировать высокий итоговый результат мирового социалистического развития и торжество идеалов социализма.

Шли годы, и становление социалистического образа жизни застопорилось. Оказалось, что реальная жизнь людей при социализме и социалистический образ жизни в виде определенной совокупности социальных норм – это не одно и то же. Исторический опыт показал, что одно дело – ставить задачи, и совсем другое – научиться их решать.

Все течет, все изменяется, и со временем социалистическая система вошла в противоречие с интересами людей, их жизненными приоритетами. Оказалось, что среди ценностей советского человека материальная составляющая занимает далеко не последнее место. На фоне уровня жизни людей на «загнивающем Западе» финансовое благополучие среднестатистического жителя СССР в условиях обобществленных средств производства и тотального дефицита товаров широкого потребления оказалось такой же иллюзией, как и страна всеобщего благоденствия великого гуманиста Томаса Мора в его знаменитой «Золотой книжечке» [15].

Образовался дисбаланс общего и личного. Добросовестный труд на благо общества, любовь к Родине, борьба за мир во всем мире и прочие непреходящие ценности коллективизма вне счастья конкретного человека обречены. Синхронность наиболее важных личных и общественных устремлений – залог устойчивости общественно-экономической формации. Доминанта коллективного начала ущемляет индивидуальное «Я», а превалирование личных интересов порождает психологию потребительства, эгоизм, равнодушие к общественному долгу.

Сегодня мы живем в эпоху постиндустриального общества (его еще называют информационным, постэкономическим обществом). Оно характеризуется наряду с высокоразвитой промышленностью, инновационными тех-

нологиями, исключительной производительностью труда еще и ростом качества жизни населения и развитием индустрии знаний. Научные исследования, разработки и достижения в эпоху постиндустриального общества превращаются в главную движущую силу экономики, а инвестиции – в человеческий капитал. Творческий потенциал работника, уровень его подготовки и образования являются приоритетным показателем конкурентоспособности инновационной экономики.

В постиндустриальном (информационном) обществе значительный сегмент рынка принадлежит сфере информационных продуктов и услуг; на первый план выдвигается развитие телекоммуникаций, информационных и других наукоемких технологий, оказание услуг в области поиска, передачи, получения и распространения информации.

Вместе с тем постиндустриальное общество содержит, как и всякое другое явление, элементы своего отрицания – развитие информационно-коммуникационных технологий провоцирует незаконные действия с их использованием (киберпреступность) и влечет, таким образом, угрозу национальной безопасности страны и конституционным правам и свободам граждан. Злоумышленники взламывают сервера правительственных организаций, государственных и частных компаний, похищают секретную информацию и блокируют их работу; распространяют в Интернете материалы экстремистской и террористической направленности, возбуждающие межнациональную и межрелигиозную вражду; размещают материалы порнографического характера и содержащие сцены насилия; распространяют всевозможные вирусы, взламывают пароли, похищают номера банковских кредитных карт и снимают с них денежные средства; совершают интернет-мошенничества при игре на фондовых рынках и интернет-аукционах. Широкое распространение получили махинации с продажей доменных имен: в массовой рассылке электронных сообщений содержится ложная информация о попытках неизвестных лиц зарегистрировать доменные имена, похожие на адреса принадлежавших владельцам сайтов, и им делается предложение зарегистрировать ненужное им доменное имя, чтобы опередить этих вымышленных лиц.

В этой связи противодействие угрозам использования потенциала информационно-коммуникационных технологий для нанесения ущерба национальным интересам и гражданам приобретает особенное значение и предполагает реализацию ряда мероприятий, заявленных в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212 [20].

Постиндустриальное общество иногда называют постклассовым. Это означает смену социальных приоритетов в структуре общества – на смену классам приходит культурный капитал [6, с. 99-158]. Доминирующая роль науки, знаний и их носителей в корне меняет социальную действительность, умножая многообразие моделей общественного развития.

С прогрессирующим совершенствованием компьютерного моделирования различных процессов, подчеркивает один из основателей теории пост-

индустриального общества Д. Белл, моделирования экономических систем, общественного поведения или различных вариантов разрешения проблем появились возможности широкомасштабных контролируемых экспериментов в общественных науках. Эти эксперименты открывают возможности для планирования альтернативных перспектив в самых разных сферах общественной жизни, раздвигая пределы определения и контроля влияющих на нас обстоятельств [5, с. 12].

Именно контролируемые эксперименты должны стать основой исследования процессов, происходящих в информационно-правовой сфере, выявления траектории движения правовой системы и ее развития в желательном направлении.

Правовая система, отражая социально-экономические процессы в обществе, выводит теоретические категории на уровень повседневной жизни людей, оттеняя свое главное предназначение – служить людям, показывать на деле (а не только в теории) реальные преимущества заложенных в ней ценностей. Правовая система представляет собой правовую организацию общества, совокупность непротиворечивых и взаимосвязанных социально однородных юридических явлений, которые властные структуры должны использовать для направляющего и стабилизирующего воздействия на общественные отношения и поведение людей [14, с.174]. Можно сказать, что она (правовая система) является хранилищем юридических явлений, которые имеются в обществе в одном и том же временном пространстве [9, с. 177].

В условиях постиндустриального общества, открывающего простор творческой инициативе, раскрепощающего человека и способствующего становлению всесторонне развитой личности, активно разворачиваются дискуссии о месте и роли правовой системы, права и закона в обеспечении функционирования государственных и общественных институтов. Либертарная (от лат. *libertas* – свобода) концепция права, в отличие от позитивистской (от лат. *positivus* – положительный), проводит разграничение между правом и законом. Ее основоположник – В.С. Нерсисянц определяет позитивистский подход к праву как формально-догматический. Право, по В.С. Нерсисянцу, следует рассматривать сквозь призму свободы. Свобода представляет собой высшую ценность. Закон, ущемляющий свободу, является неправовым; законной силой обладает лишь норма, представляющая собой меру триады: свободы, справедливости и разума. Государство, на вооружении которого находятся несправедливые законы, не может называться правовым [16, с. 20-55].

Разделяя по существу концепцию В.С. Нерсисянца (кто же будет выступать против правды, сконцентрированной в этой триаде?), следует отметить, что она оставляет открытым принципиальный вопрос: кто и как определяет – справедлив (разумен) принятый закон или нет? В чем заключаются критерии свободы, справедливости и разума, определяющие сущность права и государства?

В.С. Нерсисянц ссылается на Г.В.Ф. Гегеля. В праве, отмечает основоположник диалектического принципа познания, человек ищет свой разум.

Поэтому он должен исследовать разумность права, и это является предметом нашей науки в отличие от позитивной юриспруденции, имеющей дело в основном с противоречиями [7, с. 250]. При этом Г.В.Ф. Гегель рассматривает категории мышления и бытия, разумного и действительного как тождественные. Задача философии права состоит в том, чтобы осмыслить то, что есть, так как в том, что есть, и заключается разум [7, с. 55, 57-60, 250].

Возникает вопрос: если то, что есть, есть разум, то получается, что действительное разумно. Следовательно, действительное (действующее, позитивное) право разумно, стало быть, справедливо. В.С. Нерсисянц подчеркивает в этой связи, что правовая концепция Г.В.Ф. Гегеля в его философии права подразумевала принципы и характеристики буржуазного права; эта концепция тоже утверждала приоритет должного по отношению к сущему (к полуфеодальным общественным и государственно-правовым порядкам в тогдашней Пруссии). Поэтому в конкретно-историческом плане Г.В.Ф. Гегель имел в виду не то, что есть, а то, что должно быть [16, с. 17-18].

В.С. Нерсисянц толкует Г.В.Ф. Гегеля таким образом, что сущее и должное в понимании последнего все-таки разнятся, хотя сам немецкий философ указывает на разумность существующего. (Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно.) Можно, конечно, полемизировать о том, что на самом деле хотел сказать Г.В.Ф. Гегель, но даже если и принять подобную трактовку в интерпретации В.С. Нерсисянца, то так или иначе неизбежно встает все тот же вопрос: кто и как определяет неразумность сущего и разумность должного? Налицо противоречие, которое может быть преодолено поиском «золотой середины» между этими понятиями.

Автор предлагает снять это противоречие введением новой правовой категории, которую условно можно обозначить как «универсальное (адекватное, соразмерное, сбалансированное) право». В представлении автора, оно призвано устранить противоречие между либертарным (справедливым, разумным) и позитивным (официально признанным, действующим) правом соединением желаемого и действительного, возможного и необходимого, благодной мечты и суровой реальности [1, с. 51; 2, с. 44; 3, с. 38].

Могут возразить, что подобный синтез принципиально невозможен, так как полное соответствие модели реальному объекту – это не что иное, как утопия. Автор согласен с тем, что полное тождество действительно недостижимо, однако в главных, сущностных характеристиках, выражающих субстанциональные свойства модели, универсальное право вовсе не утопия, а вполне осязаемая материя.

Задача универсального права – привести к общему знаменателю сущее и должное в данный конкретный промежуток времени. Так как идеальной правовой системы в принципе быть не может (как и совершенного государственного и общественного строя), то универсальное право призвано отразить в своих нормах то, что определяет вектор развития государства и потребности личности в условиях данной общественно-экономической формации.

Государство и общество – не одномоментные явления, они находятся в постоянном развитии. Вместе с ними видоизменяется и правовая система. Универсальное право – это право в движении, соответствующее складывающимся условиям функционирования государственных и общественных институтов. Более того, оно должно развиваться опережающими темпами по отношению к государству и обществу.

Универсальное право призвано вести их за собой, отражая в своих нормах как назревшие, так и перспективные потребности государства и общества. Универсальное право – ключ к стратегии развития законодательства, прогнозированию и планированию законодательных работ на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Признание права может иметь место лишь при наличии единства внутри самой правовой системы и между политической, социально-экономической и прочими сферами жизни общества. Закон и охраняемые им ценности – свобода, равенство, образование, творчество – должны находиться в органическом единстве друг с другом [19, с. 85]. Это принципиальное суждение из семидесятых годов прошлого века имеет все основания считаться основополагающим и в наши дни.

Так как же, все-таки, определить, справедлив, разумен или нет данный конкретный уже принятый закон или включенный в план законодательных работ законопроект? Единых критериев нет и быть не может, как нет и не существует раз и навсегда данных критериев справедливости конкретного государственного и общественного устройства (и вообще в принципе справедливости чего бы то ни было). Для кого-то (человека, социогруппы, социобщности) государство и выражающее его волю действующее (позитивное) право представляется справедливым, для кого-то нет. В общепринятом определении справедливость включает в себя понятие о должном, но это должное разным людям (группам, общностям) видится по-разному. Точно также одно государственно-правовое устройство кому-то представляется более или менее справедливым, чем другое.

Вышеизложенное не означает, что универсальное право аморфно. Напротив, оно обладает субстанциональными признаками, позволяющими, с одной стороны, уйти от идеализма либертарного права, а с другой – нивелировать этатизм позитивного права. Таким образом, универсальное право представляет собой концепцию правопонимания, в соответствии с которой правовая система отражает сущее в должном, а должное в сущем. Универсальное право опирается на диалектический закон непрерывного движения правовой материи: что сегодня хорошо – завтра может оказаться непригодным.

Критериями справедливости (разумности, должности) в универсальном праве являются непреложные законы человеческого бытия. Правовая система может считаться необходимым и достаточным условием бесперебойного функционирования государственных и общественных институтов, если она:

- а) обеспечивает государственную и общественную безопасность;

б) удерживает государство в гегелевских «границах порядка», то есть ограничивает его вмешательство в частную жизнь граждан;

в) наделяет поданных государства неотъемлемыми правами и свободами и гарантирует их неукоснительное соблюдение;

г) находится в постоянном развитии, обеспечивая тем самым надлежащее функционирование государственных и общественных институтов в соответствии с изменяющимися политическими и социально-экономическими условиями.

Предложенный автором новый тип правопонимания в виде универсального права ни в коей мере не претендует на истину в последней инстанции, а лишь приглашает к обсуждению давно назревшей проблемы единства и борьбы противоположностей – сущего (позитивного) и должного (либертарного) права.

Это тем более важно, что постиндустриальное общество, открывая дорогу людям знаний, ярким талантам, так или иначе вносит серьезную дисгармонию во взаимоотношения между членами общества, снижает общий уровень социальной удовлетворенности. Большинство граждан имеют обычные, ничем не выделяющиеся способности. Соответственно, как правило, их материальный статус ниже, чем у более одаренных и социально активных людей. Является ли такой дисбаланс нарушением принципов социальной справедливости, социального равенства, ущемлением законных прав и интересов людей? Может ли право способствовать устранению фактического неравенства? Нет, не может, и вот почему.

Право, как формальное равенство и всеобщая равная мера, не в состоянии сделать всех людей счастливыми. Тем не менее, проявляя себя в общеобязательном законе и выражая во внешней реальной действительности правовую сущность, право соблюдает эквивалент и соразмерность в отношениях между субъектами права. Формальное равенство и всеобщая мера права гарантирует не фактическое, а именно формальное равенство, которое абстрагировано от реальной действительности; оно не может отменить фактические различия между людьми. Это подтверждает и один из постулатов В.С. Нерсисянца, согласно которому право, выражая форму отношений по принципу равенства, не может ликвидировать отпавших несхожестей между разными людьми. Право формализует и регулирует эти различия по единому основанию, преобразуя неопределенные фактические различия в формально-определенные неравные права свободных, автономных и равных личностей [16, с. 34].

Изначальная равная правоспособность ввиду различия между субъектами права ведет к приобретению неравных прав, однако это не нарушает принципа их формального равенства. Именно право упорядочивает хаос различий в обществе [16, с. 34], и компоненты правовой системы (отрасли; подотрасли; правовые институты; нормы права) призваны обеспечивать надлежащее регулирование общественных отношений свободных индивидов.

В то же время именно право призвано сглаживать последствия таких различий, предоставляя возможность гражданам, не имеющим достаточных материальных возможностей для полноценной жизни и творческого развития, систему определенных гарантий при поступлении в высшие учебные заведения, трудоустройстве, организации спортивных мероприятий, культурного досуга и пр. Если общество не хочет погибнуть, оно должно очень внимательно отнестись к проблеме неравномерности распределения материальных ресурсов и вытекающих отсюда социальных конфликтов [4, с. 104-107].

Исходя из вышеотмеченных особенностей взаимосвязи и взаимозависимости права, свободы и равенства, развитие правовой системы в условиях постиндустриального общества с прогностических позиций предполагает следующие основные направления:

а) совершенствование законодательной основы, повышение его качества и эффективности;

б) улучшение взаимодействия между правовой, политической, экономической, социальной системами;

в) сглаживание социальной неоднородности общества как первопричины социальных раздоров, совершенствование распределительных отношений, усиление контроля государства и общества за реализацией принципа распределения по труду;

г) дальнейшее углубление гуманистических черт и нравственных начал в правовой системе;

д) совершенствование методов правового регулирования общественных отношений, повышение значения стимулирования общественно-полезных действий и социальной активности личности.

Реализация заявленных направлений требует дальнейшего развития как общей теоретической концепции, так и усиления теоретической части отраслевых наук. Нормы и институты отраслей законодательства тогда смогут действительно выполнять свои функции, когда будут ориентированы не только на закрепление социальных отношений объективной реальности, но и на учет факторов, определяющих тенденцию их дальнейшего развития.

Г.А. Злобин как в воду глядел еще в советские годы, когда отметил, что конкретный социальный базис нормы неизбежно принимает прогностический характер, обращается в будущее. Именно поэтому социальная аргументированность правовых норм имеет своим началом не только понимание насущной (возможно, вынужденной в конкретных исторических условиях – *Авт.*) потребности в данных общественных отношениях, но и прогнозирование их закономерного развития [8, с. 16-29].

Постиндустриальное общество открывает широкие перспективы в экономической и социальной областях жизни общества и в тоже время порождает новые проблемы в области государственно-правового регулирования общественных отношений. Именно поэтому стратегия развития законодательства и юридическое прогнозирование в целях содействия решению этих проблем должны основываться на анализе и полном учете главных тенден-

ций развития правовой системы. Основное значение имеет учет ведущей тенденции развития. Она состоит в укреплении правовой основы государственной и общественной жизни, т.е. в повышении роли нормативного регулирования и значения правовых принципов во всех сферах – политической, экономической, социальной, духовной.

Это предполагает комплексный подход к подготовке политических, экономических, социальных и других прогнозов, соединение усилий как гуманитарных, так и естественных наук, требует углубления системных представлений о будущем.

Совершенствование нормативной базы регулирования общественных отношений является предпосылкой и фактическим материалом формирования прогностических оценок развития всей правовой системы.

Теоретический подход предполагает:

а) выявление определенного круга общественных отношений, правовое регулирование которых представляется в ближайшие 10-15 лет необходимым;

б) обоснование и практическую разработку проектов нормативных правовых актов, опосредующих сферы общественных отношений, нуждающиеся в правовом урегулировании;

в) последовательное улучшение законодательного обеспечения уже урегулированных правом сфер общественной жизни;

г) разработку прогнозов возможных изменений в методах и формах правового регулирования.

Закономерность развития правовой системы в условиях постиндустриального общества состоит в укреплении правовых начал во всех областях социальной действительности. Впрочем, так было всегда. На фоне динамизма и изменчивости социальной жизни, прогнозировал В.Н. Кудрявцев, потребность в упорядочении социальных процессов все более возрастает [10, с. 5]. Так и получилось, ибо повышение значения и роли правовой системы обуславливает значительное расширение круга регулируемых общественных отношений [13, с. 125-136].

Однако эту закономерность нельзя понимать односложно. Как ни парадоксально, но именно усложнение политических, экономических и социальных задач вызывает к жизни встречную тенденцию сокращения сферы правового регулирования в тех сферах, в которых право не в состоянии реально повлиять на изменение или совершенствование тех или иных общественных отношений. Минимальные шансы у правового регулирования присутствуют в сфере способа производства, вносит в этой связи коррективу Ю.Г. Ткаченко, но они значительно возрастают в социальной области. Однако и в этом направлении роль правового регулирования обратно пропорциональна значимости тех объективных закономерностей, которые обуславливают развитие экономики. Возможности нормативного регулирования серьезно увеличиваются в политической и духовной сферах, но и в них проблема достижения эффективности такого регулирования также остается далеко нерешенной [22, с. 100].

Прежде чем вторгнуться в регулирование общественных отношений, законодатель должен смоделировать, насколько оно будет эффективным. Яркий пример такого непродуманного вторжения – т. н. антитабачный закон [18], не принесший сколько-нибудь ощутимых результатов. Он был принят без учета культурного уровня населения, его готовности к реализации заложенных в этом акте позиций, а правоохранительные органы оказались не в состоянии обеспечить контроль за его исполнением. То же самое можно сказать и об «антипиратском законодательстве» [17]. Законодательные акты, не встречающие понимания граждан и не имеющие эффективного механизма реализации, будут обречены, даже если они и целесообразны. С другой стороны, если законодатель взялся ликвидировать пробел в праве, то он не должен останавливаться на полпути. Правовое регулирование – это не латание дыр в общественных отношениях, а направленное воздействие государства с целью их максимальной стабилизации и упорядочивания.

В этой связи вызывает недоумение, например, размер материнского капитала, не обеспечивающий молодым семьям достаточной социальной поддержки, не соответствующие стоимости жизни пособия на детей и по безработице, уровень заработной платы в бюджетных отраслях и т.д. Фактическое отсутствие квалифицированной бесплатной медицинской помощи, реальной возможности получить достойное высшее образование, крайне низкий уровень заработной платы и пенсионного обеспечения, огромная армия безработных, – эти и другие факторы самым негативным образом отражаются на социальном климате в обществе и являются питательной почвой для политических спекулянтов разного рода, призывающих к «жесткой руке», а то и к диктатуре. Снятие социальной напряженности правовыми средствами является наиболее эффективным и цивилизованным способом гармонизации интересов различных слоев населения и поддержания стабильности и правопорядка.

Правовая система призвана не только закрывать пробелы в регулировании общественных отношений и устранять недостатки действующих нормативных правовых актов, но и развиваться опережающими по отношению к общественному развитию темпами. Предвосхищение новых сфер правового регулирования, прогнозирование их становления и эволюции, планирование на этой основе законодательства на ближайшую и долгосрочную перспективы – в этом суть прогностическо-регулятивной функции права.

Стратегия развития законодательства определяется усилением планомерного воздействия правовых норм, институтов, подотраслей и отраслей на весь спектр общественных отношений постиндустриального общества. Повышение роли правового регулирования происходит и в субъективной стороне правовой системы – правовой культуре, правовом сознании, правовой идеологии. Объективные законы развития общества не проявляются сами по себе. Они рассчитаны на активную и целенаправленную деятельность людей [21, с. 35]. Будет также происходить качественный сдвиг в правоприменительной деятельности как связующем звене правовой системы и государства, выражающим реальное воплощение правовых норм в жизнь.

Список литературы

1. Агамиров К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика. М., 2015. С. 51.
2. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фундамент развития правовой системы. М., 2015. С. 44.
3. Агамиров К. В. Прогностические проблемы совершенствования правовой системы, законотворчества и социального механизма правореализации. М., 2016. С.38.
4. Агамиров К.В. Прогнозирование правового поведения. М., 2017. С. 104-107.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М., 2004. С. 12.
6. Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 99-158.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. Б.Г.Стоппнера и М.И.Левиной. М., 1990. С. 55, 57-60, 250.
8. Злобин Г.А. Социологические исследования и совершенствование законодательства // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1976. Вып. 5. С. 16-29.
9. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 177.
10. Кудрявцев В.Н. Конституция СССР и дальнейшее развитие советского права // Вестник Академии наук СССР. 1978. № 10. С. 5.
11. Кудрявцев В.Н. Правовая система: пути перестройки // Правда. 05.12.1986.
12. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.6. С. 232.
13. Лукашева Е.А. Общеправовое право как средство государственной деятельности // Советское государство в условиях развитого социалистического общества. М., 1978. С.125-136.
14. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государств и права. М., 2009. С. 174.
15. Мор Томас. Утопия / Пер. с лат. Ю.М. Каган. М., 1978.
16. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 17-18, 34, 20-55.
17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. N 187-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 6124. 10.07.2013; <http://www.rg.ru/2013/07/10/pravo-internet-dok.html>; <http://base.garant.ru/70405630/>.
18. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. N 15-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 6017. 26.02.2013; <http://base.garant.ru/70321478/>.
19. Право и социология / Под ред. Ю.А. Тихомирова и В.П. Казимирчука. М., 1973. С. 85.
20. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: Утверждена Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. N Пр-212 // Российская газета. Федеральный выпуск № 4591. 16.02.2008; <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>; <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92762/>; См. также О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. N 1815-р. // <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>.
21. Строгович М.Г. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 35.
22. Ткаченко Ю.Г. Некоторые методологические проблемы теории правоотношений // Труды ВЮЗИ. 1975. Т. 39. С. 100.

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
«ИНФОРМАЦИЯ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ И АКТАХ
В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, СОСТАВЛЯЮЩИХ
ПРАВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА,
И В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О ТАМОЖЕННОМ ДЕЛЕ**

Алексеева М.В.

доцент кафедры конституционного и международного права, канд. юрид. наук,
Ростовский филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Охрицько Д.С.

старший государственный таможенный инспектор,
Ростовская таможня, отдел валютного контроля, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье раскрывается содержание основополагающих принципов информационного взаимодействия и координации его осуществления в рамках Евразийского экономического союза. Автором проанализированы особенности использования понятия «информация» в международных договорах и актах национального законодательства в сфере таможенного регулирования.

Ключевые слова: информация, таможенное регулирование, международное законодательство, право Евразийского экономического союза.

Термин «информация» широко используется в международных договорах и актах в сфере таможенного регулирования, составляющих право Евразийского экономического союза, и в законодательстве Российской Федерации о таможенном деле, однако при этом обозначаемое им понятие в указанных отраслях права и законодательства не определяется, их нормы по данному вопросу имеют отсылочный характер.

В частности, п. 3 ст. 4 ТК ТС (осуществляющего таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) до вступления в силу Таможенного кодекса ЕАЭС), ч.3 ст. 5 Федерального закона от 27.11.2013 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о таможенном регулировании), положения иных федеральных законов в области таможенного дела, отсылают нас к национальному законодательству и предоставляют возможность использовать понятие «информация» в том значении, в каком оно используется в соответствующих отраслях законодательства Российской Федерации, если иное не предусмотрено ТК ТС [1, с. 12].

Примерами нормативного установления применения понятия «информация», закрепленного в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон об информации), для таможенных органов Российской Федерации являются главы «Информационные системы и информационные

технологии» в ТК ТС (глава 40) и Федеральном законе о таможенном регулировании (глава 7).

В соответствии со ст. 124 ТК ТС обмен информацией между таможенными органами в рамках взаимной административной помощи производится в соответствии с международными договорами государств – членов таможенного союза. В этом случае понятие «информация» может использоваться в значениях, определенных данными международными договорами. Например, в Соглашении о создании, функционировании и развитии интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза от 21 сентября 2010 года прямо указывалось на применение понятия «информация» в определении как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления».

Кроме того, с учетом использования в ТК ТС и Федеральном законе о таможенном регулировании понятия «средства массовой информации», следует иметь в виду и то, что рассматриваемая дефиниция «информация» в законодательстве Российской Федерации не является единственной. В частности, другой смысловой контекст ее понимания содержит понятие «массовая информация», определяемое в Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» как «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы».

Исходя из изложенного, видно, что в рамках таможенного регулирования и правового регулирования отношений в области таможенного дела в Российской Федерации под информацией могут пониматься, в одном случае, «сведения (сообщения, данные)», в другом – «сообщения и материалы».

Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» не отграничивал правовое регулирование отношений, связанных с организацией и деятельностью средств массовой информации, от законодательства Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации и определял понятие «информация» как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления».

Однако для использования в правоприменительной практике определение тождества «информация – сведения» оказалось сложным, поскольку в условиях многообразия содержания и форм выражения информации не обеспечивало четкого понимания того, какие внешние по отношению к его содержанию дефиниции могут рассматриваться в правовом пространстве в качестве составных частей или элементов того и (или) другого [3, с. 22]. Например, в ТК РФ 1993 года это были дефиниции «документы и сведения», «сообщения, заявления и иная информация», «сообщения и другие материалы для целей массовой информации», «данные». В ТК РФ 2003 года (до вступления в силу Федерального закона об информации 2006 года), дополнительно, это были отдельная дефиниция «сообщения» и различные составы ее использования в рамках отраслевой терминологии и т.д.

В принятом в 2006 году новом Федеральном законе об информации понятие «информация» определяется как «сведения (сообщения, данные) неза-

висимо от формы их представления». Т.е. видно, что по сравнению с Федеральным законом об информации 1995 года данное определение понятия информации содержит в своем составе уточнение термина «сведения» на основе использования близких ему по смыслу слов «сообщение» и «данные».

Однако, как известно, термин «сведения» во фразеологии русского языка однозначного толкования не имеет и определяется по-разному: как «знание, представление о чем-нибудь; познание в какой-либо области; известие, сообщение». С учетом этого, видно, что лексическое толкование понятия «сведения» в рамках смысловой взаимосвязи слов «информация» – «сведения» – «сообщения» – «данные», закрепленной в Федеральном законе об информации, в большей степени отражает сущность информации как средства познания.

Фразеологическое значение термина «сообщение» толкуется в русском языке как «то, что сообщается, известие», а значение термина «данные» – как «сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения». Соответственно, обозначаемые данными терминами понятия отражают сущность информации не в чистом виде, а как результат творческого труда. С учетом правил лексического толкования на основе этого видно, что в легальном определении понятия «информация» понятия «сообщения» и «данные» представляют различного вида содержание сведений.

В нормах ТК ТС и Федерального закона о таможенном регулировании термины «информация» – «сведения» – «сообщения» – «данные» используются по-разному. Количественные подсчеты этого использования показывают, что в наибольшей степени в рассматриваемых правовых актах представлены термины «информация» и «сведения», а термины «сообщения» и «данные» – лишь в их единичных статьях. Это, безусловно, полностью не отражает смысловой взаимосвязи рассматриваемых терминов, закрепленной в Федеральном законе об информации.

Кроме того, рассматриваемые термины касаются информации лишь как предмета регулируемых отношений, в то время как оформленные на их основе правовые дефиниции в рассматриваемых правовых актах затрагивают и другие важнейшие параметры этих отношений: содержание (цели) действий субъектов права; функционально-целевую сферу активности субъектов права, порождающей юридические факты; содержание юридических предписаний для действий субъектов права.

Все это указывает на то, что, рассматривая особенности использования понятия «информация» в нормах ТК ТС и Федерального закона о таможенном регулировании, его легальное закрепление в них как предметной дефиниции следует соотносить не только с количественными, но качественными показателями закрепления в данных нормах синонимов рассматриваемого понятия, а также с оформленными на их основе дефинициями функционально-целевого характера и глагольными формами, рассматриваемых юридических терминов.

Например, анализ содержания термина «информация» как предметной дефиниции в рамках такой систематизации («информация в сфере таможен-

ного дела», «информация по вопросам таможенного дела», «информация, полученная таможенными органами», «информация, имеющаяся у таможенных органов» и др.) позволяет указать на необходимость закрепления в таможенном законодательстве стандартизированного определения понятия отраслевой информации.

Более ясной становится и цель использования в нормах ТК ТС и Федерального закона о таможенном регулировании терминов «сведения», «данные» и «сообщение». В частности, видно, что термины «сведения» и «данные» обозначают в них зафиксированную информацию как фактическую основу регулируемых отношений в рассматриваемой сфере деятельности («сведения о характере товаров, их наименовании, количестве, стране происхождения и таможенной стоимости», «данные таможенной статистики внешней торговли товарами» и др.), а термин «сообщение» – не только содержание информации как предмета отношений, но и процессов и методов работы в отношении её («сообщение, содержащее сведения», «направление декларанту электронного сообщения, содержащего сведения» и др.).

С учетом того, что информация существует в операциях сбора, передачи, регистрации, хранения, обработки и использования, наглядным становится и то, что смысловую взаимосвязь рассматриваемых терминов в нормах ТК ТС и Федерального закона о таможенном регулировании во многом отражают оформленные на их основе дефиниции функционально-целевого характера («сбор, обработка и анализ информации», «получение информации», «предоставление информации», «обмен информацией», «просмотр и выборка необходимой информации», «проверка информации», «сопоставление информации», «изучение и анализ сведений», «запрос документов и сведений», «получение подтверждения документов и сведений» и др.).

Глагольные формы, оформленные в нормах ТК ТС и Федерального закона о таможенном регулировании на основе терминов «информация» – «сведения» – «сообщения» – «данные», выражают все основные способы правового регулирования, а также приемы и формы их выражения («вправе осуществлять сбор информации...», «имеют право на ознакомление с документированной информацией», «вправе представить предварительную информацию о товарах», «вправе доказать достоверность сведений, «обязан предоставить информацию», «обязан информировать», «дополнительная информация должна быть представлена в течение...», «не вправе разглашать, использовать в личных целях либо передавать информацию третьим лицам» и др.).

Недостаточно внимания уделено в ТК ТС и Федеральном законе о таможенном регулировании негативным действиям, создающим угрозу информации или формирующим правонарушение по отношению к ней. За исключением подложных документов, недостоверных и (или) неполных сведений, в них ничего не говорится о правонарушениях, например, связанных с повреждением документов, изменением сведений и данных, удалением и (или) уничтожением информации, а также о действиях таможенных органов и иных субъектов по предупреждению и недопущению указанных действий.

В этом же контексте терминами-антонимами в нормах ТК ТС и Федерального закона о таможенном регулировании слабо зафиксировано содержание их диспозиций в отношении параметров комплексного качества отраслевой информации. В частности, большинство используемых терминов-антонимов можно считать таковыми в отношении рассматриваемых терминов лишь при условии их прямого тождества (например, «полная и достоверная информация» – «неполные и (или) недостоверные сведения»).

Понятие информации как предмета отношений в рамках его смыслового контекста, определяемого в Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», в ТК ТС и Федерального закона о таможенном регулировании не используется. Сообщения и материалы для средств массовой информации рассматриваются в ТК ТС лишь как отдельная категория товара, перемещаемая через таможенную границу и помещаемая при этом под таможенную процедуру в первоочередном порядке.

Свои особенности использования имеет понятия «информация» и в международных договорах и актах в сфере таможенного регулирования, составляющих право Евразийского экономического союза.

В частности, термин «информация» достаточно широко используется в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС, Договор) и во всех 33 приложениях к нему. Однако при этом смысл обозначаемого данным термином понятия информации, используемого для целей Договора и приложений к нему, в Договоре не определяется. В Договоре лишь содержится норма (ст.2), согласно которой иные понятия, используемые в настоящем Договоре, понимаются в значениях, приведенных в соответствующих разделах настоящего Договора и приложениях к нему. Нормы, предоставляющей право применять понятие «информация» в государствах-членах Союза в том значении, в каком оно используется в соответствующих отраслях законодательства этих государств, если иное не предусмотрено правом Союза, Договор о ЕАЭС не содержит [2, с. 11].

При условии «уклонения» от легального определения понятия «информация» в Договоре и в приложениях к нему его использование в них, с одной стороны, максимально формализовано, с другой стороны, связано с оформлением на его основе словооборотов, указывающих на то, что понятие «информация» в праве Союза в большей степени рассматривается не как правовая дефиниция, относящаяся к конкретным элементам в отдельности («информация – сведения (сообщения, данные)», а как правовая категория, образованная группой правовых дефиниций по определенным признакам («информация, включающая сведения ...», «информацию, а также сведения ...» и др.).

Направления использования термина «сведения» и оформленных на его основе правовых дефиниций в Договоре о ЕАЭС и приложениях к нему имеют широкий предметно-целевой характер («сведения из электронных документов», «сведения из реестров», «сведения об экспортной цене товара ...», «сведения конфиденциального характера или служебная информация», «размещение сведений в средствах массовой информации и сети Интернет» и др.). Это также позволяет указать на то, что в праве Союза дефиниция «све-

дения» в большей степени рассматривается как особый вид информации, а не как понятие, отражающее ее сущность как средства познания.

Отдельно следует сказать об использовании понятия «информация» и его синонимов в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС).

Прежде всего, следует отметить, что определения понятия «информация» ТК ЕАЭС не содержит, однако, также как и ТК ТС, содержит отсылочную норму (п. 4 ст. 2 проекта ТК ЕАЭС), позволяющую использовать данное понятие в том значении, в котором оно используется в соответствующих отраслях законодательства Российской Федерации, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.

Направления использования термина «информация» и оформленных на его основе правовых дефиниций в проекте ТК ЕАЭС идентичны направлениям их использования в ТК ТС, однако имеют особенности, обусловленные предусматриваемыми в Проекте новациями таможенного администрирования, основанными на электронных формах информационного взаимодействия. С учетом этого термин «информация» используется в ТК ЕАЭС в значительно большем количестве статей, чем в ТК ТС, а состав оформленных на его основе предметных и функционально-целевых дефиниций является более широким.

Анализ использования в ТК ЕАЭС термина «сведения», позволяет указать на то, что он и оформленные на его основе правовые дефиниции обозначают в проекте Кодекса чаще всего особый вид информации, в отношении которого установлен правовой режим («сведения, подлежащие указанию в таможенных документах в кодированном виде», «сведения, необходимые для выпуска товаров» и др.). В рамках регламентации системы управления рисками, применяемой таможенными органами, совокупность сведений определяется в ТК ЕАЭС как профиль, т.е. как вид, очертание какого-либо предмета.

Предметная сторона термина «данные» в ТК ЕАЭС в определенной степени усилена за счет введения в нем в оборот понятия «данные, содержащиеся в реестрах», а термина «сообщение» – во многом отводимой ему ролью: отражать не соответствующее нормам права поведение субъектов («сообщение о преступлении»).

Состав дефиниций функционально-целевого характера дополнен в ТК ЕАЭС понятиями, оформленными лишь на основе терминов «информация» и «сведения» («размещение информации», «доведение информации до всеобщего сведения», «уточнение сведений», «корректировка сведений», «изменение (дополнение) сведений» и др.).

Также как и в ТК ТС, недостаточно внимания в ТК ЕАЭС уделено негативным действиям, создающим угрозу информации или формирующим правонарушение по отношению к ней, действиям таможенных органов и иных субъектов по предупреждению и недопущению указанных действий. Хотя, например, в числе недействительных документов в ТК ЕАЭС называются документы, содержащие «заведомо недостоверные (ложные) сведения».

Параметры комплексного качества отраслевой информации в ТК ЕАЭС отражают термины «достоверная, количественно определяемая и документально подтвержденная информация», «достаточная информация», «точные сведения», «полные и достоверные сведения», «подробные сведения» и др. Также как и в ТК ТС требования к параметрам комплексного качества отраслевой информации в ТК ЕАЭС отражают их термины-антонимы (например, «недостоверные и (или) неполные сведения», «недостающие сведения» и др.), а также иные термины данного характера (например, «отсутствие точных сведений», «информация, не считающаяся приемлемой для использования» и др.).

В целом анализ содержания основополагающих принципов информационного взаимодействия и координации его осуществления в рамках Союза показывает, что они, в отличие от ТК ТС и Федерального закона о таможенном регулировании, основаны на восприятии информации как правовой категории, в структуре которой понятия «сведения», «сообщения» и «данные» рассматриваются в равной степени функционально значимыми способами ее получения, средствами и инструментами ее передачи.

Список литературы

1. Алексеева М.В. Понятие и государственно-правовые основы информационной деятельности: монография. – Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2012.
2. Алексеева М.В. Особенности реализации антикоррупционного мониторинга в условиях Евразийского экономического союза // Северо-Кавказский юридический вестник, 2016, № 4. С. 7-14.
3. Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М, 2013. / URL:<http://base.consultant.ru> (дата обращения: 09.01.2017).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВИНЕ В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Андрусенко О.В.

доцент кафедры истории государства и права, канд. юр. наук, доцент,
Уральский государственный юридический университет,
Россия, г. Екатеринбург

В статье проанализировано развитие института вины в российском законодательстве на примерах Проекта Уголовного уложения 1813 г., Свода законов 1832 г., Свода законов 1842 г., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Показана эволюция института вины в законодательных актах Российской I половины XIX века.

Ключевые слова: формы вины, умысел, неосторожность, небрежность, случайность, легкомыслие, основания уголовной ответственности.

История развития российского законодательства о вине уходит корнями в древнейшее прошлое. Вопрос о вине как основании юридической ответ-

ственности выступает определяющим в юридической науке. Путь становления и развития института вины довольно сложный и противоречивый и зависел от различных периодов в развитии права.

В начале XIX века разделение преступных деяний основывалось на свойствах преступлений, зависящих от намерения, с которым деяние производилось. В частности, в Проекте Уголовного уложения 1813 г. преступления делились на умышленные и неумышленные (§ 6). Проект выделял две формы вины: умысел и неосторожность (§§ 7, 10). Деяние определялось совершенным с умыслом, то есть учиненным "с волею и намерением" и считалось таковым до тех пор, пока из обстоятельств не оказывалось, что не было умысла учинить именно то преступление, каковое произошло (§ 7). Ответственность за умышленные деяния возлагалась на обвиненного "за все вредные последствия".

Неосторожность как форма вины была отражена в Проекте в виде общего определения, однако, Уложение еще не различало неосторожность и ее виды и наряду с неосторожностью определяло небрежность, оплошность и легкомыслие (§ 10). Ответственность за неумышленные деяния целиком возлагалась на виновного, причем вина усугублялась, если "в том деле осторожность законами предписана", или "когда по свойству и роду самого дела всякому очевидно, что от небрежения в оном... могут произойти вредные последствия". Таким образом, Проект не только не определял более мягкого наказания за неумышленные деяния, но и усугублял ответственность за небрежность и легкомыслие. Основаниями уголовной ответственности по Своду законов уголовных 1832 г. являлись виновность (ст. 3-8) и доказанность (ст. 107, 108) преступного деяния. Российское уголовное законодательство со времен Соборного уложения и Артикула воинского выделяло такие формы вины как умысел и неосторожность, но Свод законов в ст. 3-8 делал это наиболее четко. В каждом преступлении и проступке необходимо различать "с умыслом оно учинено или без умысла". При этом под умыслом закон понимал "...обнаруженное каким-либо действием намерение учинить оное (преступление – О.А.), хотя бы при том и не было произведено ни самого преступного действия, ни покушения к оному" (ст. 8). Свод законов не различал видов умысла. Наличие умысла в преступлении являлосьотягчающим обстоятельством, при этом вина преступника увеличивалась: "чем более было в преступлении злого умысла, ...тем более вина преступника" (ст. 121).

Свод законов давал довольно четкое определение неосторожной вины в ст. 4, характеризуя ее как "нарушение закона или неисполнение оного", в случае, "когда кто без умысла учинит то, что закон запрещает, или того не исполнит, что законом предписано". При этом вина неосторожная различалась двух видов (ст. 5): 1. "когда виновный легко мог предвидеть, что действие его может повлечь противозаконные последствия..."; 2. "когда виновный совершал действие, законом не воспрещенное, не думая, чтобы из оного смогло произойти противозаконное последствие, однако же, при надлежащей осмотрительности мог бы избежать противозаконного последствия".

Ответственность за неосторожные деяния определялась либо на основании особых постановлений закона, либо "если в законе наказание в точности не означено", то по усмотрению суда, согласно с обстоятельствами дела и состоянием виновного (ст. 114). Нельзя не отметить, что формулировка закона давала определенный произвол судам при рассмотрении дел. Вместе с тем, вина неосторожная влекла более мягкое наказание, чем вина умышленная. Так, "Главный виновник умышленного смертоубийства подлежит лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и каторжной работе" (ст. 332). В то время как неосторожное убийство "подвергает виновного или тюремному заключению, или денежному штрафу, или телесному наказанию, во всех же случаях церковному покаянию" (ст. 336).

Довольно четко Свод законов определял "деяния случайные, происходящие от обстоятельств и случаев непредвиденных" (ст. 6). Случайность преступления являлась обстоятельством, освобождающим от наказания: "ежели доказано и судом признано будет, что деяние, от коего произошло преступление... сделалось таковым случайно, без всякого умысла и намерения и даже без видимой неосторожности, тогда деяние не вменяется подсудимому в преступление...", и только в некоторых случаях по приговору суда для очищения совести он предавался церковному покаянию (ст. 132). В случае "смертоубийства", совершенного без намерения, непредвидимою, без малейшей с его стороны неосторожности, случайно, подсудимый не подлежал уголовной ответственности и только для очищения совести предавался церковному покаянию (ст. 340). В Своде законов уголовных 1842 г., статья о случайном смертоубийстве освобождала виновного не только от наказания, но и от церковного покаяния. Таким образом, понятия умысла, неосторожности, случайности были неплохо изложены Сводом для того времени.

Предшествующее законодательство России достаточно четко определяло такие формы вины как умысел и неосторожность. Так, Проект 1813 г. содержал как определение умысла, так и неосторожности, хотя и весьма несовершенные. Свод законов делал это более четко (т. 15, ст. 3-8). Уложение, так же как и Свод законов, делило преступления и проступки на умышленные и неумышленные (ст. 5) и различало в умысле две степени: 1-я степень: "когда деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла", то есть лицо, сознавая совершаемое и его результаты, сознавая, что оно посягает на запрет юридической нормы, направляет свою деятельность по этому пути. Первая степень умысла наказывалась строже. В ст. 111 Уложения указывалось, что "за преступление, учиненное вследствие намерения заранее преступником обдуманного, определяется всегда высшая мера наказаний", за то преступление положенного, если в законе не определено для случаев этого рода особой ответственности. Кроме того, по п.1 ст. 135, мера наказания увеличивалась "чем более было умысла и обдуманности в действиях преступника". Таким образом, можно сделать вывод, что наличие в преступлении заранее обдуманного умысла являлось отягчающим обстоятельством. 2-я степень: "когда оное (деяние – О.А.) учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления". При-

знаком такого умысла по Уложению было наличие запальчивости и раздражения, однако, не имеющих патологического характера, в силу которых они исключали бы вменяемость. "Кто учинит убийство, хотя и без обдуманного заранее намерения или умысла, в запальчивости или раздражении, но, однако ж, и не случайно, а, зная, что он посягает на жизнь другого..." (ст. 1926). Уложение признавало такой вид умысла обстоятельством, уменьшающим вину и строгость наказания (п.5 ст. 140) в случае: "если преступление учинено... вследствие сильного раздражения, произведенного обидами, оскорблениями или иными поступками лица, коему он (виновный – О.А) сделал или покусился сделать зло".

Неосторожность как форма вины не была отражена в Уложении в виде общего определения, хотя Свод законов (т. 15, ст. 4) делал это достаточно четко. Ответственность за неосторожные деяния формулировалась Уложением в основном применительно к должностным лицам. Уголовная ответственность и наказание увеличивались, если виновный в силу своих должностных обязанностей или обстоятельств, должен был действовать особо осмотрительно (ст. 116), "сия строгость уменьшается, когда деяние подсудимого по существу своему было не противозаконное, а вредные оноо последствия не могли быть им легко предвидены...". Если же неосторожное деяние оправдывалось обстоятельствами, которых нельзя было ожидать или предполагать вредных последствий, то "виновному... делается только приличное насчет оной внушение". Однако в целом, неосторожная вина влекла более мягкое наказание, чем вина умышленная. "Если от деяния, законом не воспрещенного и такого рода, что нельзя было с вероятностью ожидать вредных от него последствий, но, однако явно неосторожного, причинится кому-либо смерть..." (ст. 1939), виновный подвергался: заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев; аресту на время от трех дней до трех месяцев; строгому выговору в присутствии суда.

В то время как умышленное убийство (ст. 1925) влекло за собой лишение всех прав состояния и каторгу от 12 до 15 лет (и для лиц, не изъятых от наказаний телесных, наказание плетью). Уложение о наказаниях не знало деления неосторожности на виды. Как отмечал Н.С. Таганцев, Уложение также как и Свод законов содержало ряд статей об умысле и неосторожности, но нигде четко не определяло эти институты [3, с.12]. Кроме того, сама терминология, используемая в Уложении, была достаточно сбивчива: закон безразлично употреблял выражения "с намерением" (ст. 226), "с умыслом" (ст. 227), "злонамеренно" (ст. 320), "умышленно" (ст. 333), "заведомо" (ст. 419) и т.д.

Достаточно четко был определен случай как обстоятельство, исключющее всякую виновность и ответственность. Ненаказуемость случайных посягательств на норму признается всеми законодательствами [1, с. 347], [2, с.35], [4, с.216]. Уложение также содержало несколько постановлений (ст. 7, 99, 105) о случайных деяниях. На основании ст. 7 "зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего неосторожности, не считается виною". Случайность характеризовалась отсут-

ствием неосторожности. Деяние, вызвавшее случайное правонарушение, могло быть запрещено законом и не запрещено. Так, в ст. 99 говорилось: "Зло, последовавшее случайно и не предвидимо, не вменяется содеявшему в вину. Если, однако ж, деяние, от коего последовало сие зло, было само по себе противозаконное, то он (преступник – О.А.) подвергается наказанию, но лишь за то, что был намерен учинить...". Случайно учиненное зло не влекло никакой ответственности, "кто случайно, не только без всякой с его стороны неосторожности, нанесет кому-либо увечье, рану или иное повреждение здоровью, тот не подвергается никакому за сие наказанию" (ст. 1967), и лишь за случайное убийство виновный, по его желанию "...для успокоения совести, ...предается церковному покаянию".

На примере рассмотренных нормативных актов Российской империи первой половины XIX века можно увидеть эволюцию института вины как субъективного основания уголовной ответственности.

Список литературы

1. Данилович И. О ходе уголовного законовещения вообще и преимущественно в Германии. //Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. 1. С. 399-377.
2. Дегай П.И. Взгляд на современное положение уголовного законодательства в Европе. СПб., 1845. 100 с.
3. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях. Его характеристика и оценка // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. № 1. С. 1-32.
4. Шворина Т. Уголовное законодательство Екатерины II. // Ученые записки ВЮОН. М., 1940. Вып. 10. С. 191-236.

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Ахметдинова А.Г.

магистрант 2 курса заочной формы обучения Института права,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

Корнелюк О.В.

доцент кафедры уголовного права и процесса, канд. юрид. наук,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

Данная статья анализирует порядок исследования доказательств в суде апелляционной инстанции. Апелляционное производство – это контрольно-проверочная стадия, обладающая познавательными возможностями, которые она должна использовать во всех необходимых случаях, без исключений, однако только в тех пределах, которые установлены законом.

Ключевые слова: апелляционный суд, решение суда апелляционной инстанции, апелляционный порядок, апелляционное производство.

С 1 января 2013 года в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) были внесены изменения, согласно которым судебные решения, не вступившие в законную силу, подлежат апелляционному обжалованию [1].

Данные новеллы стали предметом многочисленных споров в юридической среде. Суть указанных разногласий сводилась, прежде всего, к вопросу о пределах проверки дела судом апелляционной инстанции.

Ныне действующий порядок апелляционного пересмотра не вступивших в силу судебных постановлений, казалось бы, позволяет почти без ограничений непосредственно исследовать доказательства и постановлять по делу новый приговор, замещающий приговор суда первой инстанции.

Однако ряд авторов вполне справедливо ссылаются на И.Я.Фойницкого, который писал: «Если бы судебный пересмотр обусловливался единственно и всецело задачами обеспечения правильности судебных решений и единства судебной деятельности, то его следовало бы допустить без всяких ограничений. Но такое положение создало бы крайне важные практические неудобства. Судебные дела тянулись бы до бесконечности, правовые отношения утратили бы всякую устойчивость» [2].

Очевидно, в целях правовой определенности судебных решений процессуальным законом должны быть установлены пределы апелляции.

По данному вопросу в настоящее время в юридической литературе и среди юристов-практиков сложилось несколько мнений [3].

1. Исследование доказательств судом апелляционной инстанции предполагает проверку всех доказательств, при условии предположения о возможности принятия иного решения по делу.

Сторонники данной позиции считают, что рассмотрение дела в апелляционной инстанции представляет собой новое, то есть повторное, исследование доказательств, на основании которого проверяется обоснованность доводов апелляционных жалоб и представления и принимается новое решение суда апелляционной инстанции.

Данная позиция основывается в первую очередь на правовых позициях Конституционного Суда РФ, в соответствии с которыми «...апелляция предполагает не просто документальную проверку законности, обоснованности и справедливости принятого решения, а пересмотр уголовного дела на основе непосредственного исследования доказательств» [4] и «...в силу особенностей процедуры апелляционного производства суд апелляционной инстанции не только осуществляет контрольные полномочия по отношению к решениям... судьи, но и разрешает уголовное дело по существу, руководствуясь правилами, установленными законом для производства в суде первой инстанции, в рамках которого допускается как непосредственное исследование имеющихся в деле доказательств, так и собирание новых доказательств путем проведения судебных следственных действий, а также возможность изменения судебного решения и вынесения нового решения по существу уголовного дел. Суд апелляционной инстанции обеспечивает сторонам возможность участвовать в исследовании доказательств, представлять новые доказательства и иными способами отстаивать свои позиции в проводимом на основе принципа состязательности и равноправия сторон судебном разбирательстве» [5].

На наш взгляд, вышеназванная позиция не является адекватной современной правовой действительности.

В подтверждение указанного мнения можно привести пример немецкой правовой системы, в которой апелляционный порядок представляет собой повторное рассмотрение уголовного дела по существу, в котором становится возможной иная интерпретация доказательств, не всегда соответствующая действительности. Как известно, чем меньше времени прошло с момента совершения преступления до момента разбирательства дела, тем более достоверными являются сведения, которые получают органы расследования и суд. К моменту рассмотрения дела в апелляционном суде сведения в памяти свидетелей стираются или изменяются, предметные и письменные доказательства утрачиваются, и установить фактическую сторону дела в соответствии с действительностью становится труднее. К моменту рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции нередко на свидетелей и потерпевших оказывается давление, и они уже не могут вспомнить существенные для разрешения дела обстоятельства [6].

Следовательно, наличие апелляционного производства и возможности познавательного характера, которые имеются у суда апелляционной инстанции, не должны порождать у суда первой инстанции ощущение того, что рассмотрение дела по существу в суде первой инстанции – лишь некоторое предварительное рассмотрение.

Порядок судебного следствия в апелляционном суде должен быть таков, чтобы, с одной стороны, не поощрять такое поведение сторон, когда они «приберегают» доказательства для суда апелляционной инстанции, а с другой стороны, чтобы суды первой инстанции качественно и полно рассматривали уголовные дела, не надеясь на то, что апелляция исправит их ошибки.

2. Суть второй точки зрения сводится к тому, что проверка доказательств может также заключаться в повторном исследовании доказательств, положенных в основу решения суда первой инстанции, путем исследования протокола заседания суда первой инстанции, письменных материалов дела посредством их оглашения, в том числе по инициативе суда апелляционной инстанции и, возможно, вопреки мнению сторон. Сторонники этого опираются на сложившуюся практику рассмотрения районными (городскими) судами апелляционных дел, подсудных мировым судьям. Протокол заседания суда первой инстанции рассматривается как доказательство, изучение которого приравнивается к исследованию показаний лиц, в нем отраженных.

По нашему мнению, ограничение полномочий суда апелляционной инстанции только лишь исследованием письменных доказательств является крайне неверным, поскольку сущность апелляции состоит в возможности переоценки выводов суда первой инстанции, включая выводы о фактических обстоятельствах уголовного дела, использованных судом первой инстанции доказательствах и их совокупности, включая правовую возможность исследования доказательств и принятия другого решения по существу дела. Для достижения основных целей уголовного судопроизводства суд апелляционной инстанции должен использовать все возможные правовые инструменты и механизмы.

Подтверждают вышеизложенную позицию и слова А. Смирнова, который верно отметил, что право выборочного проведения апелляционной инстанцией судебных действий можно сравнить с изучением дела «в кривом зеркале», так как непосредственно заслушанные показания могут выглядеть более убедительными, чем те, содержание которых уясняется судьями лишь из протоколов допросов. Если же апелляционный суд вовсе откажется от проведения судебного следствия, то результатом подобного упрощенчества неминуемо явится то, что новый приговор будет выноситься по одним лишь письменным материалам и опять станет плодом «кабинетной юстиции» [7].

3. Третья позиция основывается на том, что проверка доказательств, уже исследованных судом первой инстанции, в судебном заседании апелляционной инстанции в обязательном порядке не требуется. Однако это не препятствует тому, что суды апелляции ссылаются на них в апелляционном решении (доказательства исследуются путем анализа и сопоставления письменных материалов уголовного дела). При отсутствии сомнений в достоверности доказательств, исследованных согласно протоколу заседания суда первой инстанции, доказательства воспринимаются судом апелляционной инстанции как таковые, они лишь проверяются, поскольку именно о проверке доказательств идет речь в ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ, опять-таки путем изучения письменных материалов, и все доказательства подлежат оценке судебной коллегией в совещательной комнате наряду с новыми доказательствами, представленными сторонами и исследованными в судебном заседании апелляционной инстанции.

Российский законодатель избрал именно этот третий вариант путем закрепления в статье 389.13 УПК РФ возможности повторного допроса свидетелей, допрошенных судом первой инстанции, в случае признания их вызова необходимым, а также возможности исследования новых доказательств, в случае, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными. Кроме того, в части 7 статьи 389.13 УПК РФ законодатель прямо установил право суда апелляционной инстанции не проверять доказательства, исследованные судом первой инстанции [1].

На наш взгляд, это наиболее верная позиция из трех, так как именно она позволяет полноценно проверить приговор или иное решение суда первой инстанции на предмет его законности, обоснованности и справедливости. В таком случае суд апелляционной инстанции с одной стороны не ограничен в своих полномочиях по исследованию доказательств, а с другой стороны не скован обязательностью проверки абсолютно всех доказательств по делу, причем даже тех, которые не вызывают у суда никаких сомнений. По нашему мнению, только в этой ситуации возможно решение основных задач уголовного судопроизводства в целом.

В то же время, безусловно, такая «необязательность проверки» – то есть свобода усмотрения суда, должна иметь свои пределы, в целях недопущения злоупотреблений сторон своими правами, а именно, с одной стороны,

когда защита строится на «сокрытии» до поры до времени важных доказательств с тем, чтобы не дать возможности другой стороне их опровергнуть на более поздней стадии судебного разбирательства, а с другой стороны, когда отсутствует необходимая наступательность и активность государственных обвинителей.

Абсолютно верной в этом ключе нам представляется позиция М.Т.Аширбековой, согласно которой нередко представление новых доказательств или же заявление ходатайств об их истребовании в суде апелляционной инстанции – удобный способ восполнить промахи стороны в доказывании, допущенные ею во время судебного разбирательства по первой инстанции. В связи с этим есть основания и для опасений, что профессиональные участники судебного разбирательства, зная, что есть определенный резерв в отстаивании своей позиции в суде апелляционной инстанции, не будут концентрировать доказательства в суде первой инстанции и проявлять активность, необходимую и естественную для сторон в состязательном процессе [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что стадия судебного разбирательства продолжает оставаться основной и центральной стадией, в которой устанавливается виновность лица, а апелляционное производство – лишь контрольно-проверочная стадия, обладающая познавательными возможностями, которые она должна использовать во всех необходимых случаях, без исключений, однако только в тех пределах, которые установлены законом.

Список литературы

1. Аширбекова М.Т. Новые доказательства в суде апелляционной инстанции // Российская юстиция. 2013. № 5.
2. Васяев А.А. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде апелляционной инстанции // Адвокат. 2011. № 6.
3. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 469.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 220-О-П «По запросу Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности главы 44, части шестой статьи 388, части первой статьи 402 и части шестой статьи 410 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 136-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухаметшина Равиля Ибраевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 367, 368, 369 и 370 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Смирнов А.В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: апелляция // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 268.

МЕДИАЦИЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Батурина Н.А.

доцент кафедры гражданского процесса, канд. юрид. наук,
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

В статье рассмотрены основные причины, препятствующие применению медиации в исполнительном производстве РФ. Автор делает вывод о необходимости совершенствования ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» в направлении создания условий для примирения сторон исполнительного производства с помощью медиативных процедур.

Ключевые слова: исполнительное производство, медиация, судебный пристав, медиатор.

На первый взгляд может показаться, что применение процедуры медиации в исполнительном производстве России невозможно. Причины этого кроются в следующем. Во-первых, Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» прямо не закрепляет возможность обращения к процедуре медиации в исполнительном производстве. Во-вторых, согласно ст. 1 названного закона процедура медиации применяется для урегулирования споров, однако, по своей природе исполнительное производство, как вид юрисдикционной деятельности, является бесспорным, поскольку спор уже разрешен вступившим в законную силу судебным актом. В-третьих, судебные приставы-исполнители, не наделены полномочиями по разрешению правовых конфликтов.

Считаем, что потенциал медиации может и должен быть использован в исполнительном производстве. Дело в том, что, несмотря на вынесенное судебное решение и разрешенный спор о праве, стороны, как правило, продолжают состоять в конфликте. Законодатель, понимая наличие фактического противостояния конфликтующих сторон, закрепил возможность заключения мирового соглашения в ходе исполнительного производства (ст. 50 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве»). Другими словами, законодатель допускает в исполнительном производстве возможность урегулирования спора на условиях, отличных от содержания резолютивной части судебного решения [1, с. 32]. Кроме этого, в рамках исполнительного производства между сторонами нередко возникают разногласия относительно способов исполнения судебных актов.

На сегодняшний день положительный опыт использования процедуры медиации в исполнительном производстве имеют некоторые европейские страны [2, с. 207-211]. К сожалению, в Российской Федерации применение медиации на стадии исполнения судебного акта пока не является действительно альтернативным способом урегулирования конфликта. Анализ российской юридической литературы позволяет выявить следующие проблемы применения медиации в исполнительном производстве РФ.

Во-первых, в настоящее время в России отсутствует необходимый уровень информированности сторон исполнительного производства о том, что собой представляет процедура медиации, какие у неё есть преимущества и последствия проведения. Отчасти, эту проблему можно решить посредством разъяснения в постановлении о возбуждении исполнительного производства возможности обращения к процедуре медиации [1, с. 34]. Также целесообразно вместе с копией постановления о возбуждении исполнительного производства направлять сторонам вызов на беседу к судебному приставу-исполнителю, при проведении которой пристав должен разъяснить сторонам преимущества заключения мирового соглашения и предложить пройти процедуру медиации. Подобные беседы уже предусмотрены законодательством отдельных стран. В частности, согласно ст. 62 Исполнительного кодекса Республики Молдова судебный исполнитель обязывает стороны исполнительного производства явиться на беседу для попытки примирения.

Во-вторых, неиспользование медиации в исполнительном производстве РФ обусловлено тем, что сегодня в России не существует достаточного числа профессиональных медиаторов, которые смогли бы обеспечить проведение процедуры медиации на стадии исполнения судебного акта. Если обратиться к зарубежному опыту, то законодательство ряда государств (например, Франция, Бельгия, Голландия, Швеция) предусматривает возможность для судебного пристава быть медиатором по гражданским, трудовым, семейным и иным категориям споров [2, с. 208]. Думается, что в России также можно ввести должность судебного пристава-медиатора, основным направлением деятельности которого стало бы не ведение исполнительного производства, а проведение медиации по возбужденным исполнительным производствам.

В-третьих, препятствует применению медиации в исполнительном производстве несовершенство ФЗ РФ «Об исполнительном производстве». По словам Директора Федеральной службы судебных приставов РФ А.О. Парфенчикова, элементы медиации всегда были в исполнительном производстве. К числу таковых Директор ФССП относит предоставление должнику пятидневного срока для добровольного исполнения [3]. В целом соглашаясь с Главным судебным приставом РФ, необходимо отметить, что в значительно большей степени ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» сориентирован на принудительное исполнение решения, а не на добровольное исполнение и не на примирение сторон исполнительного производства.

Кроме того, отдельные положения закона явно не соответствуют тенденции мирного урегулирования конфликта. В частности ст. 68 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» устанавливает, что меры принудительного исполнения применяются судебным приставом-исполнителем после возбуждения исполнительного производства. Всё же закон должен содержать положения о том, что после возбуждения исполнительного производства судебный пристав-исполнитель обязан принять меры к примирению сторон. Кроме этого, закон должен побуждать и стороны к примирению. Необходимость побудительных мотивов достаточно обоснованно изложена в работах целого ряда ученых в качестве «оптимизации исполнительного производства»

[4, с. 142; 5, с. 365]. На наш взгляд, одним из наиболее действенных стимулов к заключению мирового соглашения на стадии исполнения судебного акта может стать возврат 50% исполнительского сбора.

В заключение заметим, что совершенствование законодательства об исполнительном производстве России в настоящее время должно состоять не столько в усилении принудительных мер воздействия на должника, сколько в создании условий для примирения сторон исполнительного производства, в том числе с помощью медиативных процедур.

Список литературы

1. Малюшин А.А., Малюшин К.А. Медиация и исполнительное производство: основные трудности и пути их решения // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 1. С. 31-36.
2. Соловьева С.В., Филипов В.В. Медиация в сфере исполнительного производства: европейский опыт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 207-211.
3. Из выступления А.О. Парфенчикова на конференции «Участие негосударственных субъектов (частных детективов, коллекторов, медиаторов и т.д.) в исполнительном производстве: проблемы и перспективы расширения возможностей существующих профессиональных сообществ» (26 марта 2013 года) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Кузбагаров А.Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. 2006.
5. Чекмарева А.В. Подготовительные процедуры в гражданском процессе. Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов. 2015.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РФ И ФРГ

Бурчихин А.Н.

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, майор внутренней службы, Россия, г. Рязань

В статье проводится сравнительный анализ условно-досрочного освобождения по уголовному кодексу РФ и ФРГ. Рассматривается зарождение института условно-досрочного освобождения в рассматриваемых странах. Анализируется закрепление норм условно-досрочного освобождения в уголовных кодексах РФ и ФРГ.

Ключевые слова: институт условно-досрочного освобождения, применение условно-досрочного освобождения, контроль за лицами условно-досрочно освободившимися, уголовный кодекс ФРГ, уголовный кодекс РФ.

Проводимое в Российской Федерации реформирование уголовно-исполнительной системы получило международное признание. Представители пенитенциарных систем ряда зарубежных стран изучают и используют опыт нашей системы. Данное сотрудничество позволяет и нам изучать и внедрять европейский опыт.

В числе таких стран и Германия, которая из всех зарубежных государств представляет наибольший интерес для российской пенитенциарной

системы. Известно, что уголовное право нашей страны исторически сложилось под влиянием германской правовой системы. Это не могло не отразиться на уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве и практике его применения [1, с. 14].

В своей статье мы попытаемся сравнить институты условно-досрочного освобождения (далее УДО) Федеративной Республики Германии и Российской Федерации.

Немного из истории развития УДО.

Катализатором развития условно-досрочного освобождения в Германии стало Германское Уголовное уложение 1871 года, в котором институт УДО был не только законодательно закреплён, но и чётко регламентирован. По § 23-26 данного Уложения досрочное освобождение может быть дано приговоренному к долгосрочному (по мнению комментаторов – более одного года) заключению в Zuchthaus или в тюрьму, если заключенный отбыл 2/3 наказания и во всяком случае был в заключении не менее года, вел себя хорошо и согласился воспользоваться условным освобождением [2, с. 154].

В свою очередь в России зарождение отдельных видов досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания можно отметить еще в XI веке, когда уголовное право стало носить публичный характер. Сначала досрочное освобождение от отбывания наказания выражалось в виде помилования. Так, в Русской Правде (ст. 65) появляется отмена убийства холопа, что, по мнению профессора А. А. Зилина, «можно рассматривать как частичную амнистию холопам, участвовавшим в движении 1068-1071 гг.».

В настоящее время нормы об УДО закреплены в уголовных кодексах данных стран. В Германии в общей части раздела первого уголовного кодекса § 57, а в России в общей части четвертого раздела главы 12 уголовного кодекса, статье 79.

Основным критерием для применения УДО в России и в Германии является исправление осужденного. Под исправлением осужденного принято понимать формирование у них уважительного отношения к человеку, к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также стимулирование правопослушного поведения.

По уголовному кодексу РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания.

В Германии так же суд назначает условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы при условиях если:

- 1) назначенное наказание в виде лишения свободы не превышает одного года,

- 2) констатация судом возможности осужденного "учесть приговор" и в будущем не совершать преступных деяний, что делает реальное исполнение наказания ненужным.

Соответственно в Германии УДО назначается в следующих случаях:

1) если сотрудники правоохранительных органов полностью уверены в том, что лицо, которое освобождается в рамках условно-досрочного освобождения больше не будет совершать противоправных поступков;

2) если осуждённый изъявил желание освободиться условно-досрочно.

В Германии условная отсрочка относится ко всему наказанию и не может ограничиваться его частью. При назначении отсрочки суд учитывает личность обвиняемого, его прошлую жизнь, обстоятельства совершения преступления, постпреступное поведение, условия жизни, последствия предоставления отсрочки. Закон наделяет суд правом в исключительных случаях, при особо смягчающих обстоятельствах, отсрочить исполнение и более строгого наказания: лишения свободы сроком до двух лет. Предоставляя отсрочку, суд определяет испытательный срок, который может составлять от двух до пяти лет. Такой срок до момента его истечения может быть сокращен до минимального размера (двух лет) или увеличен до максимального (пяти лет) судом.

Уголовный кодекс Германии уточняет, что в некоторых случаях возможно освобождение лица и при отбытии меньшего срока (1/2 срока наказания). Такое изменение сроков возможно в следующих случаях: во-первых, если осуждённый не совершал до данного преступления иные противоправные деяния; во-вторых, если наказание не превышает 2 лет; в – третьих, если имеются факты, которые подтверждают положительные характеристики личности. Суд может отказаться от условно-досрочного освобождения от наказания, если осужденный дает недостаточные или ложные показания о местонахождении предметов, подлежащих конфискации, или которые не подлежат конфискации.

Условно-досрочное освобождение в Российской Федерации может быть применено только после фактического отбытия осужденным:

а) не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;

б) не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;

в) не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено;

г) не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также за преступления, предусмотренные статьей 210 уголовного кодекса РФ [3, с. 204].

Фактически отбытый осужденным срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев.

В Германии же условно-досрочное освобождение может быть применено после фактического отбытия осужденным двух третей назначенного наказания, однако не менее двух месяцев если отбыто половина срока наказания в виде временного лишения свободы, но не менее шести месяцев.

На освободившегося в России могут возложить ряд обязанностей:

а) не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего исправление осужденных;

б) не посещать определенные места;

в) пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания;

г) осуществлять материальную поддержку семьи [4, с. 377].

Суд имеет полное право возложить на лицо, которое условно – досрочно освобождается из мест лишения свободы, и другие обязанности, которые могут способствовать исправлению данного гражданина (например, получить какую-либо специальность, загладить причиненный преступлением вред и т. п.).

Контролируют деятельность освободившихся условно – досрочно специализированные органы, на которых возложена обязанность контролировать деятельность лиц, которые освобождаются условно – досрочно. К таким органам можно отнести и командование воинских частей и учреждений (если вспомнить, что наказание может применяться и к военнослужащему).

Суд вправе наложить на осужденного исполнение обязанностей, при этом, как отмечается в УК Германии, осужденному не могут быть предъявлены заведомо невыполнимые требования. Согласно УК Германии суд может возложить на виновного выполнение таких обязанностей, как возмещение ущерба, причиненного преступным деянием, выполнение общественно полезных работ и т.д. Помимо возложения обязанностей суд в необходимых случаях дает осужденному "указания": о месте пребывания, работе, досуге; о явке в определенное время в суд или другое учреждение; о запрете общаться с определенными лицами; о запрете хранения предметов, которые могут быть использованы при совершении преступления, и др. Такие "указания", как лечение или помещение в специализированное учреждение, могут быть даны судом только с согласия осужденного.

На условно-освобожденного в Германии распространяются все правила, касающиеся выполнения специальных обязанностей и указаний, которые предусмотрены при предоставлении отсрочки исполнения наказания. Также назначается испытательный срок и освобожденный отдается под надзор помощника.

Суд при рассмотрении вопроса об УДО обращает внимание на соблюдение общественной безопасности граждан и государства; учитывает личность осужденного, обстоятельства деяния, которое совершил данный осужденный, условия его жизни, семейные обстоятельства и другое [5, с. 34].

В России, если в течение оставшейся не отбытой части наказания осужденный совершил нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, или злостно уклонился от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения, суд по представлению уполномоченного органа может постановить об отмене условно-досрочного освобождения и

исполнении оставшейся не отбытой части наказания. Если осужденный совершил преступление по неосторожности, вопрос об отмене либо о сохранении условно-досрочного освобождения решается судом. Если осужденный совершил умышленное преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 УК. По этим же правилам назначается наказание в случае совершения преступления по неосторожности, если суд отменяет условно-досрочное освобождение.

В Германии в случаях совершения нового преступного деяния в период испытательного срока либо грубого и систематического нарушения указаний, уклонения от надзора помощника или невыполнения обязанностей отсрочка может быть судом отменена. Если же такой отмены не последовало, лицо освобождается от какого бы то ни было наказания.

Как в России, так и Германии УДО подлежат лица, отбывающие наказание в виде пожизненного лишения свободы.

В России лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы применяется только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. Лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит [3, с. 219].

В Германии суд освобождает от наказания в виде пожизненного лишения свободы условно-досрочно, если осужденным отбыто пятнадцать лет наказания. Если не особая тяжесть вины осужденного не требует дальнейшего исполнения наказания, отбыто две трети назначенного наказания и если осужденный соответствует интересам общественной безопасности и он согласен на УДО. Продолжительность испытательного срока составляет пять лет.

Таким образом, по нашему убеждению, отдельные аспекты системы исполнения наказания при применении условно-досрочного освобождения могут быть применены в российской пенитенциарной практике при дальнейшем совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. А именно введения института помощника. В период испытательного срока суд помещает осужденного под надзор специального помощника, который наблюдает за выполнением виновным обязанностей и указаний, регулярно сообщает суду о его образе жизни, о грубых и систематических нарушениях, касающихся возложенных обязанностей, указаний, предложений и обещаний. Помощник назначается судом и осуществляет свою деятельность либо по службе, либо на общественных началах.

Список литературы

1. Гришко А.Я. Уголовные наказания в Федеративной республике Германия: учебное пособие. Рязань, 2010 год.

2. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 2. По изданию 1902 года. Allpravo.ru. – 2003 год.
3. Уголовный Кодекс РФ. – М., 2013 год.
4. Российское уголовное право. Общая часть / Под редакцией А.В.Наумова. – М., 2007.
5. Уголовное право современных зарубежных стран: учебное пособие / Под редакцией Серебренникова А.В., Крылова Н.Е. – М., 1998. – 450 с.

СНИЖЕНИЕ СПРОСА В РАМКАХ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

Васильева М.К.

аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса,
Байкальский государственный университет, Россия, г. Иркутск

В статье приводятся данные судебно-психиатрических экспертиз в РФ с целью выявления характеристик, на которые необходимо обратить внимание при постановке задач в рамках первичной профилактики наркопотребления в целях достижения цели сокращения спроса на наркотические средства (используется обобщённое понятие наркотики).

Ключевые слова: антинаркотическая политика, подход, стандарт, уголовное дело.

В апреле 2016 года проведена Генеральная Ассамблея ООН по проблемам незаконного оборота наркотических средств (UNGASS) в целях реализации Плана действий международного сообщества 2009 года ("Political Declaration and Plan of Action on International Cooperation towards an Integrated and Balanced Strategy to Counter the World Drug Problem"). Страны-участники признают невозможность создания мира свободного от наркотиков, однако полагают, что мировые державы обладают всеми ресурсами и средствами для борьбы с развитием данного негативного явления и при рациональном подходе к расходованию ресурсов можно добиться серьезного перевеса в сторону безопасности человечества [2].

План действий 2009 года не привел к ожидаемым результатам, в итоге остро встал вопрос об эффективности применяемых мер. Особое внимание страны-участники уделили вопросам повышения эффективности мер в направлении снижения спроса на наркотики. Рынок незаконных наркотических средств обладает своими особенностями, однако его развитие традиционно обусловлено наличием соответствующей потребности, именно данная потребность должна быть сведена к минимуму.

Данная цель не может быть достигнута без создания национальных моделей, основанных на общепринятом подходе и стандартах, ввиду чего встает вопрос о необходимости консенсуса и удалении разногласий между странами относительно положений Конвенций, что планируется разрешить в 2019 году.

Остается вопрос каким образом на данном этапе и при имеющихся ресурсах могут быть созданы национальные модели, какие задачи и цели должны быть поставлены.

В РФ наблюдается непонимание сути положений, принимаемых международным сообществом, относительно концепции снижения спроса. Для выдвижения жизнеспособных задач необходимо осознавать на что именно должна быть направлена работа и в какой форме закрепляться.

Безусловно, снижение спроса предполагает работу с личностью, не включенной в процесс непосредственного предупреждения, а также с личностью наркопотребителя и группами риска, являющимися объектом непосредственного воздействия. Переход представителей первой категории во вторую связан с недостаточностью работы в области первичной профилактики.

Для выявления конкретных пробелов в данной области необходимо рассмотреть каких лиц мы получаем в качестве объектов воздействия непосредственной предупредительной работы в связи с включением их в уголовно-правовую систему. Для этого обратимся к данным судебно-психиатрической экспертной службы РФ за 2014 год:

Число лиц, совершивших преступления в 2014 году колеблется между 196 755 и 208 734, из которых 167 831 были направлены на прохождение судебно-психиатрической экспертизы (далее СПЭ). Лица, направленные на прохождение СПЭ в связи с производством по уголовному делу (далее у/д), обеспечили 77,4% всех проводимых СПЭ в 2014 году.

Самые высокие показатели направления на СПЭ – 85% направленных лиц по у/д, наблюдаются в Московской, Орловской, Амурской, Кировской, Иркутской области, Забайкальском, Красноярском, Камчатском, Алтайском крае, Еврейской АО, Ямало-Ненецкий АО, Республике Крым.

Из общего числа лиц, совершивших преступления и направленных на СПЭ, только 6,6% признаны невменяемыми. Почти половина из них – 44,8% – больны шизофренией, органические психические расстройства выявлены у 21,1%, умственная отсталость – 26,4%. Удельный вес наркозависимых и лиц, страдающих алкоголизмом, среди них составил 4,1%.

97% лиц, признанных невменяемыми, направлены на принудительное лечение в специализированные учреждения, однако определения типа учреждения зависит не от степени социальной опасности и психического состояния лица, а от наличия соответствующих учреждений. Так преобладают направления в учреждения общего и специализированного типа. 2,9% невменяемых, а это 319 человек, рекомендованы непринудительные меры и лечение в психиатрических больницах на общих основаниях.

Соотношение числа лиц невменяемых к вменяемым, но с психиатрическими расстройствами, стабильно – 1,6-1,8 на 1000 зарегистрированных больных. По субъектам РФ признаны невменяемыми от 6 до 10 % по у/д, при этом наблюдаются наиболее низкие показатели в субъектах, где отсутствуют или низкое число соответствующих лечебных учреждений. До 2007 года наблюдался стабильный рост числа лиц, признаваемых невменяемыми, однако после 2008 года данный показатель стал снижаться, однако это в большей мере связано с политикой оптимизации кадрового потенциала и сокращением количества специальных учреждений.

Из общего числа лиц, направленных на СПЭ по у/д, признаны вменяемыми 86,5%, из них 67,4% имеют различные психические расстройства, 32,6% признаны здоровыми. Число вменяемых лиц, обладающих психическими расстройствами, увеличивается на 34,5% (ежегодный прирост с 2005 года составляет 3,1, тогда как прирост здоровых лиц составляет показатель в 1,6 раз) в 2014 году.

Среди лиц, признанных вменяемыми, диагностирована умственная отсталость у 27,9%, органические психические расстройства – 23,6%, наркомания и алкоголизм – 24,4%, расстройства личности – 18,1%. Среди них удельный вес лиц, направленных на СПЭ в связи с необходимостью подтверждения диагноза наркомании, составил 12,7% на 2017 год, рост данного показателя связан с нововведениями в УК РФ относительно применения альтернативных мер в отношении наркозависимых лиц.

Стоит отметить, что рост направлений на СПЭ зависит и от такого показателя как рост психических расстройств в целом – данный показатель за 10ти летний период увеличился на 29,7%.

Из общего количества лиц, признанных вменяемыми по у/д, 88,5% признаны ограниченно вменяемыми, привлечены к уголовной ответственности и им рекомендовано прохождение лечения в местах лишения свободы.

Из общего числа подэкспертных 14,1 % составили несовершеннолетние лица. В 2006, 2013 году отмечалась высокая смертность среди данной группы, что привело к снижению количества направлений на судебно-психиатрическое освидетельствование, однако темп прироста в период с 2011 по 2014 год составил положительный показатель в 2,6%. Всего было проведено 30 526 СПЭ в 2014 году в отношении несовершеннолетних, из которых 23 628 составили экспертизы, проведенные в отношении подростков в связи с совершением ими общественно опасных деяний.

В период с 2004 по 2014 год падение показателей подростковой преступности также связан с высокой смертностью – количество несовершеннолетних осужденных снизилось к 2015 году с 2004 практически на 70 000 тыс., однако, в перерасчете на население СПЭ в связи с совершением общественно опасного деяния проводилась в отношении 44,3 единиц на 10 тыс. подросткового населения в 2014 году, в 2004 году данный показатель составлял 32,3. Число несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, уменьшилось на 64,2%, однако возрос показатель их направляемости на СПЭ.

На 1 января 2015 года возрастная группа от 13 до 16 лет является самой малочисленной в возрастно-половой структуре населения.

По данным экспертиз, 57,7% несовершеннолетних имеют психические расстройства, 29,3% – умственную отсталость, 24,8% обладают органическими психическими расстройствами, у 35,1% диагностирован пубертатный криз. 94% СПЭ проводились экспертами, не имеющими специальных знаний по особенностям психических расстройств данной возрастной группы. СПЭ в отношении несовершеннолетних является одной из наиболее сложной и от-

дается предпочтение комплексным экспертизам, количество которых за последние 10 лет выросло в 2 раза (на 48,4%).

На фоне снижения показателей подростковой преступности, количество преступлений, совершенных в осужденными в воспитательных колониях составило 2,8 на 100 человек к 2012 году, данный показатель вырос с 1,5 в 2009 году [1].

На основе приведенных данных имеем следующую картину.

Только 6 % из общего количества привлекаемых к уголовной ответственности признаются невменяемыми, наиболее частая причина – шизофрения.

Среди вменяемых лиц наиболее распространены расстройства личности, наркомания, органические психические расстройства, умственная отсталость. В последнее время наблюдается обострение ситуации с коморбидностью психических расстройств, включающих диагноз «наркомания», что затрудняет и увеличивает во времени процесс реабилитации наркозависимых лиц.

Растут показатели направлений несовершеннолетних лиц на СПЭ. Наиболее распространены среди них диагностированные психические расстройства, умственная отсталость, в 35,1% случаев фигурирует пубертатный криз. Растет в целом количество лиц с психическими расстройствами в РФ.

Наркоманией страдает четверть лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, однако с учетом латентности явления и двойных диагнозов, показатель представляется более высоким, что отражается уже в сводных данных о деятельности наркологических служб. Наркозависимые лица крайне редко признаются невменяемыми, соответственно возможность возвращения их к нормальной жизни реальна.

Вменяемые лица, уже имеющие те или иные психические расстройства, автоматически попадают в группу риска развития аддиктивного поведения. Относительно уголовно-преследуемого контингента данная группа составляет более 70% – эти лица вменяемы или ограниченно вменяемы и могут быть реабилитированы и ресоциализированы.

Таким образом в системе первичной профилактики необходимо выдвинуть в число приоритетных стратегических задач антинаркотической политики восстановление и сохранение психического здоровья нации. Необходимо направить усилия на устранение триггерных факторов психических расстройств и аддиктивного поведения.

Данная цель не может быть достигнута за счет преобладающих просветительных лекций о вреде наркотиков и проведения олимпиад, необходимо последовательное внедрение культуры здорового воспитания, основанной на понимании законов развития личности и обязательном обучении молодых родителей и семей навыкам позитивного общения, формирование стрессоустойчивости. По данным ООН программы обучения родительским навыкам продемонстрировали наиболее высокие показатели эффективности [3].

Особое внимание заслуживает вопрос подготовки педагогических кадров, ибо на данный момент не существует стандартов развития эмоционального интеллекта детей в ходе общеобразовательной подготовки, программы

обучения детей не ставят своей целью ежедневное привитие навыков построения эффективного общения, саморегуляции, преодоления стрессов.

С учетом же непопулярности психологических служб в РФ и низком кадровом потенциале необходимы реальные жизнеспособные программы с учетом имеющихся ресурсов.

Адаптацию, собственную разработку данных программ необходимо законодательно обеспечить и закрепить их приоритетность в блоке первичной профилактики сокращения спроса. От качества данных разработок напрямую зависит качество человеческого капитала страны.

Список литературы

1. Основные показатели судебно-психиатрической экспертной службы РФ в 2014: Аналитический обзор / Под ред. Е.В. Макушина. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2015. Вып. 23. 213 с.
2. UNGASS. URL: <http://www.unodc.org/ungass2016/en/about.html> (дата обращения: 30.01.2017)
3. UNODC. International Standards on Drug Use Prevention. Vienna.: United Nation, 2015. 48 с.
URL: https://www.unodc.org/documents/prevention/UNODC_2013_2015_international_standard_s_on_drug_use_prevention_E.pdf

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Волостнова Т.И.

доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, канд. ист. наук,
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Саранск

Статья раскрывает необходимость создания кодифицированного акта социального обеспечения. Современные процессы свидетельствуют о действительной необходимости государства в систематизированной работе, сопряженной с формированием единых правовых начал социального обеспечения Российской Федерации, позволяющие устранить пробелы правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная защита, коллизии, нормотворчество, правовые преобразования.

Совершенствование российского законодательства в области социального обеспечения указывает на значимость перемен в современном государстве. Задачи социальной защиты населения являются важнейшим условием формирования национальных норм и системы законодательства, регулирующей общественные процессы. Данное приводит к идее о необходимости снижения деятельного правотворчества с помощью которого совершается «нагромождение» одних законов на другие, появлению противоречий и коллизий, откладывая разрешение вопросов на неустановленный период. Сздавшаяся ситуация выдвигает необходимость кодификации законодатель-

ства Российской Федерации о социальном обеспечении. Под кодификацией можно понимать деятельность, сконцентрированную на формировании нового нормативного акта в следствии полного и многостороннего пересмотра функционирующего законодательства, внесения в него существенных изменений. Кроме того, кодификацию можно считать особой правотворческой деятельностью и немаловажной частью результативности фактического использования законодательства.

В нынешней теоретико-правовой науке обозначились несколько аспектов к кодификации, как формы систематизации законодательства. Основной, и наиболее популярный аспект, определяет кодификацию как создание акта, заменяющего прежнее регулирование и приводящий его в единую систему [1].

Второй аспект характеризуется тем, что кодификация не укладывается в рамки систематизации, а представляет собой независимую форму совершенствования законодательства, осуществляемой в официальном порядке. Наиболее интенсивные ее проявления связаны с изменениями общественных отношений, требующими иной, принципиально новой юридической оценки [2].

Следует заметить, что в ходе кодификации не только ведется соединение ранее имеющихся норм права, но и формируются новые, которые устраняют недостатки правового регулирования, устраняют противоречия между актами, а иногда формируются целые правовые институты, ранее не существовавшие в системе данной отрасли права. В этом и заключается, на наш взгляд, преимущество кодификации перед прочими конфигурациями систематизации законодательства.

Исследование имеющегося законодательства о социальном обеспечении свидетельствует о его многоплановости и разрозненности, а иногда и двойственности. В основе имеющегося нормативно правового материала, на наш взгляд, допускается сформировать единый правовой акт, учитывающий все характерные черты социальных противоречий. Принятие Кодекса социального обеспечения Российской Федерации, как целостного нормативно-правового акта высшей юридической силы, позволило бы расширить регулирование общественных отношений в сфере социального обеспечения.

Кодификации законодательства Российской Федерации в сфере социального обеспечения содействуют жизненные аспекты, представляющие собой некие доминанты, воздействующие на процесс нормотворчества. Центральное место среди них занимают, на наш взгляд, финансовые аспекты, которые проявляются:

- в замещении заработка или дохода, связанного с трудом тем лицам, которые его утратили в силу всевозможных актуальных факторов (в связи с возрастом, инвалидностью, потерей кормильца, безработицей);
- в частичном компенсировании дополнительных затрат, вызванных разнообразными объективными основаниями (рождением и содержанием ребенка, уходом за малолетними детьми и престарелыми гражданами);
- в предоставлении государственных социальных гарантий абсолютно всем категориям граждан, т. е. минимальные размеры заработной платы и

социальных выплат, прожиточный минимум и индексировании собственных доходов;

- в предложении поддержки граждан, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (бедность, одиночество).

Анализ общественных условий, способствующих кодификации законодательства о социальном обеспечении позволяет дать оценку изменениям, происходящим в общественном сознании и социальной структуре российского социума. Социальная направленность абсолютно всех нововведений является частью преобразований России. Предпринимаются меры по реализации системы социального обеспечения призванной смягчить противоречивые результаты социокультурных и финансовых трансформаций [3]. Продвижение к этому невозможно без формирования надежной законодательной основы рассматриваемой:

- защиту и содействие социально-уязвимых категорий граждан;
- предоставление услуг здравоохранения и социального обслуживания;
- адаптацию людей к реалиям жизни при поддержке государства (законодательное и административное регулирование, концепция социального страхования);
- проблемы занятости населения, обеспечение профессионального роста и профессиональной реализации личности.

Кодификация законодательства Российской Федерации о социальном обеспечении, на наш взгляд, может способствовать формированию регулятивной системы стабилизации общества и ориентирована на устранение или сведение до минимума социальных противоречий, возникающих в правовом и экономическом статусе отдельных групп населения. Данное в полной мере относится и к демографическим процессам.

Таким образом, кодификация законодательства Российской Федерации о социальном обеспечении на современном этапе имеет возможность урегулировать следующие проблемы:

- 1) упорядочить весь нормативный материал, относящийся к социальному обеспечению, в общий правовой акт;
- 2) модернизировать законодательство о социальном обеспечении учитывая важные задачи современности;
- 3) ликвидировать пробелы в правовом регулировании общественных отношений в сфере социального обеспечения;
- 4) сформировать нормативно-правовой акт, который может при необходимости стать комплексным, интегрирующим регулятором отношений межправового характера;
- 8) стать удобным для правореализаторской и правоприменительной деятельности субъектов права социального обеспечения;
- 9) повысить результативность социального обеспечения в целом.

Список литературы

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – М., 1998. – С. 508.

2. Бабаев В.К. Систематизация законодательства в Российской Федерации / В. К. Бабаев. – СПб., 2003. – С. 145.

3. Волостнова Т.И. Реализация стратегических задач в социокультурном развитии региона // Регионоведение. 2009. № 1. С. 249.

ПРЕДМЕТ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ДОГОВОРОВ НА ВЫПОЛНЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ, ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

Галкин А.Ю.

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Ростовский институт защиты предпринимателя, Россия, г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена предмету как отличительному признаку договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. В статье отмечаются особенности работ и результатов работ по данным договорам.

Ключевые слова: договор, научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские работы, технологические работы, предмет договоров, Гражданский кодекс Российской Федерации.

Одним из важнейших вопросов, касающихся договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, является вопрос об их предмете как отличительном признаке.

Рассматриваемые договоры, регулируются гл. 38 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (далее – ГК РФ) [1].

Согласно ст. 769 ГК РФ, договор на выполнение научно-исследовательских работ – это договор, по которому исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

По договору на выполнение опытно-конструкторских работ исполнитель обязуется разработать образец нового изделия, конструкторскую документацию на него, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

По договору на выполнение технологических работ исполнитель обязуется разработать новую технологию, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ по своей направленности «относятся к группе договоров, направленных на выполнение работ» [2, с. 54].

Основным отличительным признаком договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ от других договоров, в том числе и от договоров, направленных на выполнение работ, является их предмет.

Из приведенных определений договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, вытекает, что данные договоры имеют следующие предметы:

- по договору на выполнение научно-исследовательских работ – проводятся научные исследования;
- по договору на выполнение опытно-конструкторских работ – разрабатывается образец нового изделия, конструкторская документация на него;
- по договору на выполнение технологических работ – разрабатывается новая технология.

Нормы ст. 769 ГК РФ применительно к договору на выполнение научно-исследовательских работ, в отличие от договоров на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ, не указывают форму выражения результата работ.

Здесь можно отметить, что по итогам выполнения научно-исследовательских работ результат проведения научных исследований может выражаться в форме научного отчета, заключения и т. п.

В договорах на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ такими результатами, как уже было отмечено, являются – образец нового изделия, конструкторская документация на него или новая технология.

Теперь приведем понятия научной (научно-исследовательской) деятельности и научно-технической деятельности.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [3] научная (научно-исследовательская) деятельность – это деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, в том числе:

- фундаментальные научные исследования – экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;

- прикладные научные исследования – исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач;

- поисковые научные исследования – исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ.

Научно-техническая деятельность – деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – 29 янв. – № 5. – Ст. 410.
2. Галкин А. Ю. Понятия и правовая природа договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2014. № 3 (82). С. 53-55.

3. Федеральный закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собр. законодательства РФ. – 1996. – 26 авг. – № 35. – Ст. 4137.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Гребнева Н.Н.

доцент кафедры уголовного права и процесса, канд. юрид. наук, доцент,
Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут

В статье рассматриваются вопросы становления и развития законодательной основы обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве России. Автор критически анализирует действующее законодательство, выявляет проблемы в его реализации на практике, предлагает пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: государственная защита, уголовный процесс, свидетели, потерпевшие, меры безопасности.

Государственная защита свидетелей, равно, как и защита потерпевшего и других участников уголовного процесса, содействующих правосудию, является одним из важнейших институтов в системе прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве. Процессуалистов всегда привлекала внимание проблема безопасности и защиты личности, поскольку достижение задач уголовного судопроизводства во многом зависит от законодательного обеспечения безопасных условий участия в уголовном процессе лиц, осуществляющих содействие уголовному судопроизводству.

Воздействие на участников уголовного процесса осуществляется в целях принудить их отказаться от содействия органам расследования и суда либо прекратить это взаимодействие, а также отомстить за уже осуществленное содействие. Преступники, совершающие общественно опасные деяния, воздействуют на лиц, содействующих уголовному судопроизводству, влияя на них физически и психологически с особой жестокостью, безнравственностью и непристойностью (запугивая, преследуя, угрожая расправой). Вследствие этого практика расследования преступлений знает много случаев отказа и уклонения свидетелей и потерпевших от участия в уголовном судопроизводстве, что является одной из проблем в расследовании преступлений.

В конце 20 века в нашей стране появилась необходимость в разработке нормативно-правовых актов, регулирующих защиту свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Причинами этому стали: во-первых, рост преступности и такое состояние общества, в котором лица, содействующие уголовному судопроизводству, оказались в незащищенном состоянии; во-вторых, особый статус и значимость свидетелей и потерпевших в уголовном деле (их показания во многом являются условием успешного рас-

крытия и расследования преступления); в-третьих, наличие проблем и пробелов в законодательстве [1, с. 8-9].

В 1990 году в СССР был разработан Закон «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Статья 27.1 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных Республик предусматривала, что «при наличии достаточных данных, что потерпевшему, свидетелю или другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными действиями, орган дознания, следователь, прокурор, суд обязаны принять предусмотренные законодательством Союза ССР и союзных республик меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества этих лиц, а также к установлению виновных и привлечению их к ответственности [2].

Следующим шагом стало принятие Государственной Думой России законопроекта «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству», но в январе 1995 г. его отклонил Президент РФ. В июле 1995 г. законопроект был доработан и вновь принят Думой, но на этот раз его отклонил Совет Федерации. В мае 1998 г. законопроект опять был принят Государственной Думой РФ, затем одобрен Советом Федерации, но Президент снова отказался его подписать, по причине отсутствия финансовых средств для реализации его положений. Однако неоднократные попытки принять данный закон указывают на осознание обществом и государством необходимости защиты граждан, содействующих правосудию, важности и эффективности данного института в борьбе с преступностью.

Сегодня уже можно говорить о создании в России законодательной основы системы государственной защиты лиц, содействующих правоохранительным органам. Основопологающим на сегодняшний день является Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 года [3]. Закон установил систему мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, включая меры безопасности и меры социальной поддержки указанных лиц, а также определил основания и порядок их применения. В целях обеспечения необходимого внутреннего логического правового единства и реализации Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» Председателем Правительства России было подписано Постановление от 13.07.2013 № 586 об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014-2018 годы» [6], ресурсное обеспечение которой предполагается осуществлять за счет средств федерального бюджета. Государственная программа России рассчитана на не долгосрочный период и направлена на осуществление определенных Федеральным за-

коном мер безопасности и социальной поддержки участников уголовного судопроизводства. Первая программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006-2008 годы финансировалась из федерального бюджета, и ее размер составил 948,72 млн. рублей [4]. В ходе ее применения в 2006-2008 годах 3296 участников уголовного судопроизводства были охвачены программными мероприятиями. Осуществлены 3842 меры безопасности, в основном это были "личная охрана, охрана жилища и имущества" и "обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице". В большинстве случаев государственная защита требовалась свидетелям. Объем финансового обеспечения реализации программы на 2014-2018 годы за счет средств федерального бюджета составит 1318,7021 млн. рублей. Почти та же сумма выделялась на соответствующую Государственную программу 2009 – 2013 годы (1335,61 млн. рублей) [5]. Основные направления финансирования мероприятий программ включают в себя: применение мер безопасности, регулируемых Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 «О применении отдельных мер безопасности в отношении свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства»; применение правил переселения, установленных Постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2012 г. № 953 «О применении меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства» и применение мер социальной поддержки, которая регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. N 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты». Следует отметить, что такие меры безопасности как изменение места жительства, замена документов, изменение внешности, изменение места работы и учебы, хотя и включены в программу, но не предусматривают расходов на указанные годы, следовательно, можно предположить, что применяться они не будут. Вся защита будет сведена к обеспечению конфиденциальности информации о защищаемом лице, выдаче электрошоков, бронежилетов, аэрозольных распылителей и оснащению его квартиры сигнализацией.

Реализация программы защиты участников уголовного судопроизводства возложена на несколько министерств и ведомств: МВД РФ, ФСБ РФ, ФСИН России, Федеральную службу по труду и занятости. В США реализацией мер защиты свидетелей занимается одно специализированное ведомство, а в нашей стране, как видим, эти функции возложены на несколько самостоятельных ведомств, у которых своя ведомственная стратегия, свой ведомственный подход к решению задач по защите лиц, указанных в Федеральном законе. Компетенция вышеуказанных подразделений не ограничивается исключительно вопросами осуществления мер безопасности. Кроме того можно поставить под сомнение и вопрос сохранения требований конфиден-

циальности при осуществлении взаимодействия сотрудников вышеуказанных ведомств. Считаем, что в связи с указанным, России необходим единый правоохранительный орган, который будет специализироваться именно на защите лиц, участвующих в уголовном процессе, который будет нести ответственность за безопасность свидетелей и потерпевших. В него должны войти помимо оперативных работников, специалисты различных отраслей, в том числе врачи, психологи и т.д.

На сегодняшний день уровень обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в России слишком низкий, что вынуждает участников процесса отказываться от предоставления правдивой информации, и как следствие появляются проблемы, связанные с раскрытием преступлений, с недоказанностью либо вообще отсутствием доказательств и свидетелей. При этом привлечь потерпевшего либо свидетеля к уголовной ответственности за дачу ложных показаний или за отказ от дачи показаний достаточно сложно, т. к. в действительности свидетель не отказывается давать показания, а сообщает, что ничего не слышал, не видел, не знает. Все выше сказанное дает возможность сделать вывод о необходимости дальнейшего законодательного совершенствования сферы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Институт обеспечения безопасности защиты свидетелей и потерпевших является достаточно новым для РФ, поэтому отсутствие опыта, четкого правового механизма, наличие пробелов в законодательстве не позволяют говорить о скорых и высоких результатах применения мер защиты в отношении свидетелей и потерпевших в деле борьбы с преступностью.

Список литературы

1. Ахмедов А.Г., Тарасов С.Э. Становление института защиты участников уголовного судопроизводства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. №4. С. 8-9.
2. О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 12.06.1990 № 1556-1 // Ведомости СНД СССР и СВ СССР. 1990. № 26. Ст. 495. Утратил силу.
3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. № 182, 25.08.2004.
4. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006 – 2008 годы»: Постановление Правительства РФ от 10.04.2006 № 200// Собрание законодательства РФ. 17.04.2006. N 16. Ст. 1739. Утратило силу.
5. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009 – 2013 годы»: Постановление Правительства РФ от 02.10.2009 № 792 (ред. от 16.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 12.10.2009. N 41. Ст. 4778. Утратило силу.
6. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 – 2018 годы»: Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 № 586 // Собрание законодательства РФ. 22.07.2013. N 29. Ст. 3965.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ЧАСТНЫХ ОХРАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ДЕТЕКТИВНЫХ АГЕНТСТВ

Гриднева О.В.

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, к.ю.н.,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются отличительные черты и особенности договоров оказания услуг частных охранных предприятий и детективных агентств. Автор статьи предлагает разграничить данные виды договоров в отдельные правовые акты.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, договор оказания услуг частных охранных предприятий, договор возмездного оказания услуг детективных агентств.

К объектам гражданского права относятся услуги частной охранной и детективной деятельности (ст. 128 ГК РФ) [1]. О.Г. Федорова отмечает, что договоры на оказание услуг частной детективной и частной охранной деятельности «имеют различную природу и должны быть регламентированы не единым нормативным актом, как это имеет место сегодня, а отдельно» [5, с. 61].

Другие авторы объединяют данные договоры, и представляют их как письменное соглашение участников, содержание которого составляют существенные условия: предмет, цена, срок договора и меры ответственности сторон. Данная позиция не является бесспорной потому, что частная детективная и охранная деятельность имеют различные предметы правового регулирования.

Предметом договора является то, на что направлено волеизъявление его сторон. Применительно к теме исследования предметом договора будут являться виды услуг частной охранной или детективной деятельности, поскольку именно на них направлена воля заказчика и исполнителя, и именно по оказанию этих видов должно быть достигнуто соглашение сторон [6]. К охранным и детективным услугам относятся разные виды деятельности.

Договор об оказании услуг по защите жизни и здоровья граждан заключается между охранной организацией и гражданином в соответствии с общими требованиями к такого рода договорам. В соответствии с общими рекомендациями предметом договора должен быть тот вид охранных услуг, который предусмотрен статьей 3 Закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», в данном случае защита жизни и здоровья гражданина. При заключении договора необходимо согласовать с охраняемым лицом следующие основные вопросы: порядок работы; порядок обеспечения исполнителя необходимой информацией, в том числе о событиях, влияющих на степень безопасности охраняемого лица; места постоянного пребывания охраняемого лица и основные маршруты следования; способы взаимодействия в критических ситуациях.

На практике достаточно часто появляется вопрос о том, имеет ли право руководитель организации заключить договор на охрану жизни и здоровья

своих сотрудников. Возникает ситуация, когда руководитель фирмы, понимая, что одним из условий обеспечения безопасности организации, является обеспечение безопасности руководителя компании, его заместителей, главного бухгалтера. В соответствии с требованиями статьи 9 того же Закона охранное предприятие обязано заключить письменный договор с каждым из своих клиентов.

В договоре на охрану имущества необходимо определить полномочия и меру ответственности охранного предприятия [2, с. 76-79]. На практике могут возникать конфликты между заказчиком и клиентом о степени вины охранного предприятия в случае утраты имущества по каким-либо причинам, поэтому к составлению договоров и остальных связанных с ним документов, например инструкции по охране объекта, необходимо относиться очень внимательно. Наиболее распространенный подход к данному вопросу это принятие материальной ответственности за сохранность имущества только в случае, если утрата произошла в результате невыполнения охранником предусмотренных договором действий. При этом действия охранника должны быть достаточно подробно прописаны в договоре и в других документах. Одной из форм повышения ответственности охранного предприятия за сохранность имущества в глазах клиента в настоящий момент является страхование материальной ответственности охранного предприятия.

Унифицированных, универсальных договоров на охрану имущества в настоящее время не существует, поскольку само понятие имущества, место его нахождения, форма и условия хранения различны. Так же меры, которые предпринимаются охранниками с целью обеспечения охраны имущества, значительно отличаются в зависимости от характера объекта и целей, в которых охраняемое имущество используется. Результат такой деятельности оформляется в виде Акта выполненных работ.

Детективные услуги представлены сбором сведений по гражданским делам на договорной основе с участниками процесса, изучение рынка, сбор информации для деловых переговоров, выявление некредитоспособных или ненадежных деловых партнеров.

Л.Б. Ситдикова полагает, что «детективная деятельность предполагает информационное обеспечение предпринимательских видов деятельности, а также получение необходимой информации в целях защиты интересов граждан и юридических лиц. Поэтому правильнее отнести ее к информационной сфере деятельности» [3]. Необходимо обозначить основные источники формирования информационного обеспечения в договоре возмездного оказания детективных услуг.

Можно выделить две категории, выступающие в качестве информаторов детектива: это доверенные лица и оперативные (доверительные) контакты, т.е. источники, которые на доверительной основе выполняют отдельные просьбы детектива.

Частные детективные и организации, оказывающие охранные услуги каждый, в сфере своей деятельности, получают, перерабатывают, хранят и используют во многом одну и ту же информацию о своем клиенте, имеющую

конфиденциальный характер и высокую коммерческую ценность. При таких обстоятельствах, отношения клиента и исполнителя носят фидуциарный характер, и для клиента крайне важно сократить круг лиц, имеющих доступ к конфиденциальной информации [4, с. 22].

Таким образом, договор возмездного оказания услуг частных охранных предприятий представляет собой письменное соглашение, в соответствии с которым «исполнитель (частная охранная организация) обязуется по заданию заказчика (физических или юридических лиц) оказать услуги частной охранной деятельности в пределах прав, предоставленных лицензией, а заказчик обязуется оплатить эти услуги». Договор возмездного оказания услуг детективных агентств представляет собой письменное соглашение, в соответствии с которым исполнитель (детективное агентство или частный детектив) обязуется по заданию заказчика оказать услуги сыска, а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Если предмет договора охранных предприятий определяется услугами охраны, а детективных агентств – услугами сыска.

Список литературы

1. Гриднева О.В. Гражданское право. Учебно-методические рекомендации. Рязань, 2013.
2. Гриднева О.В., Трофимова И.А. К вопросу о соотношении понятий «охрана» и «защита» права частной собственности. Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 76-79.
3. Ситдикова Л.Б. Информационное содержание детективных услуг: гражданско-правовой аспект. 2010 // http://www.juristlib.ru/book_8437.html/
4. Солнышкова О.В. Специальная правоспособность субъектов частной детективной и охранной деятельности // Юрист. 2001. № 9. С. 22.
5. Федорова О.Г. Гражданско-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 61.
6. Шаронов С.А., Мелихов В.М., Гайдим И.В. Договорное регулирование услуг частной охранной деятельности. М., 2010 // Режим доступа: <http://lawlist.ru> (дата обращения 12.01.2017)

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА

Гришина Е.П.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

В статье анализируются противоречия уголовно-процессуальной доктрины, законодательного удостоверения и правоприменительной практики, касающиеся правового положения следователя-криминалиста как участника уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: следователь-криминалист, участник уголовного судопроизводства, статус, доказывание, следственные и процессуальные действия.

Социальная потребность реформирования уголовного судопроизводства в качестве одной из наиболее актуальных позиционирует проблему про-

цессуальной институционализации участников уголовного судопроизводства, определяя в качестве доминантной установки для законодателя надлежащее удостоверение их правового положения, а также участия в доказывании. Формирование законодательных новелл в подобной области должно осуществляться поэтапно и взвешенно, в противном случае результаты правотворчества, как справедливо отмечает В.А. Светочев, будут носить «сырой» и недоработанный характер, вызывающий двусмысленное толкование правовых норм или делающий их «нерабочими» [2, с. 36].

Сказанное в полной мере относится к процессуальной фигуре следователя-криминалиста, вошедшего в уголовный процесс по меткому утверждению профессора В.П. Божьева, «с черного входа» [1, с. 5].

Следователь-криминалист кардинальным образом отличается не только от следователя, дознавателя, но и от любого обладателя специальных познаний (по определению он также должен обладать специальными криминалистическими познаниями), традиционно известного отечественному уголовному судопроизводству (эксперта, специалиста, переводчика, педагога, психолога, а в историческом плане – и сведущего свидетеля). Подобное отличие лежит в основе расширенного понимания правового положения следователя-криминалиста – как участника процесса и как наставника, оказывающего организационно-методическую помощь в раскрытии и расследовании преступлений, (но тогда не понятно, чем он отличается от руководителя следственного органа); привлекаемого с целью обеспечить полноценное применение технических средств (тогда он выступает в роли некоего следователя-специалиста [4, с. 735] или специалиста в смысле ст. 58 УПК РФ); осуществляющего методологическую и аналитическую работу [3, с. 145] (но подобная деятельность имеет место за рамками процесса).

Формат научной статьи не позволяет более подробно остановиться на всех проблемных аспектах участия следователя-криминалиста в уголовном судопроизводстве, поэтому ограничимся некоторыми выводами:

а) следует признать нецелесообразным изложение п. 40¹ ст. 5 УПК РФ в развернутой редакции, содержащей не только указание на саму фигуру следователя-криминалиста, но и регламентирующей процессуальный статус последнего; данный пункт может быть представлен в следующем виде: «следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать в производстве следственных и иных процессуальных действий, в порядке, установленном настоящим Кодексом;

б) производство следственных действий следователем-криминалистом без принятия дела к своему производству противоречит требованиям ч. 1 ст. 156 УПК РФ;

в) участие следователя-криминалиста в производстве следственных и иных процессуальных действий должно быть закреплено в отдельной статье УПК РФ – 37.1 «Следователь-криминалист», содержание которой может быть представлено следующим образом: «1. Следователь-криминалист является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, преду-

смотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве следственных и иных процессуальных действий.

2. При производстве следственных и иных процессуальных действий следователь-криминалист обладает полномочиями, установленными статьей 38 настоящего Кодекса». Дополнительная ссылка на ч. 1 ст. 156 УПК РФ не требуется, т.к. принятие следователем дела к своему производству установлено в п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Подобный подход к правовой регламентации статуса следователя-криминалиста оправдан с позиции юридической техники, одним из основных требований которой выступает единство и согласованность правовых норм.

Список литературы

1. Божьев В.П. Сущность изменений в УПК РФ от 2 декабря 2008 г. // Законность. 2009. №5. С. 3-6.
2. Светочев В.А. О роли следователя-криминалиста в уголовном судопроизводстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2013. №2. С. 36-39.
3. Толоконников В. К., Барсегян М.А. Следователь-криминалист – наставник следователя // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. №1. С. 143-147.
4. Меретуков Г.М. Следователь-криминалист – процессуальный статус и его функции // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. №109. С. 734-743.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 116, 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ И ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ УКАЗАННОЙ КАТЕГОРИИ

Долидзе Н.И.

и.о. заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин, к.ю.н.,
Волжский филиал Международного юридического института,
Россия, г. Волгоград

В статье рассматриваются изменения в уголовный, уголовно-процессуальный и кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, касающиеся ответственности за причинение побоев.

Ключевые слова: нанесение побоев, близкие родственники, административное наказание, прекращение уголовного дела.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»

(далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) статья 116 «Побои» Уголовного кодекса РФ [1] изложена в новой редакции, в соответствии с которой нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы влечет уголовную ответственность.

В примечании к данной норме дано понятие близких лиц. Это – близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство.

Лица, состоящие в свойстве, не имеют кровной связи. Это отношения родственников одного супруга к другому супругу или отношения между родственниками обоих супругов (тесть, теща, свекровь, шурин и т. д.).

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» КоАП РФ дополнен новой статьей 6.1.1 предусматривающей ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

В целях обеспечения должного уровня защиты личности от таких правонарушений Федеральным законом № 323-ФЗ статьей 116.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за совершение побоев лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние. Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Сроки, в течение которых лицо считается подвергнутому административному наказанию, а также сроки вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении регламентированы статьями 4.6. и 31.1. КоАП РФ соответственно.

Необходимо принимать во внимание, что в соответствии с внесенными Федеральным законом 323-ФЗ изменениями в УПК РФ, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьей 116.1 УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 20 УПК РФ, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

Уголовные дела о деяниях, предусмотренных статьей 116 УК РФ, отнесены к категории уголовных дел частного-публичного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом № 323-ФЗ в статью 20 УПК РФ, не подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, в том числе по основаниям, предусмотренным статьей 25 УПК РФ.

Правоприменительная практика указанных норм, выявила несогласие большей части общества с тем, что побои в отношении близких родственников приравнивали к побоям, совершенным из хулиганских побуждений в отношении незнакомых лиц, а также с тем, что в случае примирения с потерпевшим (близким родственником), уголовное дело не подлежит обязательному прекращению. В этой связи, 19 января 2017 года Государственная Дума РФ [2] приняла в первом чтении поправки в статью 116 УК РФ, в соответствии с которыми из диспозиции данной статьи исключено понятие «близкие лица». Таким образом, в случае принятия указанных поправок «домашнее насилие», совершенное впервые и не повлекшее последствий, указанных в ст.ст. 115, 112 и 111 будет квалифицироваться по ст. 6.1.1. КоАП РФ и лишь при повторном его совершении, в течение одного года после исполнения административного наказания, будет подпадать под действие уголовного закона.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
2. Законопроект № 26265-7 «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=26265-7> (дата обращения 23.01.2017).

ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Журавлев Д.С.

адъюнкт, капитан юстиции,
Санкт-Петербургский институт войск национальной гвардии,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается эволюция военно-уголовного законодательства Российской империи в XVIII веке. Этот период занимает особое место в политико-правовой истории России, отражая процесс европеизации страны, системы государственного управления, ужесточения карательно-репрессивной политики с ее последующей либерализацией.

Ключевые слова: законодательство, право, наказание, армия.

В современных условиях важной задачей государственных органов Российской Федерации является совершенствование деятельности по обеспе-

чению вооруженной защиты страны, в том числе по разработке военного законодательства, составной частью которого выступают нормативные акты, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против военной службы.

Военно-уголовное законодательство и проблемы применения его норм изучались известными учеными императорской России: Л. А. Камаровским, П. Калининым, Н. М. Коркуновым, В. Д. Кузьминым-Караваевым, А. А. Мушниковым, В. Н. Латкиным, К. Слепневым, Н. С. Таганцевым, А. Г. Тимофеевым, И. Шендзиковским.

В допетровский период российское военно-уголовное право существовало наравне с общеуголовным и соответствовало развитию военной организации общества. В России тогда не существовало регулярной армии, а задачи комплектования войска разрешались посредством огульного приема на военную службу людей в случае непосредственной угрозы со стороны других государств. При отсутствии воинской повинности отсутствовала и необходимость в постоянном существовании норм военно-уголовного наказания. Боевые задачи в этот период решались вооруженными дружинами, во главе которых стояли князья, имевшие над подданными безграничную власть. Они по своему усмотрению наказывали и поощряли, и каких-либо дополнительных рычагов для поддержания в армии единоначалия и дисциплины не требовалось. Войско собиралось только на период войны, а при наступлении мира – распускалось.

До второй половины XVII в. все крупные законодательные акты были межотраслевыми. Они были как бы своеобразными сводами законов – маленькими и большими. Так строились и Русская Правда, и Псковская судная грамота, и Соборное Уложение. В период становления абсолютизма рост массы законов сопровождается отраслевой дифференциацией законодательства.

Преобразование российской армии являлось одной из главных задач, вставших перед Петром I в ходе реализации задуманной им широкомасштабной модернизации российского государства, и потребовавшей многолетней напряженной работы. Создавая армию по европейским образцам, Петр I обратился к изучению западноевропейских военных кодексов. Еще в 90-х годы XVII в. генерал А. Вейде был послан в Венгрию для изучения военной организации. После возвращения из-за границы в 1699 г. он предоставил Петру I статьи для «Утверждения порядка и дисциплины при обучении новоучрежденной пехоты». К созданию нового военно-уголовного законодательства были привлечены как ближайшие сподвижники Петра, так и отечественные и зарубежные специалисты в области права. При этом постоянной комиссии создано не было, поэтому в работе над военным кодексом принимал участие достаточно обширный круг лиц. Иностранные законодательные акты переводились на русский язык, преобразовывались в таблицы параллельных мест и соотносились с личными указаниями и инструкциями Петра. После отбора лучших образцов на их основе разрабатывались отдельные статьи, учитывавшие как специфику русской армии, так и опыт идущей Северной войны. Следует отметить, что ряд положений были сформулированы совершенно

самостоятельно. Подобным образом в период с 1700 по 1708 гг. было подготовлено несколько документов: «Краткое обыкновенное учение», строевой устав пехоты 1700 г., «Уложение или право воинского поведения» из 10 обширных глав фельдмаршала Б. П. Шереметьева 1702 г.

На тот период времени укрепление абсолютизма обеспечивалось Соборным уложением 1649 г. и принятыми уже в период его царствования Воинскими артикулами, составившими правовую основу военно-уголовного законодательства: Воинский артикул 1715 г., Устав Воинский 1716 г., Морской артикул 1722 г. Артикулы включали описание таких воинских преступлений, как воинская измена, уклонение от военной службы, нарушение правил караульной службы, злоупотребление начальствующих лиц по службе и т.д. Помимо воинских преступлений Артикул предусматривал ответственность и за общеуголовные преступления: посягательства против веры, особы государя, половые преступления, поджог, кражу, что давало основание применять Артикул и к гражданскому населению. При описании кражи впервые было употреблено понятие повторности (первая кража наказывалась прогоном через строй 6 раз, вторая – 12 раз, третья – урезанием носа, ушей и ссылкой на каторжные работы, четвертая – смертной казнью).

В период проведения реформ Петром I и в последующем их развитии были сделаны попытки кодификации военно-уголовных норм. Прежде всего, они представляли собой желание законодателя перенести в российское право иностранные законы, согласованные с реальностями жизни русской армии. 30 марта 1716 г. Петром I был утвержден первый военно-уголовный закон. Артикул воинский был заимствован из иностранных источников, а именно в основу его были положены шведские артикулы Густава Адольфа. В артикуле содержались толкования каждой статьи.

Телесные наказания, в том числе битье осужденных, не было новинкой в России. Однако Петр I придумал новый вид такого наказания – шпицрутены. Удары шпицрутенами были менее мучительными, чем кнутом. Но зато они назначались тысячами, поэтому часто влекли за собой те же последствия, что и кнут, т. е. изувечение или даже смерть преступника.

При Петре I разнообразятся и формы правовых актов. При этом и здесь проявляется стремление к новой, иноязычной терминологии. Так, например, закон о государственной службе называется «Табель о рангах», закон о крестьянских податях и повинностях 26 июня 1724 г. назван почему-то «плакатом», военно-уголовный кодекс – Воинским артикулом и т.п.

При Петре I и его преемниках получили развитие наказания, заключающиеся в поражении прав осужденного. Эти наказания существовали в русском праве и прежде: проклятие, биение полипу, плевание, опала и отнятие чести, «отставление» от должности и воспреещение занимать ее снова и т.д. Введенные Воинскими артикулами Петра I и Указами Елизаветы Петровны новые виды таких наказаний – «шельмование» и «гражданская смерть» – способствовали развитию правопоражений, они получили довольно широкое распространение в качестве как основных, так и дополнительных наказаний.

С апреля 1712 г. к работе над окончательным редактированием кодекса приступил сам Петр I. Только после глубокого и всестороннего изучения иностранных источников, и тщательного изучения проектов, над исправлением которых Петр трудился несколько лет, его военное законодательство вылилось в окончательную форму Воинского устава, который был введен 30 марта 1716 г. и передан в войска. Этот устав не был первым в России – еще в 1647 г. при царе Алексее Михайловиче был издан воинский устав под заглавием: «Учение и хитрость ротного строя пехотных людей Московского государства». Однако между этими двумя уставами была существенная разница, поскольку устав 1647 г. был простым переводом с немецкого языка и заключал в себе преимущественно лишь строевые уставы имперских войск. Устав 1716 г. содержит в себе уже законы военно-административные, уголовные, судопроизводство, строевое обучение. Н. Дубровин в этой связи отмечал: «Северная война дала много опыта верховному предводителю и преобразователю русской армии, и под влиянием этого опыта Петр I и его сотрудники положили начало науке военного права, дотоле неизвестной в России. Вот почему подробное изучение устава весьма важно не только для каждого военного, но и для всякого, изучающего историю русского права вообще» [3].

Уголовное право. В XVIII в. уголовное право сделало значительный шаг вперед. Это объяснялось как обострением классовых противоречий, свойственных абсолютизму, так и общим развитием правовой культуры. Особое значение в этой сфере имеет законодательство Петра I, и, прежде всего, его Артикул воинский.

Именно при Петре впервые появляется уже современный термин для обозначения уголовного правонарушения – «преступление». Заметно развилось учение о составе преступления, хотя в нем еще наблюдаются большие пробелы. Так, в Артикуле воинском говорится об ответственности малолетних, которые подлежат наказанию, но в меньшей мере. Освобождение их от ответственности допускается, но не является обязательным. То же относится и к невменяемым. В отличие от Соборного Уложения, Артикул воинский расценивает состояние опьянения не как смягчающее, а как в принципе отягчающее обстоятельство совершения преступления. Закон рассматривает различные формы соучастия, однако ответственность соучастников обычно одинакова.

В петровском законодательстве делаются новые шаги к разграничению преступлений по субъективной стороне. Предусматриваются умышленные, не-осторожные и случайные деяния. Однако терминология еще не устоялась: Артикул воинский часто путает неосторожные и случайные деяния.

Закон говорит о различных стадиях развития преступной деятельности, однако наказание за приготовление, покушение и оконченное преступление обычно одинаково. Это относится и к «голому умыслу» (обнаружению умысла), который наказуем при государственных преступлениях. Известен случай, когда в 1700 г. один купец похвалялся спьяну, что убьет царя. Схваченный по доносу, он был приговорен боярами к смертной казни. Правда, Петр заменил ему смертную казнь каторгой.

Более четкой становится система преступлений. По-прежнему на первом месте стоят преступления против церкви. Как и Соборное Уложение, Артикул воинский начинается именно с этого рода преступлений, но посвящает им уже две главы. При всем пренебрежении Петра к монастырям и церкви он прекрасно понимал необходимость защиты идеологической опоры феодального государства.

Развивается система должностных, имущественных и преступлений против личности.

В конце XVIII в. расширяется применение такой формы лишения свободы, как тюремное заключение. Появляются новые виды мест лишения свободы – смирительные и работные дома для менее опасных преступников и административно арестованных.

Список литературы

1. Печников В.Н. История отечественного государства и права: учебно-методический комплекс для студентов юридического факультета / Печников В.Н. – 2-е изд., пересмотр. – Казань, 2014. С.198.
2. Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986.
3. Сухондяева Т.Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII – начало XX вв.: историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 СПб., 2006 210 с. РГБ ОД, 61:07-12/383.
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. М., 1994. Т. 1. С. 101.

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Камалиева Г.Т.

аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Россия, г. Москва

В статье автор раскрывает правовое значение окончания срока действия договора поставки, проводит сравнительный анализ гражданского законодательства и действующих нормативно-правовых актов, а также подчеркивает важное значение срока действия гражданско-правовых договоров при их заключении. Приводит аргументы и факты правомерности заключения договора поставки на неопределенный срок и предлагает внести норму о сроке заключения договора поставки на неопределенный срок для укрепления необходимых позиций в законодательстве и для защиты сторон по договору поставки от неблагоприятных последствий, которые могут привести к недействительности сделки, либо сделка будет считаться не заключенной.

Ключевые слова: договор поставки, неопределенный срок, срок действия гражданско-правового договора, односторонний отказ, свобода договора.

С изменением экономических условий нашей страны изменялись и законодательные нормы. Развитие предпринимательства и переход к рыночным отношениям привело к развитию в гражданско-правовом обороте договорных отношений. Гражданско-правовой договор стал средством юридического урегулирования норм права.

С.С. Алексеев отметил, что «гражданско-правовой договор призван обеспечить в ключевых сферах жизни общества (положение личности, собственность, гражданский оборот, наследование и т.д.) стабильность, устойчивость и определенность имущественных и личных неимущественных отношений. Он реализует важнейшее начало жизнедеятельности людей – решение жизненных вопросов на началах согласия, диалога, взаимно согласованной воли. Договор есть правовая форма, в которую облакаются экономические отношения товарообмена. В большинстве случаев именно благодаря договору осуществляется перемещение материальных благ. Договор обеспечивает динамику имущественных отношений.

Договор – наиболее распространенное основание возникновения, изменения и прекращения обязательств, функционирования рыночных отношений.

Договор, выступая в качестве источника прав и обязанностей субъектов правоотношения, является средством поднормативного регулирования, определяет модель (программу) возникновения и развития правового отношения между должником и кредитором» [1, с. 486].

В договоре закрепляются все позиции (условия), возникающие между сторонами гражданских правоотношений и в случае юридического спора является приоритетным документом при рассмотрении в судах. Так, абзац 1 пункта 2 статьи 1 главы 1 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит, что «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора» [2, с. 3].

Так, Е.А. Суханов выразил следующее мнение: «Договор представляет собой разновидность сделки и характеризуется двумя основными чертами:

- во-первых, наличием согласованных действий участников, выражающих их взаимное волеизъявление;
- во-вторых, направленностью данных действий (волеизъявления) на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей сторон.

В этом и состоит основной юридический (гражданско-правовой) эффект договора, обеспечивающий связанность его контрагентов соответствующим обязательственным правоотношением. Вместе с тем необходимо различать договор как сделку и как возникшее в результате его заключения договорное обязательство. Права и обязанности контрагентов по договору суть их права и обязанности как сторон обязательства и составляет содержание последнего, тогда как сделка лишь определяет (называет) их и делает юридически действительными. Дальнейшее исполнение сторонами договорных условий есть не что иное, как исполнение обязательства» [1, с. 487].

Профессор А.М. Эрделевский в статье «О применении статьи 431 Гражданского кодекса РФ» пишет, что «пункт 1 ст. 420 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК) определяет договор как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обя-

занностей. Хотя законодатель не дает легального определения понятия "соглашение", сопоставление п. 1 ст. 420 с п. 3 ст. 154 ГК дает основания для вывода о том, что под соглашением следует понимать выражение согласованной воли сторон договора. В подавляющем большинстве случаев такое соглашение облекается в словесную форму – устную или письменную, хотя ст. 158 ГК допускает заключение договора посредством конклюдентного поведения – как активного, то есть конклюдентных действий, так и пассивного – конклюдентного бездействия (молчания).

При заключении договора в устной или письменной форме весьма важно, чтобы использованные в договоре слова и выражения ясно выражали содержание волеизъявления его сторон. Но неясности и противоречия в содержании договора являются нередким явлением, в связи с чем после заключения договора между его сторонами зачастую возникают споры относительно смысла того или иного условия. И во многих случаях оказывается, что стороны по-разному его понимали. Если участники оказываются не в состоянии урегулировать возникшие разногласия по взаимному соглашению, спор решается судом. При рассмотрении вопроса о смысле условий договора суд должен руководствоваться правилами ст. 431 ГК, в которой установлены правила толкования договора судом» [3, с. 1].

Таким образом, профессор А.М. Эрделевский постарался доходчиво донести до читателя важность процесса заключения гражданско-правового договора и указал на возникающие проблемы. Учитывая мнение А.М. Эрделевского можно сделать вывод, что договор – это согласование контрагентами (сторонами) всех возможных и невозможных последствий совместного сотрудничества и является юридическим актом, несущий доказательственную силу.

Принятый в октябре 1994 года Государственной Думой Гражданский кодекс Российской Федерации был сильно усовершенствован в части обязательственного права. Были отработаны нормы об общих положениях о договоре, внесены изменения в отдельные виды обязательств.

В условиях развития предпринимательства в нашей стране особое место получил такой вид гражданско-правового договора как договор поставки. С помощью договора поставки осуществляется закупка и поставка товаров любого наименования практически во всех отраслях производства, промышленности. Это напрямую связано с развитием института юридических лиц, а именно, с переходом к частной собственности и с изменением организационно – правового статуса. В статье 506 ГК РФ дано определение договора поставки: «По договору поставки поставщик – продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием» [2, с. 217]. Законодатель напрямую связал договор поставки с предпринимательской деятельностью и как, отметил В.В. Витрянский, «характерным признаком поставляемых товаров является то, что они производятся или за-

купаются поставщиком. Данный признак товаров предъявляет определенные требования и к правовому статусу поставщика: он осуществляет не вообще всякую предпринимательскую деятельность, а применительно к конкретному договору поставки предпринимательскую деятельность по производству или закупке определенных товаров» [1, с. 553].

Указание на срок введено в определение договора и является его существенным условием. Кроме того, важной (хоть и не обязательной) особенностью договорных связей по поставке товаров является их долгосрочный характер. Традиционно указывается, что исполнение договора поставки, как правило, осуществляется по частям, в течение его срока действия, а для купли-продажи в целом характерно разовое исполнение. В связи с этим законодатель большое внимание уделяет вопросам, связанным с периодами поставки (ст.508, 511, 512 ГК РФ) [1, с. 554].

Законодатель, конечно, четко отработал и сформулировал нормы о договоре поставки, предусмотрел все особенности и закрепил в нормах об общих положениях договора купли-продажи, отнеся договор поставки к его разновидности. И говоря о долгосрочном характере договора поставки, однако цивилисты не предусмотрели норму о сроке заключения самого договора поставки. Хотя, согласно Постановления Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 в случаях, когда моменты заключения и исполнения договора не совпадают, а сторонами не указан срок поставки товара и из договора не вытекает, что она не должна осуществляться отдельными партиями, при разрешении споров необходимо исходить из того, что срок поставки определяется по правилам, установленным статьей 314 ГК РФ (ст. 457). При разрешении споров, вытекающих из договора поставки, заключенного с условием его исполнения к строго определенному сроку (п.2 ст.457 ГК РФ), необходимо иметь в виду, что досрочная поставка товаров либо восполнение недопоставленного количества товаров в следующем периоде или периодах допускаются по данному обязательству лишь при наличии согласия покупателя. По договорам поставки товаров к определенному сроку уведомления покупателем поставщика об отказе принять просроченные [4].

Согласно Федеральному закону от 08.03.2015 N 42-ФЗ ст. 314 ГК РФ изложена в новой редакции. В соответствии с ней в случае, если обязательство не предусматривает срока исполнения и не содержит условий, позволяющих его определить, оно должно быть исполнено в течение семи дней со дня предъявления кредитором соответствующего требования. Указанный Федеральный закон вступил в силу 1 июня 2015 г. Приведенная ниже судебная практика основана на применении ст. 314 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 июня 2015 г., которая предусматривала в такой ситуации необходимость исполнения обязательства в разумный срок [5].

Согласно Постановления ФАС Северо-Кавказского округа от 05.07.2007 N Ф08-3329/2007 по делу N А32-28881/2006-31/647 «...Из текста договора следует, что поставка зеленого горошка должна осуществляться отдельными партиями, размер которых договором не определен. График поставки зеленого горошка стороны не согласовали.

Согласно статье 508 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае, когда сторонами предусмотрена поставка товаров в течение срока действия договора поставки отдельными партиями и сроки поставки отдельных партий (периоды поставки) в нем не определены, то товары должны поставляться равномерными партиями ежемесячно, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов, существа обязательства или обычаев делового оборота.

В пункте 10.1 договора поставки предусмотрено, что он действует до полного исполнения его сторонами. Данное условие противоречит статье 190 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку срок может определяться указанием на событие, которое должно неизбежно наступить, то есть не зависит от воли сторон договора.

Поскольку конкретный срок действия договора стороны не установили, невозможно определить сроки поставки отдельных партий и их размеры по правилам статьи 508 Гражданского кодекса Российской Федерации.

При таких обстоятельствах суду следовало руководствоваться нормами статьи 314 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно пункту 2 которой обязательство, не содержащее условий, позволяющих определить срок его исполнения, должно быть исполнено в разумный срок после возникновения обязательства. Обязательство, не исполненное в разумный срок, должно быть исполнено в семидневный срок со дня предъявления кредитором требования о его исполнении.

...решение Арбитражного суда Краснодарского края от 05.04.2007 по делу N А32-28881/2006-31/647 оставить без изменения, кассационную жалобу – без удовлетворения..." [6].

В соответствии с Постановлением Президиума ВАС РФ от 30.05.2000 N 6088/99 по делу N А60-1072/98-С4: «По общему правилу истечение срока действия договора поставки прекращает обязанность поставщика поставлять предусмотренный этим договором товар (отметим, что Акт принят до внесения изменений в ст. 314 ГК РФ в соответствии с Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ) [7].

К тому же, в соответствии с пунктом 1 статьи 523 ГК РФ возможен односторонний отказ от исполнения договора поставки (полностью или частично) или одностороннее его изменение допускается в случае существенного нарушения договора поставки одной из сторон (абзац четвертый пункта 2 статьи 450). Причем, согласно пункта 4 статьи 523 ГК РФ, договор поставки считается измененным или расторгнутым с момента получения одной стороной уведомления другой стороны об одностороннем отказе от исполнения договора полностью или частично, если иной срок расторжения или изменения договора не предусмотрен в уведомлении либо не определен соглашением сторон [2, с. 221].

Так как в статье 190 ГК РФ дается понимание срока как определенного промежутка либо периода времени или «момента» во времени, а сроки в гражданском праве классифицируются на нормативные, по точности установления, по правовым последствиям, по субъектному составу и по сроку

существования гражданских прав, то заключение договора поставки на неопределенный срок не противоречит закону.

Совершенствуя нормы Гражданского кодекса Российской Федерации в области обязательственного права, цивилисты не учли один важный момент, а именно, сроки заключения гражданско-правовых договоров. На сегодняшний день Гражданский кодекс Российской Федерации трактует нормы об общих положениях о договоре, объединяя их в главе 24 подраздела 2 ГК РФ. Здесь законодатель закрепил следующие нормы: понятие и условия договора (глава 27 ГК РФ), заключение договора (глава 28 ГК РФ) и изменение и расторжение договора (глава 29 ГК РФ). Причем, в главе 28 ГК РФ приведены нормы о заключении договора на основании оферты и акцепта, а в главе 29 ГК РФ закреплены основания изменения и расторжения договора.

Конечно, упуская нормы о срочности гражданско-правовых договоров в главах 27, 28 и 29 ГК РФ об общих положениях о договоре, цивилисты отразили и закрепили нормы о сроке действия договора в некоторых гражданско-правовых договорах в отдельности.

Например, в статье 540 ГК РФ договора энергоснабжения урегулированы следующие нормы о порядке заключения договора и сроке его действия:

«1. В случае, когда абонентом по договору энергоснабжения выступает гражданин, использующий энергию для бытового потребления, договор считается заключенным с момента первого фактического подключения абонента в установленном порядке к присоединенной сети.

Если иное не предусмотрено соглашением сторон, такой договор считается заключенным на неопределенный срок и может быть изменен или расторгнут по основаниям, предусмотренным статьей 546 настоящего Кодекса.

2. Договор энергоснабжения, заключенный на определенный срок, считается продленным на тот же срок и на тех же условиях, если до окончания срока его действия ни одна из сторон не заявит о его прекращении или изменении либо о заключении нового договора» [2, с.226]. Законодатель четко регламентировал в каких случаях договор энергоснабжения является срочным, а в каких случаях бессрочным.

Далее, в общих положениях о договоре аренды в статье 610 ГК РФ приведены особенности прекращения договора, заключенного на неопределенный срок, также рассматривается возможность заключения договора аренды на срок по согласованию сторон. Причем, в пункте 3 статьи 610 ГК РФ находит отражение норма об императивно установленном сроке и рассматриваются последствия нарушения этого срока.

Г.Ф. Шершеневич в свое время писал, что «указание срока в договоре необходимо, потому что упущение его будет истолковано согласно временному характеру пользования не в смысле вечности его, а в смысле возможности прекращения его во всякое время» [1, с. 627].

Так, в договоре проката в статье 627 ГК РФ установлен предельный срок, равный одному году.

В статье 683 ГК РФ о сроке в договоре найма жилого помещения приводится общее правило установления максимального срока данного договора и это является его индивидуальностью.

Особое внимание уделим статье 1051 ГК РФ об отказе от бессрочного договора простого товарищества. М.В. Батянов в монографии «Срок действия гражданско-правового договора» отметил следующее: «Критические замечания вызывает употребление термина «бессрочный» в ст.1050,1051 ГК РФ. По нашему мнению, употребление этого термина допустимо лишь в исключительных случаях применительно к гражданско-правовым договорам, обладающим вышеуказанными особенностями. У договора простого товарищества таковые отсутствуют. Поэтому считаем необходимым заменить в ст. 1050, 1051 ГК РФ слова «бессрочный договор простого товарищества» на слова «договор простого товарищества без указания срока действия» в соответствующих падежах» [8, с. 72]. Данное замечание справедливо и юридически правильно, т.к. законодатель не закрепил в Гражданском кодексе Российской Федерации научного определения термина «бессрочный», как и термина «неопределенный срок». Это пробелы нашего законодательства.

Также довольно часто встречаются нормы об окончании действия договора с прикреплением к наступлению отменительного условия, а это в свою очередь влечет ряд неудобств, так как с наступлением отменительного условия гражданско-правовой договор автоматически прекращает свою юридическое существование, что не всегда учитывается в действительности. Например, рассмотрим договор на оказание услуг связи с гражданами. Согласно п.5 ст. 45 ФЗ РФ от 7.07.03 г. № 126 – ФЗ «О связи» договор об оказании услуг связи с абонентом прекращается в случае прекращения у абонента права владения и пользования помещением, в котором установлено окончное оборудование [9].

Переходя к четвертой части ГК РФ, хочется заметить, что это довольно молодой институт Гражданского права РФ и анализируя нормы приходишь к выводу, что законодатель провел тщательную нормотворческую работу. Так, В.Ф. Яковлев и Е.А. Суханов отметили, что «при подготовке четвертой части ГК РФ решались четыре основные задачи кодификационного характера.

1. Полное сосредоточение в ГК всего гражданского законодательства об интеллектуальной собственности и ряда неразрывно связанных с ним иных норм (их условно можно назвать регистрационными правилами). Это повлечет отмену шести федеральных законов 1992-1993 гг. об отдельных видах интеллектуальной собственности, многочисленных последующих законодательных наслоений на эти законы, а также основательную расчистку федерального законодательства в этой области.

2. Приведение федерального законодательства об интеллектуальной собственности в единую систему. Наиболее заметно в этом отношении выделение в четвертой части ГК РФ общих положений (глава 69). Это позволяет сформулировать некоторые единые для законодательства об интеллектуальной собственности принципиальные положения.

3. Ясное решение вопроса о соотношении норм об интеллектуальной собственности с общими положениями гражданского законодательства (о субъектах, сделках, исковой давности, представительстве, договорах и др.).

4. Проведение сложной кодификационной работы юридико-технического характера – устранение расхождений и противоречий между действующими нормами разных законов, структурирование текста, значительное улучшение языка, редакции закона» [1, с. 1141].

Например, в статье 1230 ГК РФ о сроке действия исключительных прав закреплены нормы о срочности исключительных прав, а также вопросы регламентации сроков специальными нормами ГК РФ. Принцип срочности исключительных прав проводится законодателем с большой дифференциацией в зависимости от конкретных видов результатов интеллектуальной деятельности, в отношении которых установлено исключительное право [1, с. 1153].

В.А. Дозорцев заметил, что «исключительное право на результат, для которого существенно содержание, действует примерно в течение 20 лет, и начало течения этого срока определяется применительно к регистрации права. Смысл такого срока заключается в том, чтобы обеспечить правообладателю окупаемость затрат по созданию решения и его использованию.

Продолжительность срока действия исключительного права на результат, для которого существенна форма, имеет стабильную тенденцию к увеличению. Этот срок теснее привязан к личности автора и рассчитан на наследников автора.

Срок действия исключительного права на средства индивидуализации заранее не ограничен или он может продлеваться неограниченное число раз» [1, с. 1154].

Законодатель вводит в систему поименованных договоров самостоятельные договорные типы: договор об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК) и лицензионный договор как договор о предоставлении другому лицу права использования результата интеллектуальной деятельности (ст. 1235 – 1238 ГК) [1, с. 1165]. В абз.1 п.4 ст. 1235 о лицензионном договоре закрепляется норма о сроке действия этого договора, которая гласит, что «срок, на который заключается лицензионный договор, не может превышать срок действия исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации» [2, с. 402].

Итак, согласно норм Гражданского кодекса РФ гражданско-правовой договор регулируется в соответствии с главами 28 и 29 ГК РФ. Но договоры могут заключаться на возникновение или прекращение правового состояния гражданина. Например, в Семейном кодексе регламентированы нормы о соглашении алиментов, брачный контракт, также договор о вступлении в брак (п.1 ст. 10 СК РФ) и договор о прекращении брака (п.1 ст. 19 СК РФ). Договор о вступлении в брак, договор о прекращении брака ... покрываются понятием статусного договора (Statusvertrag), т.е. договора, через который стороны обосновывают, изменяют или прекращают длящиеся совместные отношения (dauerhafte Gemeinschaftsverhältnisse) [10, с. 197].

Особое внимание обратим на статью 450 ГК РФ. Здесь отражены основания изменения и расторжения договора. Законодатель выделяет общее правило изменения и расторжения договора путем составления соглашения, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими законами или догово-

ром. Но, при этом существует исключение из общего правила. Так, по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только в двух случаях:

1. При существенном нарушении договора другой стороной;
2. В иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами или договором [2, с. 200].

Причем, под существенным нарушением законодатель признает нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

В случае одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законом или соглашением сторон, договор считается соответственно расторгнутым или измененным.

Как отмечает М.И. Брагинский, "наделение сторон столь широкой возможностью определять судьбу договора составляет одно из прямых выражений договорной свободы: те, кто обладает правом по собственной воле заключать договор, должны быть в принципе столь же свободны в вопросах о его расторжении или изменении отдельных договорных условий" [11, с. 434]. При обоюдном согласии сторон заключенный ими договор может быть пересмотрен путем внесения в него изменений, предусматривающих как расширение, так и сужение условий его исполнения. В данном случае не происходит замены договора. Как отмечал по этому вопросу К.П. Победоносцев, «может случиться, что возникшее, установленное обязательство, не уничтожаясь, подвергается изменению, так что бывшее прежде обязательство принимает новое направление, новое содержание, новый смысл, – отличные от тех, которые имело при своем начальном происхождении. Происходит это прежде всего по воле самих лиц, участвующих в обязательстве; им может благо рассудиться сделать в обязательстве изменение, прибавку, так что выходит из этого не новое, особенное обязательство, а только расширяется, стесняется, иначе определяется содержание прежнего» [12, с.200].

Согласно пункта 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 от 14 марта 2014 года «О свободе договора и ее пределах» в соответствии с пунктом 2 статьи 1 и статьей 421 Гражданского кодекса Российской Федерации граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора [13].

Свобода действий сторон договора по его изменению либо расторжению может быть ограничена законом или самим договором. Согласно п.2 ст. 422 ГК РФ если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров. Как видно, указанное правило также направлено на обеспечение стабильности действия договоров, заключенных в соответствии с ранее действовавшими правилами.

Такие договоры не подлежат изменению, если только в самом законе не указано на необходимость их приведения в соответствии с новыми правилами [14, с. 200].

Согласно пункту 4 статьи 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано обязательными для сторон правилами, установленными законом или иными правовыми актами (императивными нормами), действующими в момент его заключения (статья 422 ГК РФ). В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой [13].

В абзаце 4 пункта 2 Постановления говорится, что «статья 310 ГК РФ допускает согласование в договоре права на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора только в случаях, когда договор заключается в связи с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности. Цель данной нормы состоит в защите слабой стороны договора. Следовательно, подразумеваемый в ней запрет не может распространяться на случаи, когда в договоре, лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, право на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем» [13].

В пункте 3 статьи 450 ГК РФ не регламентируется порядок предъявления одностороннего отказа, а также не устанавливаются критерии для определения момента вступления в силу такого отказа. Представляется, что в тех случаях, когда основания для одностороннего отказа установлены в договоре, соответственно и порядок осуществления такого отказа также должен быть определен в договоре. В данном случае стороны не ограничены в определении порядка осуществления одностороннего отказа, они могут установить как форму заявления об отказе, так и срок предъявления уведомления, по истечении которого будет считаться расторгнутым или измененным в соответствующей его части.

Вопрос о моменте вступления в силу одностороннего отказа, а также о порядке его осуществления может возникнуть и для тех случаев, когда такой отказ допускается законом. Применительно к отдельным договорам законом устанавливается конкретный срок, не позднее которого соответствующая сторона договора должна быть извещена об направлении одной из сторон договора извещения об одностороннем отказе от исполнения договора такой договор должен считаться соответственно расторгнутым или измененным. В частности, обязательный срок для заблаговременного извещения об одностороннем отказе от исполнения договора установлен в ст. 509, 592, 699, 977, 1003, 1004, 1051, 1469 ГК РФ. К примеру, согласно п.2 ст. 1469 ГК РФ в случае, когда срок, на который заключен лицензионный договор, не указан в этом договоре, любая из сторон вправе в любое время отказаться от догово-

ра, предупредив об этом другую сторону не позднее чем за шесть месяцев, если договором не предусмотрен более длительный срок. В некоторых случаях законом установлены критерии для определения момента, с которого соответствующий договор будет считаться измененным или расторгнутым. Так, договор поставки будет считаться измененным или расторгнутым с момента получения одной стороной уведомления другой стороны об одностороннем отказе от исполнения договора полностью или частично, если иной срок расторжения или изменения договора не предусмотрен в уведомлении либо не определен соглашением сторон (п.4 ст.523 ГК) [14, с. 207].

Таким образом, мы видим, что цивилисты прописали допустимые пределы императивности и диспозитивности норм при изменении и заключении договора, причем ссылаясь на то, что нормы не должны противоречить законодательству.

Возвращаясь к договору поставки и сроку его действия заметим, что цивилисты предусмотрели односторонний отказ от исполнения договора поставки, выделив ее в статью 523 ГК РФ. В данной статье мы замечаем конкретизацию положений п. 2 ст. 450, которое регламентировано следующим образом: «Односторонний отказ от исполнения договора поставки (полностью или частично) или одностороннее его изменение допускается в случае существенного нарушения договора одной из сторон (абзац четвертый пункт 2 статьи 450) [2, с. 200]. Также четко прописаны основания для расторжения договора поставки покупателем и основания для расторжения договора продавцом, а именно, согласно пункта 2 статьи 523 ГК РФ, нарушение договора поставки поставщиком предполагается существенным в случаях:

- поставки товаров ненадлежащего качества с недостатками, которые не могут быть устранены в приемлемый для покупателя срок;
- неоднократного нарушения сроков поставки товаров [2, с. 220].

В соответствии с пунктом 3 статьи 523 ГК РФ нарушение договора поставки покупателем предполагается существенным в случаях:

- неоднократного нарушения сроков оплаты товаров;
- неоднократной невыборки товаров [2, с. 221].

Интересен тот факт, что законодатель в пункте 4 статьи 523 ГК РФ приводит уточнение общего правила п.3 статьи 450 в следующем виде: «договор поставки считается измененным или расторгнутым с моментом получения одной стороной уведомления другой стороны об одностороннем отказе от исполнения договора полностью или частично, если иной срок расторжения или изменения договора не предусмотрен в уведомлении либо не определен соглашением сторон» [2, с. 200].

Согласно Постановления Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 следует, что «при рассмотрении дел, связанных с нарушением поставщиком условия договора об ассортименте товаров, покупателем могут быть предъявлены требования, предусмотренные п.2 ст.468 ГК РФ. В частности, покупатель вправе отказаться как от товаров, не соответствующих условию об ассортименте, так и от всех переданных одновременно товаров. Такой отказ не считается отказом от исполнения обязательства и не влечет расторжения догово-

ра. Покупатель в этом случае вправе требовать неустойку за недопоставку всей партии товара» [4].

Проанализировав таким образом существующие нормы законодательства и нормативно-правовых актов, мы убеждаемся в том, что заключение договора поставки на неопределенный срок не влечет нарушений и изменений установленной гражданским правом системы норм. Единственное несоответствие – это не закрепление данной нормы в гражданском законодательстве, что признает договор поставки не заключенным.

Таким образом, предлагаем внести новую статью 523.1 ГК РФ о сроке договора поставки в следующем виде:

- «1. Договор поставки заключается на срок, определенный договором.
2. Договор поставки может быть заключен на неопределенный срок.

В этом случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц в соответствии с пунктом 4 статьи 523 ГК РФ».

К тому же, согласно Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 от 14 марта 2014 года «О свободе договора и ее пределах» в абзаце 3 пункта 3 дается разъяснение в том плане, что при возникновении спора об императивном или диспозитивном характере нормы, регулирующей права и обязанности по договору, суд должен указать, каким образом существо законодательного регулирования данного вида договора, необходимость защиты соответствующих особо значимых охраняемых законом интересов или недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон предопределяют императивность этой нормы либо пределы ее диспозитивности.

Например, пункт 2 статьи 610 ГК РФ предусматривает право каждой из сторон договора аренды, заключенного на неопределенный срок, немотивированно отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону в названные в данной норме сроки. Эта норма хотя и не содержит явно выраженного запрета на установление иного соглашением сторон, но из существа законодательного регулирования договора аренды как договора о передаче имущества во временное владение и пользование или во временное пользование (статья 606 ГК РФ) следует, что стороны такого договора аренды не могут полностью исключить право на отказ от договора, так как в результате этого передача имущества во владение и пользование фактически утратила бы временный характер.

Пункт 1 статьи 463 ГК РФ, в соответствии с которым покупатель вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи, если продавец отказывается передать покупателю проданный товар, не содержит явно выраженного запрета предусмотреть договором иное, например, судебный порядок расторжения договора по названному основанию вместо права на односторонний отказ от его исполнения. Однако договором не может быть полностью устранена возможность его прекращения по инициативе покупателя в ситуации, когда продавец отказывается передать ему проданный товар, поскольку это грубо нарушило бы баланс интересов сторон [13].

Далее, согласно пункта 3 Постановления Пленума ВАС РФ № 18 от 22.10.1997 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» следует, что «При рассмотрении споров, связанных с заключением и исполнением договора поставки, и отсутствии соответствующих норм в параграфе 3 главы 30 Кодекса суду следует исходить из норм, закрепленных в параграфе 1 главы 30 Кодекса (пункт 5 статьи 454), а при отсутствии таких норм в правилах о купле-продаже руководствоваться общими положениями Кодекса о договоре, обязательствах и сделках» [4].

В соответствии с пунктом 20 Постановления Пленума ВАС № 18 от 22.10.1997 г. следует, что в соответствии со статьей 523 Кодекса при существенном нарушении договора поставки одной из сторон другая сторона вправе по своему выбору отказаться от исполнения этого договора как полностью, так и частично.

Сторона, заявившая об одностороннем отказе в связи с существенным нарушением условий договора со стороны контрагента, вправе предъявить ему требования о возмещении убытков, причиненных расторжением или изменением договора (пункт 5 статьи 453 Кодекса).

При рассмотрении спора, вытекающего из договора поставки, по которому был заявлен отказ от исполнения обязательства, суду во всех случаях следует оценивать доводы сторон о законности такого отказа, если он имеет отношение к исковым требованиям [4].

Таким образом, внеся норму о сроке заключения договора поставки мы укрепим необходимые позиции в законодательстве и контрагенты по гражданско-правовому договору получают защиту от неблагоприятных последствий.

Список литературы

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический)/под ред. С.А. Степанова. – 4-е изд. – Москва: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. С. 486.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Части первая, вторая, третья и четвертая. – М.: Издательство «Омега – Л», 2015. С. 585.
3. Эрделевский А.М. О применении статьи 431 Гражданского кодекса РФ//СПС КонсультантПлюс.2015.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 N 18 "О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки".
5. СПС КонсультантПлюс. 2016.
6. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 05.07.2007 N Ф08-3329/2007 по делу N А32-28881/2006-31/647.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 30.05.2000 N 6088/99 по делу N А60-1072/98-С4.
8. Батянов М.В. Срок действия гражданско-правового договора: монография / М.В. Батянов. Самара, 2013. С. 72.
9. Федеральный закон Российской Федерации № 126 от 07.07.2003 г. «О связи»
10. Gauch P., Schluep W., Schmid J., Rey H. Schweizerisches Obligationenrecht. Allgemeiner Teil. 7 Aufl. Zurich, 1998. Bd. 1. S. 28, 44; Koziol H., Welser R. Grundriss des bürgerlichen Rechts. 13 Aufl. Wien, 2006. Bd. 1. S. 197.

11. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: 2-е изд., испр. М.: Статут, 2000. С. 434.
12. Победоносцев К.П. Договор: Постатейный комментарий глав 27, 28 и 29 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: Статус, 2010. С. 200.
13. Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 от 14 марта 2014 года «О свободе договора и ее пределах».
14. Договор: Постатейный комментарий главы 27 Гражданского кодекса РФ / Под ред. Б.М.Гонгало, П.В. Крашенинникова. – М.: Статус, 2010. С. 200.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ ПРИ РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ: ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Карпова А.В.

магистр юридических наук, аспирант кафедры конституционного и
муниципального права, Поволжский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации, Россия, г. Энгельс

В статье исследуются коллизионные вопросы, касающиеся распределения полномочий органов государственной власти Российской Федерации в социально-экономической сфере. Внимание автора обращено также на меры конституционного контроля в области обеспечения разграничения предметов ведения между органами государственной власти различного уровня.

Ключевые слова: органы власти, полномочия, коллизии, социально-экономические права.

В общем виде термин «коллизия» обозначает какое-либо противоречие, столкновение [1, с. 673] и несет негативную коннотацию, в какой бы области он ни использовался. Что же касается права, то при разрешении социально-экономических вопросов зачастую складываются такие ситуации, которые сразу подпадают под действие ряда норм. Возникают нежелательные юридические дилеммы и альтернативы. Чтобы устранить коллизию, требуется высокий профессионализм правоприменителя и выбор наиболее целесообразного варианта решения.

В Конституции РФ отведена целая глава (а именно – глава 3 «Федеративное устройство») [2] для определения круга компетенций, которыми наделяется государство и субъекты федерации для разрешения различного рода вопросов, в том числе и социально-экономических. А главы Конституции РФ с 4 по 7 включительно (ст. 83, ст. 102, ст. 103, ст. 114, ст. 125, ст. 126) отражают предметы ведения органов государственной власти с позиций властной горизонтали.

Выделим наиболее часто встречаются противоречия, возникающие между органами власти и должностными лицами при решении социально-экономических проблем: 1) выход отдельных органов власти за пределы своих полномочий; 2) вторжение субъектов Российской Федерации в сферу ис-

ключительного ведения Российской Федерации; 3) несогласованность действий государственных органов и должностных лиц; 4) уклонение органа власти от осуществления собственной компетенции; 5) игнорирование компетенции другого органа власти при решении вопроса совместного ведения.

В итоге наблюдаемые противоречия приводят к ограничению обозначенных конституционных прав и свобод граждан, из-за чего появляются различные экономические проблемы и возрастает социальная напряженность.

Вторжение органов государственной власти в компетенцию друг друга является первопричиной конституционных споров, разрешаемых Конституционным Судом РФ. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» обязывает Конституционный Суд РФ рассматривать споры между органами государственной власти о компетенции.

Так, Конституционный Суд, интерпретируя конституционные нормы, в Постановлении от 3 ноября 1997 года №15-П отметил, что если субъект Федерации не принял закона по вопросу, отнесенному к его компетенции федеральным законодателем, то федеральный законодатель в случае необходимости сам может осуществить правовое регулирование в этой сфере. В таком случае регулирование посредством федерального закона будет осуществлено в целях реализации соответствующих конституционных положений и в соответствии с закрепленным Конституцией принципом о ее высшей юридической силе, прямом действии и применении на всей территории РФ [3]. Отметим, что названная позиция Суда направлена на недопущение возникновения законодательных пробелов.

С позиций теории права Н. И. Матузов одним из способов преодоления коллизий в обозначенной сфере называет переговорный процесс [4, с. 35]. Ю. А. Тихомиров – использование юрисдикционных полномочий исполнительными и судебными органами [5, с. 216].

Таким образом, регулирование экономики и социальной сферы может быть эффективным только при наличии сильной государственной власти, выступающей основой для реализации стратегии экономического и социального развития.

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и образование»: ООО «Издательство Оникс», 2014. – 1376 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 ноября 1997 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 ноября 1996 года «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» в связи с запросом Тульского областного суда» // СПС «Гарант» (дата обращения: 23.01.2017).
4. Матузов Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы их разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 29-35.
5. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: Учеб. и науч.-практ. пособие. М., 2005. – 307 с.

РОЛЬ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РФ

Коломацкая Е.И.

студентка Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В рамках данной статьи рассматривается такой проблемный вопрос как влияние решений Европейского суда по правам человека на современное уголовное судопроизводство в Российской Федерации. Кроме того, тщательному анализу подвергаются постановления, принимаемые указанным судом и возможность их включения в систему уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, права человека, решение суда.

Европейский суд по правам человека является международным судебным органом, чья юрисдикция распространяется на все государства, которые являются членами Совета Европы, ратифицировали Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, и включает все вопросы, относящиеся к толкованию и применению Конвенции, включая межгосударственные дела и жалобы отдельных лиц.

Необходимо начать с того, что еще в советский период преобладало мнение о том, что судебная практика не может рассматриваться в качестве источника уголовно-процессуального права. На сегодняшний день существует точка зрения, в соответствии с которой уголовно-процессуальное законодательство полностью воплощено в Уголовно-процессуальном кодексе, который, в свою очередь, является единственным и исключительным источником российского уголовно-процессуального права».

Отметим, что Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» ч. 3 ст. 6 закрепляет, что «обязательность на территории РФ постановлений судов иностранных государств, международных судов и арбитражей определяется международными договорами РФ» [1]. Однако указанный принцип не нашел своего фактического отражения в уголовно-процессуальном законодательстве, так как в УПК РФ отсутствуют нормы, которые регламентируют обязательность исполнения актов международных судов. Кроме того, детальный анализ норм Уголовно-процессуального закона дает нам основание утверждать, что отсутствует единый подход к закреплению на законодательном уровне последствий вынесения решения отдельными международными организациями, хотя подобный подход представляется нам вполне разумным и логичным [2, с. 26].

Более того, отметим, что в соответствии со ст. 413 УПК РФ, одним из оснований возобновления производства по конкретному уголовному делу в связи с открытием новых обстоятельств, являются вынесенные постановления ЕСПЧ. Таким образом, мы можем утверждать, что действующий УПК РФ отразил в своих нормах одно из последствий вынесения постановлений ЕСПЧ, а также процедуру в случае возобновления производства по уголовному делу, однако не регламентирует деятельность уполномоченных властных структур по приведению отечественного законодательства в соответствии с постановлениями ЕСПЧ, так как последние не могут рассматриваться в качестве источников российского права. На наш взгляд, это обусловлено тем, что в России континентальная правовая система, которая не признает прецедент в качестве источника права. Однако на сегодняшний момент, появилось множество работ ученых-юристов, которые отстаивают точку зрения, в соответствии с которой правило поведения, носящее общеобязательный характер, может содержаться в постановлениях судов национального и международного уровня. Кроме того, П.В. Волосюк на основании проведенного исследования справедливо утверждает, что только 12% судей указывают, что единственным источником уголовно-процессуального права является УПК РФ, а вот оставшиеся 88% полагают, что решения международного суда следует рассматривать в качестве одного из источников права наряду с международно-правовыми стандартами [3, с. 12].

Помимо прочего, мы полагаем, что интеграция решений Европейского суда в систему источников права обусловлена и тем, что в ходе толкования норм Конвенции и Протоколов к ней, ЕСПЧ формирует специфическую норму – норму толкования, которая носит общеобязательный характер для всех субъектов, которые применяют нормы Конвенции в сфере уголовно-процессуального законодательства.

Также свою позицию мы можем подкрепить и тем, что итоговое решение ЕСПЧ, которое принимается по каждому конкретному делу, включает в себя существенное количество информации фактического и аргументационного характера. При этом ориентиром для правоприменителя выступает не полный текст данного документа, а только его правовая позиция, которая, собственно, и выступает в качестве правового вывода решения. Более того, формируемая ЕСПЧ норма толкования, а равно правовая позиция, которая содержится в ней, дает не только правильное понимание Конвенции, но также способствует уяснению содержания оценочных признаков, которые содержатся в нормах уголовно-процессуального законодательства нашего государства [4, с. 31]. При этом мы не можем не отметить, что решения Европейского суда по правам человека обладают материально-правовым значением при применении УПК РФ, а материально-правовой характер решений суда заключается в обязанности российского правоприменителя неукоснительно их соблюдать.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем утверждать, что решения Европейского суда по правам человека имеют существенное значение для уголовно-процессуального права России. Связываем мы это с тем, что в данных

постановлениях отражаются основные постулаты норм международного права, в соответствии с которыми выстраивается и система российского законодательства. Однако, с другой стороны, решение Европейского суда есть не что иное, как судебный прецедент, который в соответствии с классической правовой доктриной не может рассматриваться в качестве источника отечественного права стран романо-германской правовой семьи.

Впрочем, мы придерживаемся позиции, согласно которой постановления Европейского суда следует рассматривать в качестве источника права, который оказывает существенное влияние на уголовно-процессуальное право РФ. Однако мы не можем не отметить, что необходим определенный судебный механизм имплементации и соответствующий ему инструментарий, который позволит рационально применять правовые позиции ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве нашего государства. При этом мы полагаем, что он должен исходить из того, что решение задач достижения единообразия судебной практики, а также ее соответствия правовым стандартам международного сообщества, должно быть конституционно возложено на высшие судебные инстанции РФ.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. 6 января.
2. Ананиев А.Х. Применение судами общей юрисдикции в уголовном судопроизводстве постановлений Европейского суда по правам человека // Общество: политика, экономика, право. – 2013. – № 3. – С. 24-29.
3. Волосюк П.В. Место и значение судебной практики в уголовном праве России // Юрист. – 2014. – № 1. – С. 10-17.
4. Шестакова Л.А. Правовой анализ практики Европейского суда по правам человека в уголовном судопроизводстве РФ // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 30-35.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Кошкина В.В.

преподаватель кафедры специальных дисциплин,
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России, Россия, г. Владивосток

В статье отражена нормативная база, регламентирующая борьбу с коррупцией в Российской Федерации и, в частности, в Приморском крае; приведены примеры возбужденных уголовных дел, связанных с противоправными действиями должностных лиц, которые нанесли ущерб бюджету Приморского края. Используемые в статье данные подтверждаются статистическим материалом, выборка которого производилась с официальных сайтов уполномоченных на это органов за период 2014-2016 гг.

Ключевые слова: коррупция, хищение, бюджет, должностное лицо, уголовное дело.

На основании Указа Президента В. Путина от 01.04.2016 №147 был утверждён Национальный план противодействия коррупции на 2016-2017 го-

ды. Одним из важнейших направлений которого является повышение эффективности противодействия коррупции на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации [9].

В соответствии со ст.1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [10], такое противодействие включает в себя деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц, в пределах их полномочий, по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений, а также сведение к минимуму или ликвидацию последствий от таких правонарушений.

Согласно Указания Генеральной прокуратуры РФ №744/11 и Министерства внутренних дел РФ (№3) [8] хищения, совершаемые должностными лицами, отнесены к числу коррупционных преступлений. Соответственно, пресечение и предупреждение таких противоправных деяний так же должно способствовать снижению уровня коррупции в государстве.

В рамках реализации ст.36 Конвенции ООН против коррупции в августе 2007 года в Генеральной прокуратуре Российской Федерации было создано специализированное подразделение по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Такое же подразделение создано и при прокуратуре Приморского края, сотрудники которого, осуществляя свою деятельность руководствуются в том числе и Законом Приморского края от 10.03.2009 года №387-КЗ «О противодействии коррупции в Приморском крае».

Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации на период августа 2016 г. в Приморском крае зарегистрировано всего 27 396 преступлений [2]. При осуществлении надзора за исполнением антикоррупционного законодательства органами прокуратуры Приморского края выявлено 7 тысяч 654 нарушения, что на 13% больше, чем в аналогичном периоде 2015 года. По результатам надзорных мероприятий в указанной сфере к дисциплинарной ответственности привлечена 1 тысяча 016 должностных лиц, по материалам прокурорских проверок органами предварительного расследования возбуждено 22 уголовных дела. В первом полугодии 2016 года по преступлениям коррупционной направленности в суды направлено 114 уголовных дел в отношении 121 обвиняемого. Сумма ущерба, причинённого данными преступлениями составила 514 миллионов 501 тысяча рублей [1].

26 июля 2016 года в Приморском крае прошло расширенное заседание коллегии краевой прокуратуры, на котором особое внимание было уделено теме противодействия коррупции. Участники мероприятия обсудили итоги работы прокуратуры за шесть месяцев 2016 года и задачи по повышению эффективности прокурорской деятельности во втором полугодии текущего года.

Губернатор Приморского края Владимир Миклушевский, присутствовавший на данном заседании, отметил, что в последние годы в Приморье в

сфере противодействия коррупции «сделано немало – лишены должностей и арестованы сразу несколько высокопоставленных краевых и муниципальных чиновников. Необходимо и дальше жестко пресекать факты коррупции. Следует исключить возможности для любых злоупотреблений». Кроме того, губернатор отметил, что особое значение приобретает предотвращение преступлений в сфере экономики. В расширенном заседании принимал участие прокурор Приморского края Сергей Бессчастный, который обозначил, что активизация прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции уже обеспечила выявление в крае с начала года свыше 7,5 тысяч нарушений закона. Более половины из них – факты несоблюдения установленных ограничений, запретов и обязанностей. «К различным видам ответственности привлечено более 1 100 должностных лиц, по материалам надзорных проверок возбуждены 22 уголовных дела» [7].

Интересный факт: за месяц до проведения коллегии, 03.06.2016 г. был задержан мэр г. Владивостока Приморского края Игорь Пушкарёв, которому было предъявлено обвинение по факту злоупотребления должностным положением и коммерческом подкупе. Ущерб, нанесенный Пушкаревым бюджету, оценивается следствием в 160 миллионов рублей [5]. На сегодняшний день в Москве ведётся предварительное расследование по данному факту.

К числу коррупционных преступлений, согласно вышеупомянутого списка, относится преступление, предусмотренное ст. 160 УК РФ. Противоправные деяния подобного рода также совершаются в Приморском крае лицами, занимающими высокое должностное положение.

Так, прокурор Приморского края утвердил обвинительное заключение по уголовному делу в отношении бывшего председателя Контрольно-счетной палаты г. Владивостока. Она обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.160 УК РФ (присвоение, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершенное группой лиц по предварительному сговору с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере).

Как полагают следователи следственного отдела Управления ФСБ России по Приморскому краю, которые осуществляли расследование, обвиняемая, занимая должность председателя Контрольно-счетной палаты г. Владивостока, с использованием своего служебного положения, с февраля 2013 года по январь 2015 года по предварительному сговору с главным бухгалтером Контрольно-счетной палаты г.Владивостока, похитила денежные средства, предусмотренные в бюджете города на содержание Контрольно-счетной палаты г.Владивостока. Ущерб превысил 1,8 млн. рублей. Кроме того, ранее, Ленинский районный суд г. Владивостока удовлетворил гражданский иск Контрольно-счетной палаты г.Владивостока о взыскании с фигурантки более 1 млн. рублей (800 тыс. рублей были возвращены злоумышленницей на лицевой счет Контрольно-счетной палаты г. Владивостока) [3].

Необходимо отметить, что преступления коррупционной направленности, в том числе хищения, совершённые должностными лицами, имели место быть в Приморском крае и в 2014-2015 годах. Так, к уголовным делам,

имевших большой общественный резонанс, относится факт коммерческого подкупа в особо крупных размерах должностных лиц ОАО «Дальневосточная энергетическая управляющая компания»; случаи манипуляции с земельными участками глав Надеждинского, Пограничного и Ольгинского районов. Последнему в 2014 году вынесен приговор по статье «Покушение на мошенничество, совершённое с использованием служебного положения».

Часты случаи, когда коррупционные преступления совершаются посредством использования различных преступных схем, как финансовых, так и правовых, в которых зачастую применяются подложные документы. В случаях совершения подобных преступлений в соучастии, непосредственной задачей сотрудников, расследующих такие противоправные деяния, является сбор доказательственной базы, подтверждающей вину каждого участника преступной группировки. Однако, при правильном и грамотном планировании расследования, положительные результаты не заставят себя ждать. Так, в 2015 году был вынесен приговор заместителю директора федерального унитарного предприятия «Ремонтно-строительное управление» (далее ФГУП «РСУ») Дмитрию Мингалёву. Он был привлечён к ответственности по ч.3 ст.204 УК РФ (коммерческий подкуп). В ходе расследования уголовного дела было установлено, что в апреле 2015 года заместитель директора по общим вопросам Владимир Никитин предложил Мингалёву получать на постоянной основе от представителей субподрядных организаций денежные средства за оказание содействия в заключении между ними и ФГУП «РСУ» договоров на выполнение строительных работ на территории НОК «Приморский океанариум» Мингалев сообщил о своих возможностях в виде содействия в заключении договора генеральному директору будущей субподрядной организации, которая должна была выполнить строительно-монтажные работы по озеленению и благоустройству территории указанного объекта и попросил за это 10% от общей суммы договора. После заключения договора со счета ФГУП "РСУ" перечислен аванс в размере 33 млн. рублей, а обвиняемому передано почти 2 млн. рублей, являющихся частью предназначенных денежных средств в сумме 5 млн. рублей. Деньги фигуранты поделили между собой. Суд назначил Мингалеву наказание в виде 2,5 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, назначен также штраф в размере 10 млн. рублей. Уголовное дело в отношении второго фигуранта Владимира Никитина выделено в отдельное производство. Для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа, других имущественных взысканий и возможной конфискации имущества на имущество Мингалева наложен арест на общую сумму – 305 730 рублей, на имущество Никитина – на общую сумму 11 485 000 рублей [11].

Аналогичными примерами, раскрывающими виртуозные преступные схемы, в которых непосредственное участие принимали должностные лица являются уголовные дела, возбужденные в отношении: генерального директора ЗАО «Тихоокеанская мостостроительная компания» Игоря Нестеренко, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество), который, с сентября по декабрь 2015 года по указанию

одного из членов совета директоров и совместно и согласованно с другими лицами похитил принадлежащие компании денежные средства в сумме 108 млн. рублей; в отношении заместителя начальника отдела карантина и растений и качества зерна Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Приморскому краю и Сахалинской области и директора филиала ФГУБУ «ВНИИКР», обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки в крупном размере). По версии следствия, с сентября по декабрь 2014 года обвиняемые вступили в преступный сговор и получили от предпринимателя часть взятки в размере 260 тысяч рублей от ранее оговоренной суммы в размере 2, 5 млн. рублей за совершение в пользу предприятия, которое возглавлял предприниматель действий по обеспечению выдачи заключений и сертификатов о карантинном фитосанитарном состоянии зерна (кукуруза) [11].

К числу основных функций специализированных подразделений органов прокуратуры по противодействию коррупции отнесены поддержание государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности и координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией [4]. Вышеперечисленные примеры из практики, на наш взгляд, подтверждают положительную совместную работу сотрудников органов прокуратуры и правоохранительных структур в Приморском крае в борьбе с таким негативным явлением, как коррупция среди должностных лиц.

Хочется надеется, что столь активное противодействие коррупции на уровне субъекта Российской Федерации, будет способствовать снижению уровня коррупции в дальнейшем во всём государстве, что в конечном итоге приблизит Россию к Дании, Финляндии и Швеции, которые, по данным опубликованным на сайте антикоррупционной международной организации Transparency International, занимают лидирующие места в рейтинге стран с самым низким уровнем коррупции. В 2015 году, согласно данного рейтинга, Россия получила 29 баллов из 100 возможных. По уровню коррупции наша страна находится рядом с Азербайджаном, Сьерра-Леоне и Гайаной. При этом по сравнению с 2014 годом российские показатели улучшились на 17 позиций – в предыдущей версии рейтинга Россия занимала 136 место [6]. Для сравнения, в 2007 году (за год до принятия Федерального закона «О противодействии коррупции») Россия была на 143 месте.

Список литературы

1. О результатах надзорной деятельности органов прокуратуры Приморского края за первое полугодие 2016 года. [Электронный документ]-Режим доступа: <http://prosecutor.ru/news/2016-08-08-o-rezultatah-nadzornoj.htm> (дата обращения 13.11.2016).
2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры. [Электронный документ]-Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения 11.11.2016).
3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры [Электронный документ]-Режим доступа: <http://www.gprfdfo.ru/news/17656/> (дата обращения 13.11.2016).
4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры. [Электронный документ]- Ре-

жим доступа: <http://genproc.gov.ru/anticor/> (дата обращения 13.11.2016).

5. Причину ареста мэра Владивостока нашли в полуразрушенном подвале [Электронный документ]-Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2016/06/07/prichinu-aresta-mera-vladivostoka-nashli-v-polurazrushennom-podvale.html> (дата обращения 13.11.2016).

6. Россия заняла 119 место в мире по уровню коррупции [Электронный документ]- Режим доступа: <http://krsk.sibnovosti.ru/society/318510-rossiya-zanyala-119-mesto-v-mire-po-urovnyu-korrupsii> (дата обращения 14.11.2016).

7. Свыше 7,5 тысяч коррупционных преступлений выявлено в Приморье с начала года [Электронный документ]-Режим доступа: <http://www.primorsky.ru/news/115011/> (дата обращения 13.11.2016).

8. Указание Генеральной прокуратуры РФ (№744/11) и Министерства внутренних дел РФ (№3) от 31 декабря 2014 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса РФ, используемых при формировании статистической отчетности». [Электронный документ]-Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194110/1ff26a26ef4e0493e7fdd0c911461e97ca14695f/; ст. 10 Постановления Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2008 года №31-20 «О новой редакции модельного закона «О противодействии коррупции». [Электронный документ]-Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/> (дата обращения 11.11.2016).

9. Указ Президента РФ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // Послание Федеральному Собранию Российской Федерации//Российская газета, 2008.11.06

10. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изменениями от 03.07.2016 г.). [Электронный документ]-Режим доступа: <http://base.garant.ru/12164203/#friends>. (дата обращения 11.11.2016).

11. [Электронный документ]- Режим доступа: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=5203&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more5203> (дата обращения 13.11.2016).

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Кривошеева О.А.

студентка 4 курса юридического факультета,
ЧОУ ВО Южный институт менеджмента, Россия, г. Краснодар

Хилаенко А.Е.

студентка 1 курса юридического факультета,
ЧОУ ВО Южный институт менеджмента, Россия, г. Краснодар

В статье проанализированы понятие коррупции, ее причины, формы и условия развития, а также меры борьбы с ней.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, мздоимство, лихоимство, злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп.

Преступность как социальный феномен имеет очевидные исторические корни, ее рост обусловлен кризисными явлениями в экономике и социальной сфере, а сращивание преступных элементов с должностными лицами приво-

дит к коррупции. В Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в качестве одной из основных угроз государственной и общественной безопасности названа коррупция.

Актуальность изучения коррупции определяется необходимостью выявления причин, условий и форм этого явления, повышения эффективности мер борьбы с ней. С актуализацией проблемы российской коррупции появилось огромное количество публикаций разоблачительного характера.

Исторически наиболее раннее упоминание о коррупции, «поразившей» государственную службу, можно обнаружить в архивах Древнего Вавилона, сформировавшихся, порядка 4500 лет назад. Термин «коррупция» применительно к социальному его значению начинает употребляться значительно позже – в античный период [1].

Первое упоминание о незаконном вознаграждении – «посуле» в законодательстве Руси, к Двинской уставной грамоте (1397-1398 гг.) и Псковской Судной грамоте 1397 г. в которой понятие посула начинает употребляться в смысле взятки. Так, например, ст. 4 Псковской Судной грамоты гласила: «А князь и посадник на вече суду не судять, судити им у князя на сенех, взирая в правду по крестному целованью. А не всудят в правду, ино Бог буди им судиа на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику».

Оценку взяточничества как препятствия развитию страны исследователи относят к временам Петра I. Причиной тому послужила существовавшая до середины XVIII века система, предусматривающая кормление чиновников от дел. Жалование должностным лицам не выплачивалось, просители из своего кармана платили за их услуги. Екатерина II в 1764 году предприняла попытку ввести жалованье, но из-за колоссальной инфляции оно вскоре превратилось в символическую величину. Повысить его государство не имело средств и опять стало снисходительно смотреть на взятки. То есть взятка, в сущности, заменяла оплату труда. В результате только после Великих реформ 1860-х уровень коррумпированности российского чиновничества начал понижаться.

Однако традиция «благодарить» чиновника сохранялась долго поддерживаемая самим населением. Она перешла в XX век, а потом в XXI, распространилась на все эшелоны власти, но в несколько иной форме. В советский период и позднее административный ресурс рассматривается как персональным капитал чиновника, который должен приносить дивиденды.

С 1970-х годов коррупция стала приобретать системный, институциональный характер [2] и явилась одной из причин краха советского режима. В перестроечный период ситуация в сфере коррупции существенно не изменилась, доходы госчиновников оставались довольно скромными, но при этом без их благоволения заниматься бизнесом было практически невозможным. Во время проведения приватизации возникли особенно богатые возможности для злоупотреблений, возросла интенсивность вымогательства, которое при-

обретает децентрализованный характер. Вследствие чего, развитие постсоветского бизнеса приобрело очень уродливый характер [3].

В начале 2000-х годов правительство РФ начинает предпринимать меры по ограничению коррупции, однако, ввиду широкого размаха этого явления, существенно снизить ее уровень не удалось.

Коррупция (от лат. *corrumpere* – «растлевать») – неюридический термин, которым обозначают обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству. Соответствующий термин в европейских языках обычно имеет более широкое значение. При всем разнообразии толкований рассматриваемого термина, большинство исследователей отмечают характерный признак коррупции: конфликт между действиями должностного лица и интересами его работодателя либо конфликт между действиями выборного лица и интересами общества. Так или иначе, коррупции может быть подвержен человек, обладающий властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению. Главный стимул к коррупции – это возможность получения экономической прибыли, связанной с использованием властных полномочий, а главный сдерживающий фактор – риск разоблачения и наказания.

Наиболее простое определение коррупции – подкупаемость и продажность государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще [4]. Существуют и другие определения этого понятия. Одно из последних нашло свое отражение в Федеральном законе от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О противодействии коррупции» который определяет коррупцию как:

а) «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица» [5].

Существует огромное разнообразие форм коррупции. Однако, многие из них не находят своего отражения в уголовном законодательстве, но, тем не менее, осуждаемы общественной моралью или религиями.

Исторически формами коррупции в российском праве признавались мздоимство – получение в нарушение установленного законом порядка лицом, состоявшим на государственной или общественной службе, каких-либо благ за совершение законных действий (бездействия) по службе и лихоимство – получение тем же лицом каких-либо благ за совершение по службе незаконных действий (бездействия). Мздоимство и лихоимство могут проявляться на всех уровнях системы власти, при этом суммы и масштабы могут бесконечно варьироваться.

Коррупция нередко выражается, с одной стороны, в использовании служащим своего статуса для получения незаконных преимуществ (продажность), а с другой в предоставлении последнему таких преимуществ. Исходя из оценки степени общественной опасности, доминирует продажность. Примером этических нарушений может служить совершение государственным служащим действий, которые отрицательно влияющих на общественное мнение о законности на государственной службе, хотя прямо и не запрещены законом или иным нормативным актом (присутствие на банкетах, устраиваемых контролируруемыми организациями; публичное неделовое общение с людьми, судимыми за корыстные преступления; отдых госслужащего или членов его семьи в апартаментах, стоимость которых несопоставима с размером жалования). Среди коррупционных правонарушений обычно выделяются четыре вида: гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки, административные правонарушения и преступления. К сожалению, часть коррупционных проявлений не воспринимается национальным общественным сознанием как неэтичное поведение.

Список литературы

1. Псковская Судная грамота. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 332, 337.
2. Райсман В.М. Скрытая ложь. Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988. С. 13.
3. Сатаров Г.С., Пархоменко С.А. Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований). М., 2001. С. 45.
4. Словарь иностранных слов. М., 1954. С. 369.
5. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/

ГИПНОЗ КАК СПОСОБ ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Кругликова Д.А.

студентка группы ЮБ03/1503 2 курса юридического факультета,
Ростовский филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается проблема привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление под воздействием гипноза. Автор полагает, что гипноз следует рассматривать как вид психического принуждения, при использовании его для совершения преступления. Предлагается создать механизм регламентации гипноза посредством принятия соответствующего закона, регламентирующего данный вид деятельности, а также включения в УК РФ положений, позволяющих рассматривать гипноз как вид психического принуждения.

Ключевые слова: гипноз, психическое принуждение, основание уголовной ответственности, психофизиология.

На протяжении всего существования человечества гипноз вызывал достаточно противоречивую оценку, поскольку в большинстве случаев становился своеобразным способом ограничения свободы воли других лиц.

На сегодняшний день в Российской Федерации права на свободу воли, мысли, слова и личную неприкосновенность закрепляется во второй главе Конституции РФ – главном и основополагающем документе страны. Отсюда вытекает следующее: во-первых, обеспечение соблюдения данных прав является одной из первоочередных задач, заложенных в основах конституционного строя. А во-вторых, в соответствии с этим законом должны быть приняты нормативные правовые акты, предусматривающие возможность выполнения данной функции.

Примечателен тот факт, что в нашей стране до сих пор нет официального документа, регламентирующего данный вид деятельности – то есть применение гипноза. Это ведет к отсутствию контроля со стороны государства за людьми, которые его практикуют. Помимо всего прочего, с каждым годом намечается тенденция увеличения заинтересованности общества в гипнологии: выпускается большое количество книг, программ, открываются курсы. Все вышеперечисленные обстоятельства, как это ни парадоксально, порождают случаи использования гипноза в преступных целях. К тому же правоохранительные органы Российской Федерации, сталкиваясь с преступлениями, совершенными с применением гипноза, в большинстве случаев допускают ошибки при квалификации деяний, что отчасти связано с незнанием психофизиологической природы рассматриваемого способа совершения преступления, а также, как говорилось ранее, с отсутствием должной нормативно-правовой базой.

В Российском уголовном законодательстве не говорится о гипнозе, но есть такая дефиниция, как «психическое принуждение». Тем не менее, перечисленные термины не являются тождественными. Обращаясь к статье 40 УК РФ, становится понятно, что законодатель не рассматривает психическое принуждение как безусловное обстоятельство, исключающее преступность деяния [3, с. 302]. Если провести сравнение между психическим принуждением и физическим, то можно увидеть четкие критерии разграничения. Считается, что только в случае непреодолимого физического принуждения человек не может руководить своими действиями, что нельзя сказать о психическом принуждении, которое всегда признается преодолимым. Отсылая во 2 части статьи 40 УК РФ к нормам, закрепленным в статье 39, законодатель указывает, что при совершении общественно опасного деяния, лицо должно соотносить степень крайней необходимости. Но разве он способен на это, находясь под гипнозом? Для того чтобы уяснить данный момент, необходимо обратиться к исследованиям в этой области знаний.

Во многих научных работах по психологии, понятие гипноза раскрывается следующим образом: «Гипноз – это вид психического принуждения, в результате которого происходит введение человека в состояние глубоко транса при помощи другого лица» [2, с. 11]. Считается, что во время пребывания человека в гипнотическом трансе существенно снижается контроль сознания, именно поэтому он способен делать то, что в обыденной жизни не позволил бы себе совершить.

Познания в области гипнологии позволяют гипнотизёрам манипулировать людьми в своих интересах. Они могут использовать данный вид психи-

ческого принуждения для осуществления общественно-опасного деяния, запрещенного УК, пользуясь беспомощным состоянием лица. Данную ситуацию можно проиллюстрировать рядом примеров. Так, известен случай, произошедший в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Ростовской области несколько лет назад. Один из работников, прошедших аттестацию, а, следовательно, ознакомленный с методикой мер собственной безопасности, подвергся психическому принуждению со стороны одного из подследственных, и был вынужден открыть дверь, вследствие чего произошел его захват, и в рядах нарушителей закона поднялся небольшой бунт. После его успешного подавления, виновному было предъявлено обвинение в захвате заложника и покушение на побег. В обвинительном заключении ничего не сказано об ответственности за использование гипнотического воздействия на работника следственного изолятора, и это не случайно, т.к. в УК нет за это ответственности, т.е. виновный несет ответственность только за захват заложника. Полагаем, что данный вид психического принуждения следует признать обстоятельством отягчающим наказание.

Также можно рассказать о случае, произошедшем в ноябре 2001 года в Нижнем Новгороде, где из банка в обеденный перерыв пропало 100 тысяч долларов США. Нападения на банк не происходило. Следов взлома в хранилище не было обнаружено. Внимание правоохранительных органов привлекло поведение кассира И., которая была задержана. При проведении следственных действий ее поведение все еще оставалось подозрительным. Психиатры-криминалисты пришли к заключению, что ее поведение является следствием сильнейшего гипнотического воздействия, а также было установлено, что И. сама взяла из хранилища пачку денег, которую впоследствии передала своему сожителю Б. Суд признал вину И. в совершении кражи. Б. к уголовной ответственности привлечен не был [1, с. 60-62].

Известно, что основанием уголовной ответственности является лишь волевое поведение человека, когда он свободен в выборе принимаемых решений. В нашем случае, если снова проводить аналогию с физическим принуждением, очевидно, что К. не могла руководить своими действиями, поэтому здесь отсутствует деяние в уголовно-правовом смысле как обязательный признак объективной стороны состава преступления.

С учетом изложенного, считаем возможным предложить законодателю ч. 1 ст. 40 УК РФ изложить в следующей редакции: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического или такого вида психического принуждения как гипноз, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)».

При этом необходимо также сказать, что осуществить преступление можно не только в отношении загипнотизированного лица, но и внушить ему самому, совершить то или иное деяние, в том числе преступное, не опасаясь при этом разоблачения. Это связано с тем, что почти всегда люди не помнят, что находились в состоянии транса, то есть происходит некоторая потеря памяти. Так, сравнительно недавно, К., прогуливалась в г. Ростове-на-Дону по

пр. Ворошиловскому, к ней подошел незнакомый человек. Последнее, что запомнила К., как передавала все наличные из кошелька в руки мошенника. Ни лица гипнотизера, ни того, что он от нее хотел, она не помнит. Обратиться в правоохранительные органы она не решилась, так как боялась, что ей не поверят. А это только один из немногих случаев, которые происходят, но не находят своего фактического решения. Если государство и дальше продолжит это игнорировать, то вскоре количество неправомерных действий, осуществляемых таким образом, возрастет.

Для решения данной проблемы предлагается разработать также закон «О применении гипноза», который бы регламентировал данный вид деятельности. Под этим подразумевается необходимость создания специального реестра, который бы вел учет людей, специализирующихся в области введения лиц в состояние гипнотического транса.

Кроме того, нужно обратить внимание на совершенствование проведения психолого-психиатрической экспертизы, поскольку именно по ее результатам будет решаться дальнейшая судьба человека, а именно вопрос о том, находился ли он под гипнозом или нет в момент совершения преступления.

Список литературы

1. Бархатова Е.Н. Особенности квалификации преступлений против собственности, совершаемых с применением гипноза к потерпевшему // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №3 (54) С. 60-62.
2. Векленко Сергей Владимирович, Петров Станислав Анатольевич Внушение при гипнозе как средство мошеннического обмана // Вестник ВИ МВД России. 2011. №1 С. 10-13.
3. Уголовное право: учебник для бакалавров: в 2 т. Т. 1. Общая часть / тв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2013. 587 с.

УЧЕТ ГЕНДЕРНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Макаренко В.С.

курсант, Дальневосточный юридический институт МВД России,
Россия, г. Хабаровск

В статье автором рассматриваются гендерные признаки и их учет при дифференциации назначения наказания. Проведен анализ статей Общей части УК РФ в части гендерного подхода при назначении различных видов наказания. По мнению автора, российское уголовное законодательство не имеет системного и единообразного гендерного подхода при назначении уголовных наказаний.

Ключевые слова: гендерные признаки, дифференциация назначения наказания, социально-ролевой и физиологический статус, дополнительные привилегии, уголовное законодательство.

Учет гендерных признаков при дифференциации назначения наказания в российском уголовном законодательстве на современном этапе представля-

ет собой объективную необходимость. Тем не менее, специальный гендерный метод, который бы включал разработанные наукой критерии, на практике отсутствует.

При детальном анализе конструирования российских норм уголовного законодательства обнаруживается определенная двойственность гендерного подхода: с одной точки зрения, например, женщина, имеет привилегированное положение ввиду половой принадлежности, с другой – по отношению к женщине устанавливаются дополнительные привилегии, льготы ввиду ее социально-ролевого и физиологического статуса (например, если женщина беременна или является матерью малолетнего ребенка и т.п.), и, наконец, женщина вообще может не входить в круг субъектов уголовной ответственности. Однако заметим, что гендерный подход не должен быть ограничен исключительно вопросами женской преступности.

Анализ норм Общей части УК РФ показывает, что российский законодатель (в отличие от зарубежных) уделяет достаточно большое внимание дифференцированию ответственности и наказания лиц, совершивших преступления, исходя из гендерных особенностей. Например, в ст. 49 УК РФ «Обязательные работы», ст. 50 УК РФ «Исправительные работы» закрепляется, что данные виды наказания не применяются к беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 3-х лет. Также арест (ч. 2 ст. 54 УК РФ) нельзя назначать беременным женщинам и женщинам, имеющим детей до 14 лет.

Ярким примером применения гендерного подхода при назначении наказания является то, что законодатель прямо запрещает назначать женщинам в любом возрасте пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 57 УК РФ) и смертную казнь (ч. 2 ст. 59 УК РФ), а в случае мужчин эти правила действуют только после достижения ими 65-летнего возраста.

Такая позиция законодателя представляется спорной.

Так, например, И.С. Семенова считает, что в данном случае присутствует гендерное неравенство, которое нельзя оправдать гуманным отношением уголовного закона к женщине [3, с. 10]. Е.Ю. Сергеева занимает иную позицию и утверждает, что существующий подход законодателя является исключительно «позитивной дискриминацией», поэтому подобная «гендерная асимметрия в уголовном законе должна быть сохранена» [4, с. 25].

Анализа со стороны гендерного подхода требует также ст. 82 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания». Отсрочка применяется к беременной женщине, женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, а также к мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем, до достижения ребенком 14 лет. Исключение составляют лица, осужденные к ограничению свободы; к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста; к лишению свободы на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности; к лишению свободы за преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и ч. 4 ст. 206, ч. 4

ст. 211, ст. 361 УК РФ, и сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ.

В данном случае можно наблюдать ярко выраженную гендерную асимметрию. Применение только к женщинам, совершившим преступление и имеющим детей до 14 лет, а также к мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем, отсрочки отбывания наказания трудно обосновать.

К.В. Дядюн, изучая указанную выше проблему, указывает, что «объяснить неравенство осужденных родителей в отношении малолетних детей можно исходя из риторической презумпции духовной связи ребенка с матерью, чем с отцом, а также с учетом российского менталитета, при котором подразумевается, что матери в свою очередь более привязаны к детям, чем отцы. Однако все вышеизложенное весьма спорно. Наиболее важно в рассматриваемом вопросе – это интересы ребенка, его привязанность к кому-либо из родителей. Более того, очень часто встречаются ситуации, когда мать ребенка формально не лишена родительских прав, но фактически не заботится о нем в отличие от отца или безвестно отсутствует (то есть фактически не выполняет обязанностей по воспитанию ребенка). То есть отец, самостоятельно осуществляет функции воспитания ребенка, фактически не являясь единственным родителем. Таким образом, в этом случае можно говорить о неоправданной дискриминации мужчин-отцов и игнорировании прав ребенка» [1, с. 43].

На наш взгляд, только условие осуществления ухода за ребенком исключительно одним родителем (матерью или отцом), а также отсутствия других близких родственников при ведении родителем добропорядочного, законопослушного образа жизни действительно требует применения отсрочки отбывания наказания по ч. 1 ст. 82 УК РФ.

Еще один пример использования гендерного подхода при назначении уголовного наказания – это наказания, назначаемые военнослужащим, как представляется в теории – только мужчинам. Однако следует учитывать, что в настоящее время службу в рядах российских вооруженных сил проходят не только мужчины, но и женщины. Ст. 51 УК РФ «Ограничение по военной службе» и ст. 55 УК РФ «Содержание в дисциплинарной воинской части» четко не регулирует данный вопрос.

Ограничение по военной службе применяется к осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту за совершение преступлений против военной службы и вместо исправительных работ. Содержание в дисциплинарной воинской части, в свою очередь, может быть назначено военнослужащим, проходящим военную службу по призыву и по контракту.

Субъекта, к которому применяются подобные воинские наказания, можно определить с помощью метода бланкетного толкования. Поэтому в данном случае стоит обратиться к положениям Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [5]. В ст. 22 указанного закона за-

креплено, что призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола (выделяются категории в зависимости от образования и т.д.).

Ст. 32-33 данного Закона содержат положения о поступлении на военную службу по контракту. В ч. 1 ст. 34 прямо закреплено, что контракт о прохождении военной службы вправе заключать «граждане женского пола, не пребывающие в запасе».

Таким образом, женщина признается равноправным субъектом военной службы, следовательно, на нее напрямую распространяются нормы об уголовной ответственности и наказании, которые были приведены чуть выше. В таком случае, нерешенной остается проблема направления военнотрудовой в дисциплинарную воинскую часть, поскольку это направление, очевидно, будет нарушать многие принципы уголовного правосудия, включая и международные (например, принцип раздельного содержания мужчин и женщин, принцип гуманизма и т.д.). На законодательном уровне для таких случаев следует предусмотреть применение к осужденным женского пола общегражданских видов наказания (например, исправительные работы, лишение свободы и т.д.), и отбывание этих видов наказаний в общей системе исправительных учреждений для женщин (ввиду отсутствия дисциплинарных воинских частей для женщин и экономии государственных средств для их создания).

Гендерный подход российского законодательства при назначении уголовного наказания прослеживается и в ст. 61 УК РФ, устанавливающей перечень обстоятельств, смягчающих наказание, где выделены следующие, основанные на гендерных особенностях виновного, обстоятельства – беременность или наличие малолетних детей. Как правило, суды применяют признак наличия малолетних детей в основном к женщинам, совершившим преступления, и крайне редко – к мужчинам.

Если говорить об отягчающих обстоятельствах, то в ст. 63 УК РФ среди отягчающих наказание обстоятельств указывается «совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица, либо лица, находящегося в зависимости от виновного» (п. «з» ч. 1. ст. 63 УК РФ). Как мы видим, положение беременной женщины в данном случае приравнено к статусу лица, находящегося в беспомощном состоянии, что, в общем, нельзя не признать справедливым [2, с. 198].

Гендерный подход в обыденном, бытовом понимании отождествляется, как правило, только с признаком половой принадлежности. Безусловно, наиболее часто в российском законодательстве в правовом регулировании общественных отношений гендерный признак используется именно как дифференцирование субъектов правоотношения (физических лиц) по половой принадлежности (так называемая, биологическая дифференциация). Однако биологический (физиологический) признак при реализации вопросов назначения наказания как в отношении осужденных женщин, так и мужчин, не должен считаться единственным признаком, положенным в основу гендерного подхода. Гораздо более важным признаком является социально-ролевой

статус субъекта преступления – это, например, беременность для женщин или единоличное воспитание малолетних детей (причем независимо женщиной или мужчиной осуществляется такое воспитание).

Российское уголовное законодательство не имеет системного и единообразного гендерного подхода при назначении уголовных наказаний, что приводит, в свою очередь, к нарушениям прав, свобод и законных интересов как потерпевших, так и осужденных лиц, а также дискриминации по признакам половой принадлежности.

Таким образом, нами рассмотрены положения Общей части УК РФ, в которых законодатель выделяет определенные гендерные особенности, главным образом, признак половой принадлежности и статус беременной женщины и женщины, имеющей малолетних детей.

Список литературы

1. Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: влияние на реализацию принципов равенства граждан перед законом, справедливости, гуманизма. Дис... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2009.
2. Рарог А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев, А.И. Рарог. – М.: Статут, 2013.
3. Семенова И.С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
4. Сергеева Е.Ю. Уголовная ответственность и наказание женщин по российскому уголовному праву: гендерный аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006.
5. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПРИ РЕЦИДИВЕ

Мамонова Ю.Ю.

магистрант 2 курса заочной формы обучения,
Российский государственный университет правосудия (Ростовский филиал),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье раскрывается понятие рецидива, его виды и признаки, анализируются вопросы, связанные с назначением наказания при рецидиве преступлений. Автор обращает внимание на положения ст. 68 УК в современной редакции и в первоначальной редакции, высказывает точку зрения о необходимости дифференциации наказания в зависимости от вида рецидива и возвращения к первоначальной редакции ст. 68 УК.

Ключевые слова: рецидив, назначение наказания, виды рецидива, дифференциация ответственности, принцип справедливости.

Современный Уголовный кодекс ввел такое понятие как «рецидив преступлений». В ст. 18 УК под рецидивом предлагается понимать совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. В УК РСФСР 1960 года уголовное законодательство использовало термин «рецидивист», а судебная практика шла по пути ужесточения наказания рецидивистам.

В зависимости от степени общественной опасности рецидив подразделяется на три вида: простой (ч. 1 ст. 18 УК РФ), опасный (ч. 2 ст. 18 УК РФ) и особо опасный (ч. 3 ст. 18 УК РФ). Законодатель устанавливает следующие критерии дифференциации рецидива на виды: 1) категория умышленных преступлений; 2) количество судимостей, связанных с реальным отбыванием наказания в виде лишения свободы. Чем более тяжкое умышленное преступление совершается, тем меньше судимостей требуется для признания рецидива опасным или особо опасным [1, с. 123].

Рецидив является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63, ст. 68 УК); учитывается при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (п.п. «в», «г» ч. 1, ч. 2 ст. 58 УК); учитывается при отмене условного осуждения (ч.ч. 4, 5 ст. 73 УК). Кроме того, его наличие может стать препятствием для освобождения от уголовной ответственности (ст.ст. 75, 76 УК РФ).

В теории уголовного права выделяют следующие признаки рецидива: «а) совершение лицом как минимум двух преступлений; б) наличие у лица неснятой либо непогашенной судимости за первое, ранее совершенное преступление; в) все эти преступления являются умышленными; г) первое преступление относится к категории средней тяжести, тяжких или особо тяжких; д) за все эти преступления лицу было назначено реальное лишение свободы; е) все эти преступления были совершены лицом в возрасте 18 лет или старше» [2, с. 158].

Закон требует усиления наказания при рецидиве преступлений. В первоначальной редакции УК РФ такое усиление наказания было весьма существенным и зависело от вида рецидива: при простом рецидиве наказание не могло быть менее половины от максимально возможного, при опасном – не менее 2/3, при особо опасном – не менее 3/4.

Однако в декабре 2003 г. в ст. 68 УК были внесены определенные изменения. Результатом таких изменений стало, то, что в настоящее время срок наказания, независимо от вида рецидива, не может быть менее 1/3 максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК (ч. 2 ст. 68 УК). Верховный Суд в п. 48 постановления № 58 пояснил: «Исходя из положений ч. 2 и 3 ст. 68 УК РФ наказание при рецидиве преступлений не может быть ниже низшего предела санкции соответствующей статьи, даже если одна третья часть максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, составляет менее минимального размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за конкретное преступление (например, за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 161 УК РФ, с учетом положений ч. 2 ст. 68 УК РФ не может быть назначено менее 6 лет лишения свободы – низшего предела этого вида наказания за данное преступление, хотя одна треть от максимального наказания за это преступление составляет 4 года)» [3].

В целом, оценивая современную редакцию ст. 68 УК, выскажем собственную позицию. По нашему мнению, введение положения об уравнительном подходе при определении минимального срока наказания независимо от вида рецидива (ч. 2 ст. 68 УК) противоречит принципу справедливости и индивидуализации наказания (ч. 3 ст. 60 УК). О том, что современное уголовное законодательство все чаще отходит от закрепленных в нем же принципов, уже неоднократно говорилось в научной литературе [4], [5]. Новая редакция ст. 68 УК сохранила существовавший ранее порядок расчета соответствующих долей от максимального срока наиболее строго вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, однако в свете в уставленного размера доли (не менее $1/3$), институт рецидива фактически утрачивает свое значение. Получается, что независимо от вида рецидива, правоприменитель отталкивается от одной границы – не менее $1/3$, т.е. вид рецидива никак не влияет на определение размера наказания, в то время, как опасный и особо опасный рецидив свидетельствуют о том, что осужденный не исправился и имеет стойкую асоциальную направленность личности. Особенности личности, в свою очередь, в соответствии с принципом справедливости, должны подлежать обязательному учету при назначении наказания.

Любое изменение закона предполагает цель его улучшения, повышения эффективности его отдельных норм и институтов. Изменения, внесенные в ст. 68 УК, вряд ли отвечают этим целям. Отказавшись от дифференциации ответственности за простой, опасный и особо опасный рецидив, и предоставив широкие полномочия судам в назначении наказания, законодатель подорвал практическую и теоретическую сущность принципа справедливости, а также сдал ранее занятые позиции в борьбе с рецидивной преступностью. В связи с чем предлагаем вернуться к первоначальной редакции ст. 68 УК, которая дифференцировала ответственность в зависимости от вида рецидива.

Список литературы

1. Уголовное право: учебник для бакалавров: в 2 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2013. 587 с.
2. Чугаев А.П., Веселов Е.Г. Назначение наказания. Научно-практическое пособие. М.: Изд-во: Юрлитинформ, 2008. 328 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
4. Подройкина И.А. Действие принципа равенства граждан перед законом применительно к институту наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 2 (21). С. 99-103.
5. Подройкина И.А. К вопросу о принципах уголовного наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 12 (55). С. 74-77.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Охотников И.С.

аспирант кафедры гражданского права,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Россия, г. Москва

В настоящей статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации права на возмещение вреда, причинённого при оказании медицинских услуг в Соединённых Штатах Америки. Также в настоящей статье анализируется феномен «перестраховочной медицины» под углом влияния права на экономику и попытки, принятые для разрешения проблемы «перестраховочной медицины».

Ключевые слова: гражданское законодательство, возмещение вреда, деликт, право на возмещение вреда, медицинские услуги, США.

В США система ответственности за вред, причиненный при оказании медицинских услуг, преследует две главные цели: компенсировать пациентам ущерб, который они получили из-за халатности или иных действий медицинских работников, и минимизация случаев нанесения ущерба при оказании медицинских услуг.

Однако, на практике, данная система является не столь эффективной, а также является очень дорогостоящей для государства. Очень часто, на практике, пациенты, которые действительно пострадали из-за ненадлежащего оказания медицинских услуг не получают компенсации, и напротив те, кто не пострадал от оказания медицинских услуг получают компенсацию. По данным социологических опросов врачей, система заставляет врачей использовать экономически неэффективные процедуры из-за страха быть привлеченным к ответственности или так называемую «перестраховочную медицину» [4].

Неудачи системы ответственности в сфере оказания медицинских услуг и высокая стоимость медицинских услуг в США вызывает ряд вопросов у исследователей в США, и данная проблема является одной из самых актуальных и обсуждаемых в научном сообществе. Исследователями в данной сфере часто задается два самых актуальных вопроса первый это насколько хорошо право регулирует ответственность за ненадлежащее оказание медицинских услуг в США и как хорошо право достигает своей цели и второй – насколько значима проблема «перестраховочной медицины» и могут ли реформы в системе ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг снизить расходы в сфере здравоохранения.

Несмотря на то, что расходы государства в сфере возмещения вреда при оказании медицинских услуг составляют менее одного процента от всех расходов, затраченных на систему здравоохранения, расходы, связанные с «перестраховочной медициной» будут гораздо больше по недавним подсчетам они составляют от двух до трех процентов от всех расходов на здравоохранение или

более 50 миллиардов долларов в год. Причина в том, что ни пациенты, ни врачи не несут большую часть из издержек при оказании помощи в каждом конкретном случае. Данная ситуация заставляет врачей рекомендовать проведение чрезмерно осторожных процедур и назначать «чрезмерное» лечение, которое соответственно является более дорогостоящим.

Недостатки существующей системы заставили ряд штатов изменить свои законы таким образом уменьшить ответственность за ненадлежащее оказание медицинских услуг. Например, ряд штатов установил ограничение на максимальные размер выплат за возмещение вреда неэкономического характера. В штате Иллинойс максимальный размер выплаты составляет 500 тысяч долларов по искам против физических лиц 1 миллион долларов по искам против юридических лиц, в штате Аляска 250 тысяч долларов и только в случае причинение смерти 500 тысяч долларов, в Южной Каролине максимальный размер возмещаемого ущерба составляет 350 тысяч долларов и так далее. Данные ряда исследований, изучивших изменения в законодательстве штатов показали, что грамотно проведенные реформы могут существенно сократить расходы на здравоохранение без вредного воздействия на здоровье пациента [3].

За последние 40 лет роль системы возмещения вреда при оказании медицинских услуг в США резко возросла. Также, как и среднее количество злоупотреблений на одного врача и размер выплат по делам об оказании ненадлежащих медицинских услуг.

Особенно стремительный рост был зафиксирован с 1960-х по 1980-е года.

После 1990 года число дел о ненадлежащем оказании медицинских услуг на одного врача стабилизировалось на отметке 15 дел на 100 врачей в год, но выплаты по этим дела продолжают расти с 1980 года и по настоящее время.

Большинство врачей заключают договоры страхования, которые покрывают расходы на защиту от претензий, а также от любых других расходов. Стоимость страхования профессиональной ответственности варьируется в зависимости от сферы деятельности и региона.

Стоимость страхования профессиональной ответственности в США отражает различия по частоте претензий в различных сферах, а также по размерам выплат в различных регионах. Например, в 2009 году размер страховой премии составлял в графстве Саффолк 33 000 долларов, в штате Нью Йорк 178 000 долларов, а в Колорадо почти на треть больше. В большинстве случаев претензии связанные с возмещением вреда при оказании медицинских услуг рассматриваются в судах штатов (общей юрисдикции) и по законам штата которые выделяют три составляющие для признания обоснованности требования о возмещении вреда: 1) пациент на самом деле пострадал из-за неблагоприятного события 2) лицо оказавшее услуги вызвало это событие своими действиями или бездействиями 3) лицо оказавшее услуги проявило халатность которая по существу выразилась в том, что то лицо проявило меньше заботы чем проявил бы средний представитель данной профессии с

хорошей репутацией в данном случае. В совокупности эти три элемента являются основополагающими и необходимыми элементами для признания обоснованности иска о ненадлежащем оказании медицинских услуг известными также как «правило о халатности».

В теории данное правило должно помогать возмещать вред пациентам, которые пострадали при оказании медицинских услуг и стимулировать врачей принимать меры предосторожности против неумышленного нанесения вреда пациентам. На практике же данное правило не достигает своих целей в обоих случаях. В соответствии, с исследованиями, проведенными в Гарвардском университете только один из пятнадцати пациентов, которые действительно пострадали, получил компенсацию вместе с тем пять из шести случаев возмещения вреда не содержат никаких доказательств о халатности врачей [5]. Более поздние исследования, проведенные Brennan и Тройен, подтверждают данные выводы [1]. Выплаты по делам о ненадлежащем оказании медицинских услуг производятся с большими задержками в среднем около 4 лет затрачивается на разрешения дела о ненадлежащем оказании медицинских услуг и выплате компенсации. Кроме того, на каждый доллар потраченный выплаты компенсации пятьдесят четыре цента уходят на выплату судебных издержек и других понесенных расходов.

Трудно оценить влияние действующей системы ответственности на уровень ненадлежащего оказания медицинских услуг, но тем не менее есть ряд фактов которые свидетельствуют о том, что данная система никак не влияет на этот уровень. Ретроспективный анализ медицинских данных пациентов показывает, что ненадлежащее обращение и травмы, связанные с ненадлежащим оказанием медицинских услуг достаточно распространены. В своем исследовании студенты Гарвардского университета приводят данные о том, что 3.7 процентов из всех госпитализаций в штате Нью Йорк в 1984 г. повлекли за собой судебное разбирательство о ненадлежащем медицинском уходе и четверть из них были признаны обоснованными из-за небрежности медицинского персонала [5]. Исследования, проведенные компанией Томас и др. в штате Юта и Колорадо в 1992 г. относительно неблагоприятных медицинских происшествий также приходят к схожим показателям [6]. Исходя из сказанного выше многие пациенты получившие травмы при оказании медицинских услуг не предъявляли требований. Кроме того, стоимость страхования профессиональной ответственности лишь частично формируется на истории предъявленных требований к медицинскому персоналу.

Все эти факторы приводят к тому, что лица оказывающие медицинские услуги, пренебрегают экономической эффективностью принимаемых мер предосторожности и назначаемого лечения. В тоже время данная система может стимулировать к принятию чрезмерных мер предосторожности или «перестраховочной медицине». Хотя и врачи по большей части застрахованы от финансовых потерь по искам об оказании ненадлежащих медицинских услуг, не застрахованы такие нефинансовые потери такие как потерянное время, стресс, репутация которые для многих врачей столь же важны или более важны чем потеря денежных средств. И как показывают исследования

Craswell and Calfee неопределенность в стандартах при оказании медицинских услуг также может привести к применению чрезмерных мер предосторожности [2].

Перестраховочная медицина представляет собой назначение экономически не обоснованного лечения и является огромной проблемой, которое можно решить только проведением реформы не только в системе ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг, но и в целом системы возмещения вреда.

Список литературы

1. Brennan, Troyen A., et al. 1991. "Incidence of Adverse Events and Negligence in Hospitalized Patient: Results of the Harvard Medical Practice Study I." *New England Journal of Medicine*, 324(6).
2. Craswell, Richard, and John Calfee. 1986. "Deterrence and Uncertain Legal Standards." *Journal of Law, Economics, and Organization*, 2(2).
3. Encinosa, William E., and Fred J. Hellinger. 2005. "Have State Caps on Malpractice Awards Increased the Supply of Physicians?" *Health Affairs Web Exclusive*. Published ahead of print May 31, 2005.
4. Harris Interactive. 2002. Final Report of the Fear of Litigation Study: The Impact on Medicine. <http://cgood.org/assets/attachments/57.pdf>.
5. Harvard Medical Practice Study. 1990. Patients, Doctors, and Lawyers: Medical Injury, Malpractice Litigation, and Patient Compensation in New York. A report of the Harvard Medical Practice Study to the State of New York. Cambridge, MA: The President and Fellows of Harvard College.
6. Thomas, Eric J., et al. 2000. "Incidence and Types of Adverse Events and Negligent Care in Utah and Colorado." *Medical Care*, 38(3).

ИНСТРУКТАЖ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ «ПУНКТОВ» АЛГОРИТМА ПРИ ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Пешков Г.Г.

аспирант кафедры защиты информации,
Воронежский институт высоких технологий, Россия, г. Воронеж

Скрынникова М.В.

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
канд. юрид. наук, доцент, Россия, г. Воронеж

Статья посвящена актуальным теоретико-прикладным проблемам тактических особенностей производства следственных действий. Рассмотрены тактические особенности инструктажа и алгоритмы действий следственно-оперативной группы на первоначальном этапе расследования, в т.ч. при проведении таких следственных действий, как обыск и выемка.

Ключевые слова: алгоритм, принятие управленческих решений, компьютерные преступления, следственная ситуация, информационная безопасность, тактические особенности производства следственных действий, уголовный кодекс РФ, hi-tech.

В нынешних условиях XXI века, с каждодневным развитием Hi-Tech, прогрессивно возрастает количество преступлений в сфере информационных технологий, а соответственно – уровень профессионализма лиц, их совершающих. Вопросы информационной безопасности в крупных компаниях выходят на первый план. Преступления данной категории причиняют как серьезный экономический ущерб, так и создают непосредственную угрозу даже существованию человечества [3, с. 1].

На сегодняшний день, к сожалению, не существует, каких-либо, принятых на вооружение и тактически правильных алгоритмов и методов расследования преступлений вышеназванной категории дел, а также осуществления следственных действий в данной сфере.

По нашему мнению, существенным условием тактически верной стороны производства следственных действий в данной категории дел будет грамотный инструктаж участников следственно-оперативной группы.

Рассмотрим общие для всех участников следственно-оперативной группы инструктажи. Как раз инструктаж – это один из основных «пунктов» принятия управленческих решений при расследовании преступлений указанной категории дел. Непосредственно процесс принятия решения зависит, прежде всего, от личностных особенностей субъекта, чем в значительной степени определяется характер и алгоритм действий следователя в ситуациях тактического риска, связанных с расследованием преступлений в сфере компьютерной информации [1, с. 57].

Инструктажи, для каждого члена следственно-оперативной группы должны быть детальными, исходить из его процессуальных полномочий, его функций на момент обыска и альтернативных ситуаций в момент данного следственного действия (силовое противодействие лиц, у которых проходит обыск членам СОГ, внештатные обстоятельства и др.) [2, с. 98].

Исходя из вышесказанного, можно предложить общий перечень действий, который будет обязательным для всех членов СОГ:

- Постоянная контрразведка – при сообщении членам СОГ адреса, на который выезжает, обрабатывается возможность отслеживания любых типов звонков на телефоны ключевых фигурантов, либо в последствии обрабатываются все входящие звонки на телефоны компании и фигурантов, начиная со времени сообщения адреса;

- Удержание в неведении (или прямая дезинформация) участников второстепенных групп или ранее выявленных «особо интересующихся» – вплоть до получения корректирующей информации (адреса) в процессе движения на транспортных средствах – использование «втемную»;

- Для привязки ранее выявленных «особо интересующихся» – их телефоны находятся на контроле с момента получения ими информации об обыскиваемом адресе;

- Детальный инструктаж каждого сотрудника с учетом альтернативных ситуаций (рассматривались выше, применительно к различным участникам следственных действий);

- Определение радиопозывных и специальных команд отдельным группам;

- Сверка по времени;
- Проверка зарядки средств связи;
- Определение режима «радиомолчания»;
- Проверка нахождения групп на устойчивой связи, перевод на альтернативную связь или каналы.

Рассмотрим некоторые тактические особенности производства следственных действий, например таких, как обыск или выемка, при расследовании преступлений вышеназванной категории дел, непосредственно по прибытии СОГ на место проведения данных следственных действий.

По прибытии на место обыска или выемки необходимо определиться с:

- 1) способом проникновения;
- 2) определить перечень объектов, подлежащих обязательному изъятию.

Способы проникновения (задача – открывание дверей офиса, здания, выход охраны):

- прямой силовой (по возможности избегать данный способ);
- прямой силовой с отвлечением внимания (например, ломиться в «черный ход»);
- с использованием легенды (хулиганы с надписями перед камерами наружного наблюдения, хулиганы, с попытками разбить стекло, и т.д.);
- с привлечением официальных лиц по легальной проверке;
- с использованием внешних признаков и статуса официальных лиц по легальной проверке (внешняя маскировка);
- с привлечением (принуждением) лиц с правом (возможностью) без пропускного прохода (как правило, из числа сотрудников предприятия);
- без привлечения указанных лиц, но с использованием их статуса или ключевых фраз (знание паролей, магнитных пропусков, их спец. одежды и т.д.);
- с провокацией техногенного характера (запахи, канализация);
- с провокацией индивидуального характера (запахи ацетона, горелого эбонита);
- комбинированные.

Таким образом, делая вывод из вышеизложенного, существенной особенностью производства следственных действий при расследовании преступлений, связанных с использованием компьютерной техники (отдельных ЭВМ, автоматизированных систем, компьютерных сетей и телекоммуникационных средств (АС и ПТК)) или с противоправным вмешательством в их работу является отсутствие возможности адекватной и полной оценки на месте значения и даже содержания обнаруженной информации и других материалов, имеющих отношение к противоправной деятельности, связанной с противоправной деятельностью, ввиду большого объема информации ее представления в специальном виде, причем для ее восприятия обходимо специальные познания, а иногда специальные аппаратные и программные средства. Поэтому наличие квалифицированного специалиста по информационной безопасности в рядах сотрудников правоохранительных органов, на

наш взгляд, является обязательным условием для квалифицированной и компетентной борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Список литературы

1. Агапов А.Б. Основы государственного управления в сфере информатизации в Российской Федерации / А.Б. Агапов. – М., 2007. – 344 с.
2. Баранов А.К. Компьютерные системы поддержки принятия следователем тактических решений: учеб. пособие / А.К. Баранов, С.И. Цветков. – М., 2012. – 112 с.
3. Пешков Г.Г. Особенности принятия следователем управленческих решений, при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации: материалы IV Международной научно-практической конференции 21-23 июля 2016 года / Г.Г. Пешков – Воронеж, изд-во «Научная книга», 2016. – С. 159-163.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Подройкина И.А.

доцент кафедры уголовного права, к.ю.н., доцент,
Ростовский филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Лазутина П.В.

помощник судьи Волгодонского районного суда Ростовской области,
Россия, г. Волгодонск

В статье рассматриваются вопросы, связанные с регламентацией, назначением и исполнением наказания в виде исправительных работ, кратко описывается история возникновения указанного наказания в Российской Федерации. Приводятся позиции авторов, считающих необходимым изменение уголовного закона в части регламентации и использования исправительных работ, высказывается собственная точка зрения по этим позициям. В заключение делается вывод о необходимости более широкого использования на практике исправительных работ.

Ключевые слова: уголовный закон, наказание, исправительные работы, уголовное право, осужденный, совершенствование уголовного закона, судебная практика, уголовная политика.

В современной уголовной и уголовно-исполнительной политике России ярко прослеживается тенденция к гуманизации обращения с осужденными. С этой целью на государственном уровне разработана система мероприятий, направленная на снижение численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы, за счет применения альтернативных видов наказаний, в том числе исправительных работ.

Наказание в виде исправительных работ относится к числу основных и применяется только в тех случаях, когда оно предусмотрено санкциями статей Особенной части Уголовного кодекса.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УК РФ исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему

его. Осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного.

Исправительные работы могут быть назначены на срок от 2 месяцев до 2 лет и исчисляются в месяцах и годах. Из заработной платы осужденного к исправительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов. Исправительные работы не назначаются лицам, перечисленным в ч. 5 ст. 50 УК РФ [6, с. 340].

В юридической литературе имеются разные взгляды относительно возникновения института исправительных работ. Так, Бушуев И.А. считает, что «исправительные работы как мера наказания впервые были установлены Инструкцией Народного комиссариата юстиции (НКЮ) от 19 декабря 1917 года» [2, с. 5]. Стручков Н.А. придерживался иного мнения: «Когда готовился «Проект Программы РКП(б)» (принята на VIII съезде партии в 1919 году), Ленин В.И. сделал заметки по всем его разделам. В Конспекте раздела о наказаниях пункта программы о суде он, в частности, предложил предусмотреть замену лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому [7, с. 148]. Леонтьев Б.Н. указывал, что исправительные работы как самостоятельный вид наказания появились в уголовном законодательстве с первых дней существования советской власти [5, с. 75]. Таким образом, несмотря на некоторые разногласия относительно акта, в котором впервые были указаны исправительные работы, авторы едины во мнении, что они появились уже в первые дни после Октябрьской революции 1917 года.

Основные черты исправительных работ формировались с 1917 по 1921 годы: они назначались на срок до 5 лет; являлись как основным, так и дополнительным видом наказания; подразделялись на два вида: общественные работы и работы по специальности; были общественными, тяжелыми и неприятными для осужденного.

В настоящее время наказание в виде исправительных работ применяется судами довольно часто. Практика назначения и исполнения указанного вида наказания в современной России довольно широка. Так, с 2005 по 2015 год количество осужденных к исправительным работам выросло почти на треть. Если в 2005 году к исследуемому наказанию было осуждено 42667 человек [8], то в 2015 году число осужденных составило 60794 человека [9].

Исправительные работы предполагают привлечение осужденного к труду, соответственно, при их назначении суд должен выяснять трудоспособность такого лица, наличие или отсутствие у него основного места работы, место постоянного жительства, а также другие свидетельствующие о возможности исполнения этого наказания обстоятельства, в том числе указанные в ч. 5 ст. 50 УК РФ [10].

Исправительные работы осуществляются в условиях отсутствия какой-либо изоляции осужденного от общества, поэтому создают существенные

возможности для оказания на него исправительного воздействия со стороны трудовых коллективов, представителей общественности, иных лиц, способных положительно влиять на его поведение. В то же время осуждённый претерпевает реальные ограничения, присущие данному виду наказания.

Прежде всего, осуждённый получает заработную плату не в полном объеме, что, с точки зрения законодателя является наиболее существенным правоограничением. Из заработной платы осуждённых производятся удержания в размере, установленном приговором суда. Пределы удержаний определены ст. 50 УК РФ и равны сумме от 5 до 20 процентов заработной платы.

Бабаян С.Л. предлагает предусмотреть возможность снижения размера удержаний из заработной платы осужденных при их положительном поведении и внести следующие изменения в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы:

а) дополнить ст. 50 УК РФ частью 3.1 следующего содержания: «Положительно характеризующимся осужденным суд по ходатайству уголовно-исполнительной инспекции может снизить размер удержаний из заработной платы в период отбывания наказания, но не более чем в два раза»;

б) дополнить ст. 44 УИК РФ частью 8 следующего содержания: «Уголовно-исполнительная инспекция в порядке поощрения осужденного за добросовестное отношение к труду может ходатайствовать перед судом о снижении размера удержаний из заработной платы в период отбывания наказания, но не более чем в два раза» [1, с. 117].

Однако, с такой позицией нельзя согласиться. В настоящее время исправительные работы отнесены законодателем к числу наиболее мягких видов наказаний. Анализ санкций показал, что, как правило, они предусмотрены за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. Число ограничений, связанных с отбыванием исправительных работ минимально. А лиц, не имеющих основного места работы, устраивают на работу, что даже улучшает их положение. В современном УК достаточно поощрительных норм, позволяющих на законных основаниях быть освобожденным от уголовной ответственности и от наказания, и если оснований для применения названных институтов нет, то осужденный должен отбыть наказание в полном объеме. В противном случае нарушается принцип справедливости, предполагающий соответствие наказания характеру и степени общественной опасности содеянного, а также учет интересов потерпевшего.

Исправительные работы, как и любой иной вид наказания, преследуют цель исправления осужденного. Журавлёв М. и Ильин П. полагают, что исправительные работы не достигают названной цели тогда, когда они назначаются лицам, которые не могут их отбывать, в том числе несовершеннолетним [4, с. 45].

Действительно, возможность применения исправительных работ к несовершеннолетним ограничена положениями трудового законодательства. Особенности правовой природы исправительных работ не устраняют, но ограничивают возможность их применения к несовершеннолетним [3, с. 27].

Так, в соответствии трудовым законодательством не допускается приём на работу лиц моложе 15 лет. Приём на работу лиц, не достигших 15 лет, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования, допускается лишь а) для выполнения лёгкого труда, не причиняющего вреда здоровью и не нарушающего процесса обучения; б) в свободное от учёбы время; в) по достижении ими 14-летнего возраста; г) с согласия родителей, усыновителей или попечителя. Значительная часть возникающих при этом трудовых отношений регулируется нормами трудового права, с некоторыми исключениями из его общих правил.

Но, несмотря на названные ограничения, полагаем, что они не могут явиться препятствием для назначения исправительных работ несовершеннолетним, и не можем согласиться с позицией авторов, приведенной выше. Исправительные работы должны применяться к несовершеннолетним, поскольку обязанность трудиться, возложенная на осужденного судом носит показательный характер, формирует у осужденного правильные выводы о недопустимости противоправных действий в будущем. Кроме того, в отличие от более строгого вида наказания в виде лишения свободы, сохраняет у осужденного шансы на исправление без изоляции от общества, устойчивые тенденции к сохранению у подростка стабильной социальной значимости в обществе. Несовершеннолетние осужденные – это отдельная категория лиц, которая, по нашему мнению, требует особого внимания. Развитию ювенальных судов в России в последнее время уделяется недостаточно внимания. Вместе с этим, главная, на наш взгляд, тенденция к исправлению несовершеннолетнего преступника – это возможность его исправления без изоляции от общества. Наказание в виде исправительных работ является одним из способов реализации указанной цели.

Подводя итог, рассматриваемым в статье вопросам, можно сделать следующие выводы. Наказание в виде исправительных работ является разумной альтернативой лишению свободы и должно применяться при наличии законных оснований чаще, поскольку такая тенденция соответствует современной политике гуманизации обращения с осужденными, а также положительно сказывается на бюджетной системе государства. Судебная практика свидетельствует, что суды практически не испытывают трудностей при назначении исследуемого наказания, чаще возникают проблемы при его исполнении. В связи с изложенным, рекомендуется судам более тщательно выяснять все обстоятельства дела, исследовать личностные характеристики осужденного, его способности к труду, чтобы в последующем не приходилось заменять исправительные работы более строгим наказанием.

Список литературы

1. Бабаян С.Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 398 с.
2. Бушуев И.А. Исправительные работы. Москва: Госюриздат, 1968. 135с.
3. Волошин В.М. Проблемы назначения несовершеннолетним осужденным исправительных работ и лишения свободы // Уголовное право. 2008. № 1. С. 27-29.

4. Журавлев М., Ильин П. За правильное применение и исполнение исправительных работ // Социалистическая законность. 1964. № 5. С. 45.
5. Леонтьев Б.Н. Развитие норм об уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (1813-1996 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. № 3. С. 74-87.
6. Уголовное право: учебник для бакалавров: в 2 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2013. 587с.
7. Стручков Н.А. Проблемы науки исправительно-трудового права в свете нового исправительно-трудового законодательства. Москва, 1972. 167 с.
8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>. Дата обращения: 19.01.2016.
9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008-2015 годы // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>. Дата обращения: 19.01.2016.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Режим доступа: СПС Консультант плюс. Дата обращения: 15.01.2017.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ – ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ НАДЗОРА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Рубцова М.В.

ст. научный сотрудник, Академия Генеральной прокуратуры РФ,
Россия, г. Москва

В статье обеспечение законности при организации предоставления государственных и муниципальных услуг – одно из приоритетных направлений надзора органов прокуратуры рассматривается работа органов прокуратуры, направленная на защиту прав граждан и юридических лиц в сфере госуслуг. Приводится практика прокурорского надзора за исполнением законодательства при предоставлении государственных и муниципальных услуг органами государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: обеспечение законности, органы прокуратуры, организация предоставления государственных и муниципальных услуг, нарушения закона, органы государственной власти и местного самоуправления, меры прокурорского реагирования.

Перед государством стоит важная задача – обеспечить стабильность социальной сферы. Успешное решение этой задачи в немалой степени зависит от качества правозащитной деятельности прокуратуры и ее опережающей реакции. Владимир Путин назвал прокуратуру ключевым звеном отечественной правоохранительной системы [1]. В 2016 г. при реализации общенадзорных полномочий прокурорами выявлено и устранено 4,7 млн нарушений прав граждан [2]. Средствами прокурорского надзора решается актуальная для многих стран проблема защиты прав потребителей, в том числе путем обеспечения соблюдения законодательства в сфере государственных услуг.

При этом прокуроры не подменяют контролирующие органы, действуя лишь при возникновении необходимости непосредственного вмешательства в пределах установленных законом полномочий. При подтверждении в ходе проверочных мероприятий сведений о нарушении законодательства прокуроры принимали необходимые меры реагирования. Состояние законности в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг в целом по России нельзя назвать удовлетворительным. На региональном уровне допускались многочисленные нарушения свободы информации, которые успешно выявлялись и устранялись прокуратурой, которой в 2011-2013 гг. повсеместно проводились проверки исполнения законодательства о предоставлении государственных и муниципальных услуг, изучались проекты и принятые региональные нормативные правовые акты в данной сфере, поступающие из правительств регионов и органов местного самоуправления. Практически во всех субъектах Российской Федерации нарушались права граждан при реализации Закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон № 210-ФЗ). В соответствии с Законом № 210-ФЗ органы, предоставляющие государственные услуги, и органы, предоставляющие муниципальные услуги, обязаны предоставлять государственные или муниципальные услуги в соответствии с административными регламентами. За нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг предусмотрена административная ответственность, установленная ст.5.63 КоАП РФ. Полномочия возбуждать дела об административных правонарушениях по данной статье КоАП РФ отнесены к исключительной компетенции прокурора. Изучение прокурорской практики показало, что подавляющее большинство нарушений выявляются в действиях должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления.

Так, за 9 месяцев в Уральском федеральном округе 2016 года прокурорами было выявлено около 1,3 тыс. нарушений., что на 60% выше прошлогоднего показателя. Наибольшее количество таких нарушений обнаружено в Свердловской области – 434 случая, в Курганской – 299 и Челябинской – 212. Как правило, эти недостатки обусловлены наличием правовых актов, коррупциогенных факторов, ненадлежащим исполнением соответствующих административных регламентов, а также нарушением при проведении проверок контролируемыми органами. В большей степени это относится к муниципалитетам. Нарушения также проявляются и на уровне областей. Так, в Челябинской области в министерстве социальных отношений допускались нарушения сроков предоставления госуслуг по оформлению и выдаче по мерам предоставления льгот чернобыльцам. Имели место также необоснованные отказы предоставления госуслуги по выдаче удостоверения ветерана труда, по выплате социальных льгот. В связи с выявленными нарушениями прокурором внесено представление [3].

Генеральная прокуратура потребовала устранить многочисленные нарушения прав предпринимателей в деятельности Росаккредитации после проведенной проверки исполнения законодательства. В ходе проверки были

выявлены многочисленные нарушения сроков предоставления предпринимателям госуслуг в сфере аккредитации. Только за январь-февраль этого года чиновниками ведомства допущено 263 факта волокиты при оказании таких услуг. По результатам проверки руководителю Росаккредитации внесено представление об устранении нарушений [4]. Прокуратура города Севастополя выявила нарушения закона при предоставлении государственных услуг юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Департаментом архитектуры и градостроительства города и Севреестром систематически допускаются нарушения прав субъектов хозяйствования при предоставлении госуслуг, в частности не соблюдаются установленные законодательством сроки. В ходе проверок выявлены нарушения департаментом архитектуры и градостроительства порядков выдачи разрешений на строительство, ввод объектов в эксплуатацию и присвоения адресов. По возбужденным прокуратурой административным делам по ч. 1.1 ст. 5.63 КоАП РФ (нарушение законодательства организации предоставления государственных и муниципальных услуг) директор департамента оштрафован судом на общую сумму 9 тыс. рублей [5]. Прокуратурой Приморского края проведена проверка исполнения законодательства при предоставлении государственных и муниципальных услуг, по результатам которой выявлены многочисленные нарушения законодательства в деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, а также в деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг. В частности, в связи с неприятием органами местного самоуправления в нарушение ч. 1 ст. 29 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» муниципальных нормативных правовых актов, регламентирующих предоставление 53 муниципальных услуг, прокуроры г. Владивостока, Партизанска, Михайловского и др., приняли соответствующие меры реагирования. Прокурорами г. Находка, Уссурийским городским прокурором, Лесозаводским межрайонным прокурором выявлены факты несвоевременного предоставления органами местного самоуправления свыше 250 муниципальных услуг. С целью устранения выявленных нарушений главам администраций Находкинского, Уссурийского, Лесозаводского городских округов внесены представления, в отношении виновных должностных лиц возбуждены 3 дела об административном правонарушении [6]. Заместитель председателя Агентства РК по делам государственной службы и противодействию коррупции Айгуль Шаимова, выступая на заседании коллегии Генеральной прокуратуры, заявила, что в ходе проверок по 112 видам госуслуг установлено порядка 4,5 тысячи нарушений законодательства. Так, чаще всего это является истребованием дополнительных сведений и оказанием услуг при неполном пакете документов, нарушение сроков оказания госуслуг, а также неправомерных предпочтений одним услугополучателям и проявление волокиты в отношении других. Основными причинами указанных нарушений являются неэффективная организация внутреннего контроля со стороны госорганов, наличие дискреционных сроков и полномочий услугодателя, противоречие стандартов и регламентов госуслуг законодательству,

отсутствие унифицированного порядка оказания услуг [7]. Несовершенство деятельности по оказанию услуг населению в системе государственной и муниципальной службы оказывает негативное влияние на уровень формирования правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения населения. О недостатках работы механизма государственного регулирования отдельных видов деятельности, нарушениях законов в процессе оказания государственных услуг в настоящее время свидетельствуют данные правоприменительной практики, статистики, социологических опросов [8]. С этой целью необходимо разработать комплекс мер, позволяющих исключить практику нарушения прав федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, при обращении заявителями за получением услуг.

Список литературы

1. URL: <https://rg.ru/2016/01/12/pozdravlenie-site-anons.html> (дата обращения 23.01.2017).
2. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1154024/> (дата обращения 17.01.2017).
3. URL: <http://pravdaurfo.ru/news/145766-ponomarev-nashel-narusheniya-v-ministerstvah-urfo> (дата обращения 24.01.2017).
4. URL: <https://crimerussia.com/gromkie-dela/genprokuratura-vyyavila-narusheniya-v-deyatelnosti-rosakkreditatsii/> (дата обращения 24.01.2017).
5. URL: <http://sevproc.ru/prokuratura-sevastopolya-prinyala-mery-po-privlecheniyu-k-otvetstvennosti-dolzhnostnyh-lic-narushivshih-zakonodatelstvo-o-predostavlenii-gosuslug> (дата обращения 24.01.2017).
6. URL: <http://prosecutor.ru/news/2016-06-23-prokuratura-vyyavila.htm> (дата обращения 24.01.2017).
7. URL: <http://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/osnovnie-narusheniya-pri-okazanii-gosuslug-biznesu-nazvali-na-zasedanii-genprokuraturi/> (дата обращения 24.01.2017).
8. Субанова Н.В. Разрешительные полномочия органов исполнительной власти в Российской Федерации. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. С. 204.

НЕКОТОРЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОННОСТИ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Сабирова Л.Л.

доцент кафедры теории и истории юридического факультета, канд. юрид. наук,
доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, г. Казань

В статье автор рассматривает один из основных демократических принципов – законность применительно к деятельности современных юридических лиц. Современное отечественное законодательство направлено на эффективное урегулирование правового положения юридических лиц, связанное с императивными требованиями к созданию, реорганизации и ликвидации юридических лиц, юридической ответственностью и защитой, гарантиями их прав. Именно здесь требования законности довольно ярко проявляются на практике.

Ключевые слова: законность, юридическое лицо, верховенство Конституции, юридическая ответственность.

Законность представляет собой основной принцип демократического государства, главным требованием которого является строгое соблюдение законов любыми субъектами правоотношений, в том числе юридическими лицами, и в любых условиях организации общества. Конституция Российской Федерации (Конституция РФ) в статье 15 закрепляет содержание принципа законности и предусматривает верховенство Конституции, закрепляет её высшую юридическую силу и прямое действие, а также закрепляет правило соблюдения Конституции РФ и законов органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями. Реализация принципа законности происходит в той мере, в какой существует потребность общества в праве и правопорядке, в обеспечении равенства и свободы, справедливости.

В юридической литературе прослеживается различное понимание законности: как процесс соблюдения правовых норм всеми субъектами права, как принцип соблюдения правовых норм, как метод государственного управления обществом, как особый правовой режим общественной жизни. Рассмотрение различных уровней законности позволяет выделить индивидуальный уровень в отношении законности конкретных актов и решений, групповой уровень в отношении отдельных субъектов общественных отношений, региональный уровень в отношении определённых городов и регионов, общесоциальный уровень в отношении общества в целом.

К деятельности юридических лиц предъявляются следующие требования законности: осуществление деятельности в соответствии с законом, неотвратимость юридической ответственности в случае нарушения нормативных предписаний, необходимость обеспечения судебной защиты прав и свобод хозяйствующих субъектов.

Отметим, что юридические лица представляют собой создаваемые и прекращающиеся в особом порядке коллективные образования, обладающие рядом признаков. В связи с тем, что в обществе неизбежно возникают объединения людей, сопровождающиеся соединением их личных усилий и капиталов для достижения тех или иных общественно полезных целей, для такого объединения предусмотрена правовая форма – гражданско-правовая конструкция юридического лица.

Как известно, в основном выделяют три теории о сущности юридического лица: теория фикции; теория, отрицающая существование юридического лица; теория, признающая реальность юридического лица. В настоящее время существует множество взглядов, связанных с понятием юридического лица, однако они все могут быть объединены тем, что юридическое лицо представляет собой гражданско-правовую конструкцию, то есть некоторое правовое образование, созданное с целью осуществления предпринимательской и иной деятельности наиболее рациональным способом посредством применения совокупности правовых инструментов.

Анализ статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) позволяет выделить следующие признаки юридического лица как особой гражданско-правовой конструкции: организационное единство, наличие

обособленного имущества, самостоятельная имущественная ответственность, выступление в гражданском обороте от своего имени, способность быть истцом и ответчиком в суде, наличие учредительных документов и индивидуализирующих признаков, государственная регистрация в качестве юридического лица [3, с. 20-28].

Следует заметить, что современное законодательство Российской Федерации направлено на эффективное урегулирование правового положения юридических лиц, связанное с императивными требованиями к созданию, реорганизации и ликвидации юридических лиц, юридической ответственностью и защитой, гарантиями их прав. Именно здесь требования законности довольно ярко проявляются на практике.

Так, согласно ст. 61 ГК РФ требование о ликвидации юридического лица может быть предъявлено в суд государственным органом или органом местного самоуправления, которому право на предъявление такого требования предоставлено законом. Например, в случаях признания государственной регистрации юридического лица недействительной, в том числе в связи с допущенными при его создании грубыми нарушениями закона, если эти нарушения носят неустранимый характер [10, с. 20-23]; в случае осуществления юридическим лицом деятельности, запрещенной законом, либо с нарушением Конституции РФ, либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов.

Последний пункт наиболее интересен с точки зрения рассматриваемой темы. Кроме того, Верховным судом Российской Федерации даётся разъяснение о том, что неоднократность нарушения законодательства сама по себе не может служить основанием для принятия судом решения о ликвидации юридического лица. Такая исключительная мера должна быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям (пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ) [7].

Рассмотрим пример из судебной практики. Министерство юстиции Российской Федерации обратилось с требованием о ликвидации Централизованной религиозной организации «Объединённый исламский конгресс России» в связи с тем, что указанная организация в своей деятельности допускает грубые и неоднократные нарушения законодательства РФ, выразившиеся в фальсификации данных Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) путём подделки представленных на государственную регистрацию документов, в воспрепятствовании (уклонении) от проверки Минюстом России её деятельности, а также в том, что в течение длительного времени организация не находится по адресу, внесённому в ЕГРЮЛ. На основании установленных фактов, в связи с грубым и неоднократным нарушением организацией норм федеральных законов, Централизованная религиозная организация «Объединённый исламский конгресс России» была принудительно ликвидирована [8].

Ещё одно требование законности к деятельности юридических лиц выражается в применении к этим субъектам права мер ответственности за совершённые правонарушения. Отметим, что в юридической литературе неод-

нократно поднимался вопрос о проблемах привлечения юридических лиц к уголовной и административной ответственности [1, с. 82-89].

В России в настоящее время активно обсуждается вопрос о возможности признания юридического лица субъектом преступления. Институт уголовной ответственности юридических лиц уже существует в законодательстве зарубежных государств (Австралии, Англии, Бельгии, Венгрии, Дании, Израиля, Ирландии, Исландии и др.) [4, с. 15-24]. Основной проблемой введения в современное уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц требует решения вопроса о субъективной стороне деяния. В связи с тем, что обязательным условием уголовной ответственности является наличие вины, которая представляет собой психическое отношение лица к содеянному. Юридическое лицо, будучи юридической фикцией, не может иметь психики и, соответственно, непосредственно к юридическому лицу понятие вины не применимо. Отметим, что в тех странах, где закон допускает уголовную ответственность юридического лица, принято считать, что вина его воплощается в виновном поведении руководителей или представителей.

Сейчас административная ответственность юридических лиц фактически становится универсальной юридической ответственностью за любые нарушения в публично-правовой сфере, независимо от отраслевой принадлежности нарушаемых правовых норм [6, с. 102-108]. В административном праве понятие вины не связывается с субъективным отношением его руководителей и сотрудников к совершенным правонарушениям и их последствиям, что характерно для классических форм вины, применяемых в отношении физических лиц. Согласно КоАП РФ вина юридического лица наступает в двух случаях: если у юридического лица не имелось возможности для соблюдения правил и норм, за нарушение которых установлена административная ответственность, и если юридическое лицо имело возможность для соблюдения указанных правил и норм и приняло все зависящие от него меры для их соблюдения, но этих мер оказалось недостаточно.

Заметим, что в зарубежном европейском законодательстве административные проступки рассматриваются в качестве разновидности уголовного деликта, не обладающего большой степенью общественной опасности [2, с. 42-52]. Поэтому административная ответственность функционирует в уголовно-правовой сфере, являясь по существу уголовной ответственностью. В российском законодательстве административное правонарушение и административное наказание сконструированы по модели уголовного преступления и наказания. При этом предполагается, что административный проступок отличается от преступления меньшей степенью общественной опасности. Однако, применительно к юридическим лицам все правонарушения независимо от степени их общественной опасности, а также вида и размера санкций за их совершение квалифицируются в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) как административные [5, с. 15-22]. Применение некоторых видов административных наказаний (конфискация имущества, административное приостановление осуществляемой юридиче-

ским лицом деятельности, административный штраф в крупном размере) в итоге могут приводить к несостоятельности и последующей ликвидации юридического лица.

Таким образом, считаем, что реализация юридической ответственности посредством применения санкций должна соответствовать природе регулируемых общественных отношений и отраслевой принадлежности правовых норм, за нарушение которых такие санкции установлены. В противном случае их применение не позволит достичь той цели, на которую они были рассчитаны, что, в свою очередь, приведет к сбоям в механизме правового регулирования. В связи с этим следует заметить, что ни один вид юридической ответственности не может быть признан универсальным.

Список литературы

1. Власов И.С. О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. – 2015. – N 11.
2. Головкин Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции *criminal matter* (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. N 1.
3. Гуцин В.В. Понятие и классификация юридических лиц // Современный юрист. 2015. N 3.
4. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. – 2006. – N 4.
5. Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Журнал российского права. – 2014. – N 1.
6. Никитин С.В. Проблемы реформирования законодательства об административной ответственности юридических лиц в сфере экономической деятельности // Закон. – 2016. – N 3.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // БВС РФ. – N 8. – 2015.
8. Решение Верховного Суда РФ от 14.04.2016 по делу N АКПИ16-321 // <http://www.vsrfr.ru/> Официальный сайт Верховного суда РФ (дата обращения: 07.10.2016 г.)
9. Розовская Т.И. Эволюция института уголовно-правового воздействия на юридических лиц // Lex russica. – 2016. – N 4.
10. Чуряев А.В. Деятельность прокуратуры по принудительной ликвидации юридических лиц // Законность. – 2011. – N 6.

ЗАДАЧИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Селезнев А.А.

кафедра «Безопасность и правопорядок»,
Тамбовский государственный технический университет, Россия, г. Тамбов

В статье задачи судебной экспертизы обстоятельств ДТП рассматриваются в прямой зависимости от определенных видов и подвидов автотехнической экспертизы, которые в свою очередь различаются по предмету, объектам и частным методикам. От точности решения задач судебной экспертизы обстоятельств ДТП зависит эффективность рас-

следования и рассмотрения уголовных и гражданских дел, а также административного материала.

Ключевые слова: судебная автотехническая экспертиза (САТЭ), дорожно-транспортное происшествие (ДТП), транспортное средство (ТС).

В условиях высоких темпов автомобилизации России вопрос обеспечения безопасности дорожного движения является чрезвычайно актуальной проблемой. В системе мер по повышению безопасности дорожного движения большое значение имеют меры уголовно-правового характера. В большинстве случаев состав преступления или нарушения можно установить только после производства судебной автотехнической экспертизы (САТЭ) [1, с. 4]. Эффективность расследования и рассмотрения уголовных и гражданских дел, а также административного материала этой категории находится в прямой зависимости от своевременного проведения автотехнической экспертизы, правильности вопросов, поставленных перед экспертом, их соответствия ДТП, полноты и достоверности исследования, а также относимости, достоверности и полноты исходных данных и материалов, представляемых на исследование.

САТЭ – род судебной инженерно-транспортной экспертизы, суть которой состоит в экспертном исследовании и установлении механизма ДТП и его обстоятельств, технического состояния ТС и дороги, психофизиологических характеристик его участников и их действий.

С учетом предмета доказывания и содержания специальных познаний в САТЭ выделяют следующие виды: 1) судебная экспертиза обстоятельств ДТП; 2) судебная экспертиза технического состояния транспортного средства (ТС); 3) судебная экспертиза следов на ТС и месте ДТП.

Каждый из указанных видов САТЭ имеет определенный круг задач, которые могут быть решены экспертизой данного вида самостоятельно либо в совокупности с другими видами САТЭ, либо с экспертизами, не относящимися к классу транспортных (трасологической, медицинской, металловедческой и т.д.).

В рамках судебной экспертизы обстоятельств ДТП решаются следующие задачи: 1) определение скорости движения и других параметров ТС; 2) определение тормозного и остановочного пути, а также остановочного времени ТС; 3) определение удаления ТС, пешеходов и иных объектов от места ДТП в заданные органом (лицом), назначившим экспертизу, моменты; 4) установление технической возможности предотвращения ДТП в заданные органом (лицом), назначившим экспертизу, моменты; 5) определение времени преодоления ТС определенных участков пути; 6) установление момента возникновения опасности для движения, требующего принятия экстренных мер по предотвращению ДТП; 7) определение взаимного положения ТС и препятствия в момент, когда водитель еще имел техническую возможность предотвратить происшествие; 8) определение того, как должен был действовать водитель в сложившейся ДТС с точки зрения обеспечения безопасности дорожного движения; 9) определение причинной связи между действиями (бездействием) водителя по управлению ТС и последствиями технического

характера на основе использования технических данных и учета объективных закономерностей; 10) установление технической возможности предотвращения ДТП не только по исходным данным, но и по полученным экспертом расчетным путем результатам и т.д.

Отдельные из приведенных задач экспертизы обстоятельств ДТП можно решить только после решения соответствующих задач другими видами САТЭ, либо судебными экспертизами, не относящихся к классу транспортных.

Задачи судебной экспертизы технического состояния ТС, участвовавшего в ДТП относятся: 1) установление технического состояния ТС, их отдельных узлов, механизмов, систем, агрегатов; 2) установление причин времени возникновения неисправности, возможности своевременного выявления их лицами, ответственными за техническое состояние ТС; 3) установление причинно-следственных связей между неисправностью и ДТП, а также обстоятельств, способствующих возникновению неисправностей; 4) установление технической возможности предотвращения ДТП; 5) установление обстоятельств, связанных с техническим состоянием ТС, которые способствовали или могли бы способствовать возникновению ДТП. Отдельные из приведенных задач можно решить только в комплексе с металловедческой экспертизой, а отдельные задачи – с трасологической экспертизой [4, с. 36].

В рамках судебной экспертизы следов на ТС и месте ДТП решаются следующие задачи: 1) определение механизма ДТП; 2) установление механизма взаимодействия ТС при столкновении; 3) установление механизма наезда на пешехода и неподвижные препятствия; 4) установление координат места наезда, столкновения ТС; 5) установление факта движения или неподвижности ТС при столкновении в момент первичного контактного взаимодействия; 6) установление части ТС, которой нанесены повреждения; 7) определение по характеру повреждений на ТС места нахождения потерпевшего в салоне, кабине ТС в момент столкновения; 8) установление частей ТС, контактировавших между собой в первичный момент столкновения; 9) установление наличия, времени и причины повреждения шин ТС, гибких тормозных шлангов и т.д.

Экспертиза технического состояния дороги решает такие задачи, как: 1) установление основных квалификационных характеристик дороги; 2) установление технического состояния дорожных условий; 3) определение соответствия фактических квалификационных характеристик и технического состояния участка, на котором произошло ДТП; 4) установление причин образования дефектов на дороге и т.д.

Таким образом, в судебной автотехнической экспертизе – очень большой спектр задач, которые необходимо решать грамотно и профессионально. Приведенный перечень задач не исчерпывает все решаемые САТЭ задачи. В зависимости от сложности ДТП он может иметь гораздо более широкий спектр задач. Анализ экспертной практики показал, что в настоящее время САТЭ решает до 70 задач, являющихся традиционными и до 100 задач, ставящихся реже. Кроме того, около 50 задач имеют единичный характер.

Список литературы

1. Суворов Ю.Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Техно-юридический анализ причин ДТП и причинно-действующих факторов: Уч. пособие. М.: Издательство «Приор», 1998. 112 с.
2. Суворов Ю.Б., Чава И.И. О применении некоторых норм – определений Правил дорожного движения РФ при судебно- экспертной оценке и судебно-следственной классификации деяний участников дорожного движения и иных лиц, причастных к обеспечению безопасности дорожного движения. Автотранспортное предприятие. Май, 2002. 4 с.
3. Суворов Ю.Б., Чава И.И. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Экспертное исследование обстоятельств ДТП, совершенных в нестандартных дорожно-транспортных ситуациях или в особых дорожных условиях (в помощь экспертам). М.: РФЦСЭ, 2003. 66 с.
4. Судебная автотехническая экспертиза. Методическое пособие для экспертов. М.: ВНИИСЭ, часть2, 1980. 98 с.
5. Илларионов В.А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. М.: Транспорт, 1989 255с.
6. Чава И.И. Судебная автотехническая экспертиза. Исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. Учебно-методическое пособие. М. : Библиотека эксперта, 2007. 98 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИЙ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ К СЛУЖЕБНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

Симонян Д.Ю.

студентка, 1 курс, Северо-Кавказский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Россия, г. Краснодар

В данной статье рассмотрены проблемы, возникающие в организационно-правовой деятельности комиссий по урегулированию конфликта интересов. Анализ правоприменительной практики показал, что существует недостаточная нормативная регламентация правоотношений, связанных с определением оснований для отмены принятого комиссией решения, а также с возможностью обжалования решения комиссии по урегулированию конфликта интересов, которое носит обязательный характер, в судебных органах. Предложены законодательные пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: государственная служба, комиссия по урегулированию конфликта интересов, основания для отмены принятого комиссией решения, обжалование решения комиссии в суд, служебное поведение, организационно-правовая деятельность комиссии.

Действующее российское законодательство о государственной службе предусматривает создание и функционирование в органах публичной власти специализированных общественно-государственных органов, в перечень полномочий которых входят задачи по обеспечению общепринятых правил служебного поведения и по профилактике коррупции. Для решения этих задач ч. 5 ст. 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе

Российской Федерации» [5] предусмотрено создание комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (далее – комиссий по урегулированию конфликта интересов) [1].

Среди мер совершенствования служебной дисциплины (как, например, меры дисциплинарной ответственности) [3] комиссии по урегулированию конфликта интересов зарекомендовали себя как наиболее перспективные структуры в регулировании ситуаций конфликта интересов.

Для понимания значимости и роли комиссий по урегулированию конфликта интересов в современной системе государственно-служебных правоотношений необходимо провести анализ проблем, возникающих в деятельности комиссии и в дальнейшем выработать практические рекомендации по их решению.

Наиболее сложным вопросом при рассмотрении судьей поступившего искового заявления для принятия по нему законного и обоснованного решения является определение оснований для отмены принятого комиссией решения. В качестве таких оснований П.А. Кабановым выделяются: а) рассмотрение материалов дела и принятие решения комиссией в незаконном составе; б) рассмотрение поступивших материалов в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных надлежащим образом о дате и месте заседания комиссии; в) принятие комиссией решения при невыясненных обстоятельствах, имеющих значение для его принятия [2].

В качестве дополнительных оснований можно предложить:

а) рассмотрение материалов дела в составе комиссии по урегулированию конфликта интересов, в которой существует конфликт интересов. К примеру, может быть выяснено, что представитель научной организации, приглашенный в качестве эксперта, имеет родственные связи с работником коммерческой организации, в отношении которой рассматривается вопрос о даче согласия на замещение должности в ней бывшего государственного служащего. При этом о возникновении личной заинтересованности заявлено не было;

б) отсутствие процедуры ознакомления государственного служащего, в отношении которого рассматривается вопрос о соблюдении требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов, с информацией, поступившей в подразделение государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностному лицу кадровой службы государственного органа, ответственному за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений, и с результатами ее проверки;

в) отсутствие извещения гражданина о месте, времени проведения заседания комиссии, если в обращении содержалось указание о намерении гражданина лично присутствовать на заседании комиссии;

г) нарушение процедуры проведения заседания комиссии. Например, гражданскому служащему, замещавшему должность государственной служ-

бы в государственном органе и известившему комиссию о желании дать пояснения по материалам дела, было отказано в заслушивании его пояснений;

д) отсутствие разрешения на приобщение к протоколу заседания комиссии особого мнения члена комиссии, несогласного с решением комиссии и изъявляющего желание выразить в письменной форме свое мнение;

е) отказ председателя комиссии в рассмотрении в ходе заседания комиссии дополнительных материалов, имеющих существенное значение для гражданина, замещавшего должность государственной службы в государственном органе, при рассмотрении и вынесении решения в процессе заседания комиссии.

Безусловно, указанный список процессуальных оснований отмены обязательных решений комиссии, не является исчерпывающим и может дополняться в зависимости от различных аспектов организационно-правовой деятельности комиссий.

Необходимо отметить и другую проблему, возникающую в процедурной деятельности комиссии. Так, отсутствует регламентация правоотношений, возникающих в связи с обжалованием решения, которое носит обязательный характер (решение о даче согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по государственному управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности, до истечения двух лет со дня увольнения с государственной службы).

Порядок обжалования регламентирован главой 22 Кодекса административного судопроизводства [4].

На наш взгляд, в Указ Президента от 01.07.2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» [6] необходимо внести соответствующие изменения, которые бы давали право гражданину, замещавшему должность государственной службы в государственном органе, обжаловать в письменной форме решение комиссии в суд. Представляется возможной такая формулировка вышеуказанного положения:

«Гражданин, замещавший должность государственной службы, включенную в перечень должностей, утвержденный нормативным правовым актом Российской Федерации, в государственном органе, вправе обжаловать в письменной форме решение о даче несогласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по государственному управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности, до истечения двух лет со дня увольнения с государственной службы в суд».

Таким образом, многие аспекты организационно-правового функционирования комиссий являются недостаточно урегулированными и требуют дальнейшего совершенствования с учетом правоприменительной практики,

что позволит обеспечить реальное содействие комиссий в урегулировании конфликта интересов и соблюдении принципов служебного поведения.

Список литературы

1. Кабанов П.А. Прекращение производства по материалам, поступающим на рассмотрение комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов: основания и порядок // Административное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 35.
2. Кабанов П.А. Процессуальные основания и порядок отмены обязательных решений, принимаемых Комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов // Административное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 17.
3. Писаренко Е.С., Передрий Т.Е. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты. 2016. Том III. С. 374-376.
4. Федеральный закон РФ № 21-ФЗ от 08.03.2015 г. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 2015. N 10. ст. 1391.
5. Федеральный закон РФ № 79-ФЗ от 27.07.2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12136354/> (дата обращения: 15.10.2016).
6. Указ Президента РФ № 269 от 3.03.2007 г. «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25084> (дата обращения: 19.12.2016).

НОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Ситкина М.Н.

доцент кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности,
канд. юрид. наук, доцент, Владивостокский филиал ДВЮИ МВД России,
Россия, г. Владивосток

В настоящей статье анализируются правоохранные и регулятивные нормы административного права, направленные на предупреждение преступлений и административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: наркотические средства и психотропные вещества, преступления, предупреждение, нормы административного права.

В современной России проблема незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ является одним из наиболее опасных факторов подрыва физического и морального здоровья общества, дестабилизации социальной обстановки и экономики страны.

Общее ухудшение наркоситуации неизбежно обуславливает рост правонарушений в сфере оборота наркотических средств и психотропных ве-

ществ. Так, например, если в Приморском крае 2007 году сотрудниками правоохранительных органов было выявлено 3 948 административных правонарушений [1], то в 2016 году только сотрудниками полиции – 9 800 правонарушений [2].

В Особенной части КоАП РФ предусмотрена ответственность за многие деяния в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, реагируя на которые мерами административно-правового воздействия удаётся пресечь накопление их общественной опасности, не допустить их перерастание в соответствующие преступления. Очевидно, что не только причины и условия, но и содержание, а также формы проявления, с одной стороны, преступлений в рассматриваемой сфере, а с другой – административных правонарушений в значительной мере совпадают. У них одинаковые объекты и субъекты, субъективная сторона, совпадают большинство признаков объективной стороны. Единственное, что их различает, это цель, последствия, размер наркотических средств. Не случайно, что название некоторых видов преступлений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ и соответствующих административных правонарушений одинаковы. Например, это статьи 6.8, 6.10, 6.15, 6.16, 10. 5 КоАП РФ [2] и соответствующие составы преступлений 228, 228-1, 228-2, 231 УК РФ [3]. Применение в этих случаях мер административного принуждения прерывает неблагоприятную динамику «перерождения» административного правонарушения в более опасное посягательство – одноименное преступление. Так, привлечение в соответствии со ст. 6.16 КоАП РФ лица к ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, пресекает вероятностную трансформацию этого правонарушения в аналогичные действия, но повлекшие утрату этих средств либо неосторожное причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия.

Кроме того, необходимо вспомнить, что каждый конкретный случай применения административного наказания имеет и общепреventивное воздействие, поскольку применяя санкции «административный орган от имени государства демонстрирует, что отклоняющиеся от норм поведение не осталось без реагирования. В связи с этим, акт наложения административного наказания является во многих случаях психологическим фактором, заставляющим вспомнить, что существуют и уголовные законы, предусматривающие более суровое наказание» [4, 15].

Другая, не менее значимая сторона механизма профилактического действия норм административного права в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ связана с тем, что они обеспечивают целенаправленное воздействие на детерминанты наркопреступности. В то же время более эффективному достижению этой цели будет служить, на наш взгляд, установление административной ответственности за «непринятие мер, указанных в предписании уполномоченного органа, в связи с незаконным оборотом и потреблением наркотических средств и психотропных веществ в помещении организации, осуществляющей деятельность в сфере торговли (услуг)».

Более детально регулирование предупредительной деятельности с указанием форм, методов и субъектов осуществляется Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Статья 6 рассматриваемого закона среди направлений профилактики правонарушений называет противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В целях его реализации закон особо выделяет такие формы профилактики как социальная адаптация и реабилитация в отношении лиц незаконно потребляющих наркотики или страдающих наркоманией. К сожалению, пока отсутствует комплексный нормативно-правовой акт, имеющий исключительным предметом правового регулирования рассматриваемую сферу деятельности. Данный пробел частично восполняется правотворческой деятельностью субъектов РФ. Например, принят и действует закон Приморского края от 9 апреля 2007 года (в ред. от 12.11. 2013) «О профилактике незаконному потреблению наркотических средств и психотропных веществ, наркомании на территории Приморского края».

Наряду с названными к источникам административного права относятся Федеральный закон РФ от 8 января 1998 № 3-ФЗ (с изм. и доп. от 03.07.2016) «О наркотических средствах и психотропных веществах» [5]. Он наделяет сотрудников правоохранительных органов правом применять меры административно-правового принуждения в целях предупреждения и пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. К одной из таких мер относится направление на медицинское освидетельствование для определения факта наркотического опьянения.

В соответствии с п. 1 ст. 44 закона лицо, в отношении которого имеются «достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача», может быть направлено на медицинское освидетельствование.

Пункт 2 говорит, что медицинское освидетельствование указанных лиц проводится *по направлению* (выделено автором) органов дознания, органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, следователя, судьи или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. В то же время пункт 3 этой же статьи требует от судьи, следователя, органа дознания (и только!) вынести *постановление* для направления на медицинское освидетельствование.

Мы видим в одной и той же норме права противоречия в процессуальном оформлении применения этой меры административного принуждения. Обратимся к Приказу Минздрава России от 18 декабря 2015 N 933 н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)». Анализируя главу 2 «Основания для проведения медицинского освидетельствования», приходим к выводу, что в соответствии с п. 3 ст. 5 приказа подтверждение или опровержение факта наркотического опьянения осуществляется на основании вынесенного *направления* уполномоченными должностными лицами.

Учитывая вышеизложенное, полагаем целесообразным исключить п. 3 из ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Список литературы

1. Ситкина М.Н. Противодействие органами внутренних дел административным правонарушениям в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ: Монография. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2008. С. 26.
2. Форма статистической отчетности 1016-1 Управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Приморскому краю за 2016 год.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) // Рос.газета. 2001. 31 декабря.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) Рос.газета. 1996. 18 июня.
5. Лозбяков В.П. Криминология и административная юрисдикция милиции: учебное пособие для вузов. М., 1998. С.15.
6. Российская газета. 1998.15 января.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1926 ГОДА

Степанова О.Ю.

преподаватель кафедры физической подготовки и прикладных единоборств,
соискатель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет
МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье дается краткий исторический анализ подхода законодателя к определению понятия изнасилования, его признаков и построение санкций за рассматриваемое деяние.

Ключевые слова: изнасилование, уголовный кодекс, санкции, обман, беспомощное состояние.

Уголовный кодекс 1926 РСФСР года не содержал отдельной главы о половых преступлениях, соответствующие нормы были размещены в гл. VI «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности».

В статье 153 УК законодатель скорректировал подход к определению понятия изнасилования, закрепив в качестве альтернативного способа обман: «... или с использованием путем обмана беспомощного состояния потерпевшего лица».

В учебной литературе тех лет обращалось внимание на некорректность данной формулировки. Ученые отмечали, что буквальное толкование текста закона позволяет не считать изнасилованием случаи, когда виновный воспользовался беспомощностью потерпевшей, не прибегая к обману (обмороченное состояние) [6, с. 600]. Однако смысл нормы был более широким и под её действие попадали все случаи, при которых потерпевшее лицо фактически находилось в беспомощном состоянии, которым воспользовался преступник для совершения полового сношения. В тоже время под данную статью не попадали случаи использования обмана, не связанного с беспомощным со-

стоянием жертвы (например, обещание жениться). Полагаем, что необходимость в уточнении способа использования беспомощного состояния жертвы не имела смысла, поскольку беспомощность сама по себе предполагает неспособность лица осознавать происходящего (в силу разных причин: возраст, опьянение и т.д.) и/или оказывать сопротивление и выражать свою волю [7, с. 147-148].

На протяжении ряда лет судебная практика исходила из того, что «обещание жениться и уверение в любви не является признаками, предусмотренными ст. 153 УК». Однако встречалось и иное решение этого вопроса. В определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 20.02.1946 г. было указано, что «последующий отказ от женитьбы со стороны лица, имевшего половое сношение с женщиной, на которой он обещал жениться может служить основанием для обвинения в изнасиловании только в том случае, если по делу установлено, что обещание было дано с целью обмана и что намерение на отказ возникло до полового сношения» [1, с. 11-12].

Вступление в половую связь с женщиной в результате ложного обещания жениться на ней можно признать изнасилованием лишь в отдельных случаях, когда при этом совершались обманные действия, вызывающие у потерпевшей ложное представление о лице, вступающем с ним в половую связь, как о муже (например, предварительная подача заявления о регистрации брака и т.д.) [5, с. 180-181].

С точки зрения социалистического права, вступление в брак не лишало женщину половой свободы. Поэтому мужчина не правомочен принудить к половой связи женщину, с которой он состоит в браке или сожительствует. В буржуазной науке уголовного права вопрос о возможности изнасилования мужем жены решался отрицательно. Русский дореволюционный юрист И.Я. Фойницкий утверждал, что «предметом изнасилования не может быть собственная жена виновного или даже женщина, с которой он состоит в продолжающейся половой связи: если совокупление с такой женщиной достигнуто путем насилия, то возможна ответственность лишь за последнее» [8, с. 142].

В качестве квалифицирующих признаков дополнены особенностями потерпевшего – лицо, не достигшее половой зрелости и групповой характер действий. Криминализируя изнасилование и насильственные действия сексуального характера в одной статье, определяя их как «половое сношение», законодатель вновь позволяет признать потерпевшим лицом как женщину, так и мужчину.

Наличие сравнительно мягких санкций за изнасилование в УК РСФСР 1926 г. (при наличии отягчающих обстоятельств предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком до 8 лет) долгое время влекло интересные прецеденты, применение аналогии и даже политизацию насильственных сексуальных преступлений. При совершении изнасилования большой группой лиц или при помощи особо циничных хулиганских способов, оно квалифицировалось как бандитизм (ст. 593 УК). Примером служит так называемое «чубаровское дело»: рабочие ленинградского завода «Кооператор» 21 авгу-

ста 1926 г. изнасиловали девушку – рабфаковку. Насилие совершали 40 человек, среди которых 9 – комсомольцы и 1 – кандидат в члены ВКП (б). В ходе следствия первоначальное определение как изнасилование группой лиц из хулиганских побуждений было переqualифицировано на бандитизм, который входил в группу наиболее тяжких государственных преступлений. А то обстоятельство, что жертва оказалась комсомолкой, позволило породить мысль, что преступники – люди социально чуждые, опасные социалистическому строю и именно поэтому их действия были направлены против комсомолки. Обвинители жестко подчеркнули черты «романтичности» насильников. Приговор был суров: 7 человек были приговорены к расстрелу. Максимальным наказанием за групповое изнасилование в то время считалось лишение свободы сроком до 8 лет [4; 8, с. 92-94].

После капитуляции Германии появились сообщения о массовых групповых изнасилованиях немецких женщин солдатами передовых наступающих частей Красной армии. Можно вспомнить утверждения британского историка Э. Бивора в книге «Падение Берлина 1945» об изнасиловании немок во времена Великой отечественной войны – в западной прессе оперировали данными о двух миллионах женщин от 8 до 80 лет, взятых в сексуальное рабство красноармейцами [3, с. 7].

4 января 1949 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», который повысил санкции за изнасилование – заключение в исправительно-трудовой лагерь, сроком от 10 до 15 лет. За изнасилование несовершеннолетней потерпевшей, групповое изнасилование либо повлекшее тяжкие последствия (квалифицирующий признак) предусматривалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь на срок от 15-ти до 20-ти лет [2, с. 29].

Говоря о стабильно высокой степени общественной опасности половых преступлений считаем эти действия советского законодателя по выделению несовершеннолетних в качестве самостоятельных субъектов уголовно-правовой охраны и ужесточение наказания за сексуальное насилие в отношении них обоснованными.

Список литературы

1. Андреева Л.А., Цэнгэл С.Д. Квалификация изнасилований: учебное пособие. 3-е издание, перераб. и доп. СПб., 2005. 187 с.
2. Московский большевик. № 4. 1949 г. 6 января; Уголовное законодательство СССР и союзных республик: сб. (Основные законодательные акты) / под ред. Д.С. Карева. М., 1957. 94 с.
3. Рабичев Л.Н. «Война все спишет» // Знамя. № 2, 2005. 64 с.
4. Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 8 июля.
5. Советское уголовное право: Особенная часть / под ред. М.Д. Шаргородского, И.И. Слущкий, Н.А. Беляев. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета. 1959. 239 с.
6. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.А. Герцензона и А.А. Пионтовского. 2-е изд-е перераб. М.: Юрид. из-во НКЮ СССР, 1939. 227 с.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная, изд. 7-е. СПб., 1916. 157 с.
8. Чубаровщина (по материалам судебного процесса). М.-Л., 1927; Панин С.Е. Хозяин улиц городских. Хулиганство в советской России в 1920-е годы // Родина. 2002. №2. 45 с.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО РЫНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Фокеев С.С.

магистрант 2 курса Юридического института имени М.М. Сперанского, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, юрисконсульт, ООО «Владимирский инжиниринговый центр использования лазерных технологий в машиностроении при ВлГУ», Россия, г. Владимир

В статье затрагиваются вопросы эффективности рынка интеллектуальной собственности в России в советский и современный период в сравнении с иностранными рынками. Рассматривается вопрос государственного стимулирования рынка интеллектуальной собственности и его перспектив.

Ключевые слова: рынок интеллектуальной собственности, интеллектуальные права, патент, инновации, государственное стимулирование, Всемирная организация интеллектуальной собственности.

Одним из ключевых факторов развития современного цивилизованного общества является уровень достижений науки, техники и возможности применения их на практике. Для увеличения потенциала страны в этой области требуется качественная технологическая и техническая база, человеческий капитал и формирование правовых предпосылок. В первую очередь от этого зависит уровень интеллектуального потенциала государства, а значит и широта возможностей при решении проблем социально-экономического развития страны.

В условиях роста международной торговли и глобализации мировой экономики вопросы использования и охраны интеллектуальной собственности приобретают все большее значение. Особенно это характерно для организаций и предприятий, задействованных в предпринимательской, коммерческой, внешнеэкономической и производственной сферах.

Рынок интеллектуальной собственности в России функционирует не эффективно в части интеллектуального товара: технологий, изобретений и иных научно-технических разработок [1]. В нашей стране главным приоритетом по-прежнему остается рынок материальных товаров. Ведущие же европейские, азиатские страны и США придерживаются диаметрально иного подхода. Ведущая роль там отводится ни чему иному как результатам интеллектуальной собственности. Соответственно и данный институт имеет намного более высокий уровень развития.

Истоки проблем жизнеспособности института интеллектуальной собственности в России возникли еще в советский период. Отсутствовали потребность экономики к инновациям, спрос со стороны промышленности на изобретения и иные объекты. Соответственно у изобретателей и предпринимателей отсутствовала мотивация к инновационной деятельности. Такое положение дел и невосприимчивость к инновациям Российской экономики привели к стагнации в сфере научно-технического прогресса, которая ча-

стично сохранилась и по сей день. Всего в советский период ежегодно подавалось порядка 180 тысяч заявок на получение патента или авторского свидетельства.

К концу 20 века показатели России по количеству подаваемых в год патентов была на одном уровне с Китаем. Так, в соответствии с информацией Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) в 1995 г. количество поданных заявок практически было одинаковым – соответственно 41773 и 41357 [2].

В начале второго десятилетия 21 века дела в сфере патентования у России не продвинулись вперед, тогда как тот же Китай сделал гигантский скачок и вышел в мировые лидеры по количеству поданных заявок. По информации ВОИС в 2012 году от России было подано 44211 патентных заявок [3], что почти тождественно показателям 20-ти летней давности. Китай же в 2012 году подал 652777 заявок на получение патента, что практически в 16 раз больше, чем в 1995 году. Стагнация России в сфере интеллектуальной собственности на фоне достижений Китая вырисовывается очень выразительно.

По состоянию на 2016 год самыми успешными странами в сфере внедрения инноваций по информации ВОИС [4] являются: Китай, который подал 1101864 патентные заявки, США с 589410 заявками, и Япония – 318,721. Россия, которая в 2012 году занимала в данном рейтинге 7 место, к 2016 году опустилась на десятое.

Проблему такого медленного развития института интеллектуальной собственности было бы целесообразно решать путем государственного стимулирования изобретательства. В России же практически отсутствуют нормы, которые бы побуждали ученых и предпринимателей к действиям по внедрению инноваций [5]. В Гражданском кодексе РФ есть статья 1355 о государственном стимулировании создания и использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Но она, по большей части, остается декларативной.

В государстве функционирует система, при которой льготной является деятельность организаций, которые занимаются научно-исследовательскими, опытно-конструкторскими и технологическими работами. Но возможность предоставления налоговых льгот на НИОКР, не обладающих новизной, которые осуществляются за счет бюджетов различных уровней, существенно снижает заинтересованность хозяйствующих субъектов в разработке передовых технологий, зачастую превращается в удобную лазейку для легкого «освоения» бюджетных денег, но никак не стимулирования инновационной деятельности [6]. Представляется, что для создания полноценного рынка интеллектуальной собственности, конкурентного зарубежным рынкам, требуются кардинальные политические и законодательные решения.

Список литературы

1. Дорощенко Г.И. Развитие системы рыночных институтов в постсоветской России // Вестник Российского нового университета. 2012. N 3. С. 32-42.
2. Еременко В.И. О налоговом законодательстве России в сфере инновационной деятельности // Законодательство и экономика. 2011. N 10. С. 26-35.

3. Еременко В.И. Российское законодательство о промышленной политике // Законодательство и экономика. 2015. N 3. С. 7-16.
4. Industrial Property Statistics 1995 // Publication A. WIPO. Geneva, 1997.
5. WIPO IP Facts and Figures, 2013 // www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/statistics/943/wipo_pub_943_2013.pdf.
6. Industrial Property Statistics 2016 // www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2016.pdf

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Шукула И.Р.

зав. кафедрой административного и финансового права, канд. юрид. наук,
доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации детоубийства, сложность конструкции ст. 106 УК РФ, включающей три самостоятельных состава преступления, использование в диспозиции таких неоднозначных терминов как, «новорожденный», «мать», «во время или сразу же после родов», отсутствие законодательного закрепления признака, положенного в основу смягчения наказания за совершение данного вида детоубийства – являются лишь основными проблемами, требующими незамедлительного законодательного урегулирования.

Ключевые слова: новорожденный ребенок, мать, убийство, квалификация, уголовно-правовая политика.

Насилие над детьми объединяет достаточно широкий диапазон противоправных деяний, посягающих на личные права малолетних, наиболее ценным из которых является право на жизнь. Для любой страны дети – ее главное достояние, залог будущего функционирования и развития. Убийство детей негативно сказывается на общей демографической ситуации в стране, подрывают систему ее государственной безопасности, поэтому защита жизни каждого ребенка должна стать основным приоритетом уголовно-правовой политики государства [5, с. 10].

Убийство матерью новорожденного ребенка одно из распространенных и опасных проявлений против жизни личности. В практической деятельности органов дознания, следствия и суда вызывает затруднение не только выявление этого преступления, его квалификация, но и решение вопросов, связанных с назначением наказания, при этом особую трудность представляет установление объективной стороны преступления, а между тем, данный элемент состава преступления является одним из исходных моментов при установлении квалификации деяния, разграничения схожих преступлений.

Уголовным кодексом РФ впервые в законодательстве РФ специально выделено убийство матерью своего новорожденного ребенка в самостоятельную статью 106. Вопрос о выделении этого преступления в самостоятельный

состав являлся дискуссионным: одни высказывались за его выделение, другие – против [1, с. 12].

С появлением в уголовном законодательстве данной нормы восполнены отдельные пробелы, с которыми столкнулась правоприменительная практика последних лет.

Основаниями выделения данного состава выступает то, что беременность, в особенности нежелательная, и физиологические роды крайне неблагоприятно сказываются на психике женщины, при беременности нередко появляется повышенная раздражительность, переменчивость в настроении, возбудимость, плаксивость, вспыльчивость. Эти особенности и «могут толкнуть женщину на совершение необдуманных поступков, вызвать повышенную, а иногда и неадекватную реакцию на те или иные внешние факторы».

В анализируемой статье фактически предусматриваются 3 самостоятельных привилегированных вида детоубийства:

- 1) убийство матерью новорожденного ребенка в период или сразу же после родов;
- 2) убийство матерью новорожденного ребенка в обстоятельствах психотравмирующих ситуаций;
- 3) убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, которое не исключает вменяемости.

Поскольку в данной статье говорится об убийстве новорожденного ребенка, нужно, прежде всего, определить: что характеризует новорожденность, с какого момента и до какого периода ребенок считается таковым? В УК РФ не содержится данное определение. Грамматически новорожденный – это только что или недавно родившийся.

В общепринятом медицинском значении новорожденность определяется в качестве начального периода жизни ребенка и адаптации его к условиям постнатальной жизни [3, с. 12].

Продолжительность периода новорожденности определяется в медицине по-разному. Педиатры считают, что период новорожденности длится с момента рождения ребенка до 4 недель (28 дней).

С точки зрения акушерской практики исследователи признают ребенка новорожденным в течение первых 10 дней после рождения. В судебной медицине продолжительность периода новорожденности признается равной: одними авторами – одним суткам после рождения, другими – первым-вторым суткам после рождения.

В соответствии с особенностями объективной стороны и видов анализируемого преступления указанные критерии новорожденности используются по-разному.

Ни ст. 106 УК РФ, ни какой-нибудь другой нормативный акт не раскрывает понятия «сразу же после родов». В теории и судебной практике предлагается использовать в данном случае судебно-медицинский критерий равный 1 суткам со времени рождения ребенка [4, с. 25].

На наш взгляд, законодатель, вводя понятие «сразу же после родов», не имел в виду такой длительный период как равный одним суткам. Согласно

грамматическому толкованию, термин «сразу же» означает немедленно, в тот же момент. Именно в этом его прямом, буквальном смысле он должен толковаться и юридически.

В силу сказанного, убийством, совершенным сразу же после родов, должно признаваться убийство, которое совершено, как только ребенок отделился от тела матери, поскольку законом предусматривается ответственность не только за убийство младенца сразу же после родов, но и во время родов, важно установить, при совершении в какой момент родов это деяние можно признать рассматриваемым убийством. Решение этого вопроса надо поставить напрямую в зависимость от того, когда считается начавшейся человеческая жизнь.

С того момента, с которого признается начавшейся жизнь, посягательство на жизнь рождающегося ребенка должно относиться к данному виду убийства.

Вопрос же о времени начала жизни человека в юридической литературе решается не однозначно. Согласно мнению одних, начальный момент жизни – это начало физиологических родов, другие считают, что жизнь начинается только с момента прекращения внутриутробного существования плода [2, с. 55]. Мы также считаем, что жизнь следует признать начавшейся с начала родов.

Здесь возникает другой вопрос, с какого момента этих родов следует признать жизнь начавшейся, поскольку медики рассматривают роды в качестве физиологического процесса изгнания из полости матки через родовые пути плода, который происходит в два периода: первый – период раскрытия, второй – период изгнания.

О начале родов свидетельствует появление родовых схваток, а они начинаются в первый период родов, поэтому мы считаем, что человеческую жизнь следует признать начавшейся с первого периода физиологических родов и новорожденным надо признать младенца в период от начала жизни (первый период родов) до 4 недель.

Посягательство на жизнь младенца с начала первого периода родов следует расценивать в качестве убийства новорожденного ребенка (хотя мы не встретили в судебной практике ни одного случая убийства в этот период).

При убийствах матерью новорожденного ребенка в обстоятельствах психотравмирующих ситуаций или в состоянии психического расстройства, которое не исключает вменяемости, которые совершаются после родов и влекут также смягченную ответственность, для установления продолжительности периода новорожденности применяется педиатрический критерий равный 4 неделям – 28 дням со времени рождения ребенка. Соответственно, убийство матерью собственного ребенка с его рождения до 4-х недельного возраста, осуществленное в обстоятельствах психотравмирующих ситуаций или в состоянии психического расстройства, которое не исключает вменяемость, может быть квалифицировано по ст. 106 УК. Убийство же ребенка, хотя и совершенное в подобных ситуациях, но за пределом вышеуказанного периода необходимо квалифицировать по п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ.

В связи с изложенным предлагаем следующую редакцию ст. 106 УК РФ:

Статья 106. *Убийство матерью новорожденного ребенка. Убийство матерью новорожденного ребенка в период или сразу же после родов в результате неожиданно появившегося умысла под влиянием сложных личных или семейных ситуаций* – наказывается в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Список литературы

1. Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966. С. 256.
2. Келина С.Г. Вступительная статья. УК РФ. М.: Бек, 1996. С. ХБ (40).
3. Скробанский К.К. Учебник акушерства. М., 1946, с. 350.
4. Хатуев В. Б. Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: дисс. ... канд. юрид. наук 12.00.08 / В.Б. Хатуев. М., 2004.
5. Яхьяева М. У. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения // Молодой ученый. 2015. №24.

ОТМЕНА УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ): ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Шкилева Н.Л.

аспирант кафедры гражданского права,
Юго-Западный государственный университет, Россия, г. Курск

Данная статья посвящена одному из институтов семейного законодательства – отмене усыновления. Автор в статье рассматривает проблемы практического применения данного института. Предложены меры по усовершенствованию современного семейного законодательства в части регулирования института усыновления.

Ключевые слова: отмена усыновления, усыновители, усыновленный, защита.

Одной из форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление (удочерение).

В СК РФ закреплены условия, порядок и правовые последствия усыновления, а также основания и порядок прекращения усыновления (глава 19). Данные нормы направлены на обеспечение прав и интересов, как ребенка, так и лиц, желающих его усыновить.

Отмена усыновления выступает в качестве юрисдикционной меры защиты прав и законных интересов ребенка, целью которой является на прекращение его правоотношений с усыновителями. Защитный характер отмены усыновления подтверждает и то, что она возможна по общему правилу до достижения ребенком совершеннолетия (ст. 144 СК) [1].

Основания отмены усыновления различны. В соответствии с п.1 ст. 141 СК РФ усыновление может быть отменено при наличии виновного поведения усыновителей, когда они уклоняются от выполнения возложенных на них обязанностей, злоупотребляют родительскими правами, жестоко обращаются с усыновленным ребенком, являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией.

В перечисленных случаях отмена усыновления имеет сходство с лишением родительских прав, поскольку допускается в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения усыновителями их обязанностей по отношению к детям. Вместе с тем перечень оснований к отмене усыновления не является закрытым, что позволяет использовать данную меру во всех случаях, когда дальнейшее пребывание ребенка в семье усыновителя может причинить ему вред. Поэтому суд вправе отменить усыновление ребенка и при отсутствии виновного поведения усыновителя, когда по обстоятельствам, как зависящим, так и независящим от усыновителя, не сложились отношения, необходимые для нормального развития и воспитания ребенка.

К таким обстоятельствам, в частности, можно отнести отсутствие взаимопонимания в результате особенностей характера усыновителя и (или) усыновленного, в результате чего усыновитель не пользуется авторитетом у ребенка либо ребенок не ощущает себя членом семьи усыновителя; выявление после усыновления умственной неполноценности или наследственных отклонений у ребенка, которые затрудняют либо делают невозможным процесс его воспитания, о наличии которых усыновитель не был предупрежден при усыновлении; восстановление дееспособности родителей ребенка, к которым он сильно привязан и не может забыть их после усыновления, что отрицательно сказывается на его эмоциональном состоянии и т.п. (п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8). В указанных случаях суд вправе отменить усыновление исходя из интересов ребенка и с учетом мнения самого ребенка, если он достиг возраста 10 лет.

Правом требовать отмены усыновления обладают родители ребенка, его усыновители, сам ребенок по достижении им возраста 14 лет, орган опеки и попечительства, а также прокурор.

Некоторые авторы полагают необходимым законодательно предусмотреть случаи возможного обращения усыновителей с заявлением об отмене усыновления в случае, если при усыновлении были нарушены их интересы [5]. На наш взгляд, такая норма не соответствует интересам усыновленного ребенка и смыслу законодательства. Лица, усыновившие ребенка, имеют те же права и обязанности, что и кровные родители. Семейное законодательство не предусматривает возможность родителей отказаться от ребенка, поэтому полагаем, что по аналогии данное правило можно применить и к усыновителям.

Заявление об отмене усыновления рассматривается судом в порядке искового производства с обязательным привлечением органа опеки и попечительства, а также прокурора.

Дела об отмене усыновления составляют самостоятельную категорию гражданских дел, поэтому их не надо путать с лишением родительских прав. Об этом указано и в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8: «Поскольку родительские права и обязанности возникают у усыновителей в результате усыновления, а не происхождения от них детей, необходимо иметь в виду, что в случаях уклонения усыновителей от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребления этими правами либо жестокого обращения с усыновленными, а также если усыновители являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией, судом может быть решен вопрос об отмене усыновления (статья 140, пункт 1 статьи 141

СК РФ), а не о лишении или ограничении родительских прав (статьи 69, 70, 73 СК РФ). В указанных случаях согласия ребенка на отмену усыновления не требуется (статья 57 СК РФ)».

Перечисленные в п. 1 комментируемой статьи основания к отмене усыновления совпадают с некоторыми основаниями лишения родительских прав. Поскольку права и обязанности усыновителей и усыновленных приравниваются к правам и обязанностям родителей и детей (п. 1 ст. 137 СК), то суд при рассмотрении иска об отмене усыновления, заявленного на основании п. 1 комментируемой статьи, должен исследовать те же обстоятельства, что и при рассмотрении иска о лишении родительских прав (см. комментарий к ст. 69 СК).

Отмена усыновления ребенка влечет прекращение взаимных прав и обязанностей усыновленного ребенка и усыновителей. Взаимные права и обязанности ребенка и его родителей восстанавливаются при условии, если это соответствует интересам ребенка.

Отмена усыновления не допускается, если ко времени подачи искового заявления усыновленный достиг возраста 18 лет, за исключением случаев, когда на отмену усыновления имеется взаимное согласие усыновителя и совершеннолетнего усыновленного, а также его родителей, если они живы, не лишены родительских прав или не признаны судом недееспособными.

В литературе можно встретить различные точки зрения по поводу института усыновления. Так, А.З. Дзугаева полагает необходимым исключить данный институт из СК РФ.

Другие, напротив, считают невозможным отказаться от института отмены усыновления [3, с. 7; 5, с. 166-171].

По нашему мнению, институт отмены усыновления необходим в семейном законодательстве, поскольку он защищает права и интересы ребенка в случае их нарушения. И хотя в литературе встречается мнение, что противоправное поведение усыновителей порождает меры ответственности, мы считаем, что институт отмены усыновления не является мерой ответственности, а наоборот является мерой защиты интересов усыновленных детей.

При этом в целях исключения злоупотребления правами, предоставленными законом усыновленным и иным лицам, представляющим их интересы, полагаем необходимым сделать закрытый перечень оснований отмены усыновления и дополнить ими Семейный кодекс РФ. За основу можно было бы взять те основания, которые перечислены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8.

Список литературы

1. Семейный кодекс РФ (от 29.12.1995 г., в ред. от 30.12.2015г.)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (в ред. от 17.12.2013 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении)»
3. Гливинская И.Н. Сущность ответственности по семейному законодательству // Семейное и жилищное право. 2008. № 3. С. 7.
4. Комментарий к СК РФ // <http://stskrf.ru/141> (дата обращения 16.01.2017 г.)
5. Рот Л.Г. Природа ответственности лиц, заменяющих родителей, в случае неисполнения ими обязательств // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 166-171.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

**ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ
И АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ****Галеев А.В.**

студент юридического факультета,
Военный университет Министерства обороны РФ, Россия, г. Москва

В статье армия рассматривается в качестве специфического политического института политической системы России, необходимого и важнейшего элемента политической организации общества, который остается наиболее действенным средством реализации политических решений в сфере безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: власть и армия, партийная система России, силовики.

Обыденно понятие «армия» употребляется для обозначения вооруженных сил государства, то есть специально создаваемых им структур, способных вести боевые действия. В научной литературе распространено следующее определение: армия (от лат. *armare* – вооружать) – организованное объединение вооруженных людей, созданное и содержащееся государством для ведения наступательной или оборонительной войны [1, с. 45]. Она, в отличие от действительных институтов политики, не связана с непосредственной политической деятельностью, не является самостоятельным субъектом политики, участвующим в борьбе за власть, в формировании политики государства, политическом процессе.

Армия представляет собой особый институт государства, подчиняющийся органам государственной власти. Раскрытие взаимосвязи и взаимовлияния партийной системы и вооруженных сил предполагает выявление сущности, характера и направлений деятельности партий и рассмотрение деятельности Вооруженных сил РФ, как в мирное, так и в военное время, а также непосредственно связанных с ними субъектов политики.

Армия является специфическим политическим институтом, необходимым и важнейшим элементом политической организации общества. Реальная политическая власть постоянно прямо или косвенно опирается на армию, которая остается наиболее действенным средством реализации политических решений в сфере безопасности. Безопасность общества направлена на сохранение территориальной целостности и суверенитета государства, обеспечение внутренней стабильности и надежной защиты его от внешней угрозы, реализацию прав и свобод своих граждан. Следует отличать понятия «национальная» и «государственная» безопасность. Они находятся в диалектической взаимосвязи, но по своему содержанию не всегда совпадают.

В большинстве стран национальный и государственный аспекты политики идентичны, поэтому содержательная сторона их едина. Применительно к России понятие «национальной безопасности» значительно шире понятия

«национально-государственная безопасность». Россия является результатом исторического развития русской нации в содружестве с другими этническими общностями страны. Поэтому сфера распространения национальных интересов Российской Федерации как государства выходит за его границы, в те регионы и государства, где проживает русскоязычное население. Следовательно, защита русскоязычного населения, всех граждан культурно или этнически отождествляющих себя с Российской Федерацией за ее пределами, должна быть ключевой в системе национальной безопасности государства [2, с. 29].

Одним из важнейших компонентов безопасности страны является военная безопасность. Военная безопасность страны – это понятие, отражающее такой уровень связей и отношений между государствами, народами, который позволяет предупредить агрессию, обеспечивает народам ненасильственное их развитие на основе предотвращения и исключения вероятности разрешения политических и других видов противоречий с помощью войны или вооруженных столкновений. Она должна быть направлена, в первую очередь, на сохранение территориальной целостности и защиту суверенитета страны; на недопущение подрыва стратегической стабильности и установления некоторыми государствами военно-политического доминирования; на предотвращение вооруженных конфликтов и возможность распространения ядерного оружия; на отстаивание и защиту интересов общества, государства и личности. На решение указанных целей и задач существенное влияние оказывают и специфические особенности функционирования военной безопасности в тех или иных конкретно-исторических условиях.

В общих основах военной доктрины России, подчеркивается, что Российская Федерация обеспечивает свою военную безопасность всей совокупностью имеющихся в ее распоряжении средств и потому считает необходимым иметь Вооруженные Силы и другие войска. Армия создается для предотвращения войны. И если экономическими, политическими, идеологическими и другими средствами предотвратить войну не удалось, защита государства передается в руки армии.

Причем в военной доктрине предусмотрено, что Вооруженные Силы и другие войска могут применяться с целью:

- защиты суверенитета и территориальной целостности, других жизненно важных интересов Российской Федерации в случае совершения агрессии против неё или её союзников;
- пресечения вооруженных конфликтов, любого противоправного вооруженного насилия на Государственной границе, границе другого государства в соответствии с договорными обязательствами или в пределах территории Российской Федерации, угрожающих их жизненно важным интересам.
- проведения операций по поддержанию мира по решению Совета Безопасности ООН или в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации.

Армия и политическая власть находятся в объективно обусловленной взаимосвязи. Как функционирование армии невозможно без повседневного

политического руководства, так и существование власти немыслимо без такого действенного силового инструмента. Эта связь подтверждается следующими факторами:

а) армия всегда находится в центре политики по причине того, что она является наиболее организованным, дисциплинированным, владеющим оружием институтом государства. Вооруженные Силы Российской Федерации – государственная военная организация, составляющая основу обороны Российской Федерации. Вооруженные Силы Российской Федерации предназначены для отражения агрессии, направленной против Российской Федерации, для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также для выполнения задач в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами и международными договорами Российской Федерации. Ни один институт государства не обладает такой силой, как армия. Она реализует цели и задачи военной политики, выработанной законодательными органами государственной власти;

б) армия является гарантом стабильности политического режима;

в) в случаях политической нестабильности, возникновения кризисных ситуаций, конфликтов, вероятности переворота внутри страны или в других странах региональные воинские части или армия почти всегда приводились в повышенную боевую готовность, формировались специальные армейские подразделения.

г) армия – наиболее стабильный политический институт государства. Большинство министров, главы государственных структур и сами структуры при смене руководства страны уходят в отставку, а в результате кризисных ситуаций – ликвидируются и взамен им создаются новые.

д) в условиях политической нестабильности в обществе вооруженные силы почти всегда превращаются в объект соперничества борющихся за власть политических группировок.

Офицерский состав регулярно пытаются втянуть в межпартийную борьбу. Армия же обеспечивает стабильность общества своим неучастием в политической борьбе, отсутствием партийных симпатий и антипатий, невозможностью для каких бы то ни было сил использовать ее в политических или иных целях, твердостью и последовательностью ее государственных позиций, ориентированных на поддержку закона, государственных устоев, законодательной и исполнительной власти.

Анализ событий на Кавказе показывает, что армия может быть единственным органом, обеспечивающим твердость и последовательность в действиях государственной власти по восстановлению конституционного порядка и стабилизации положения в обществе.

Вооруженные силы как хорошо организованный государственный институт имеют свои специфические интересы. Заявляя и отстаивая их, армия выступает в качестве относительно самостоятельного субъекта политики. По своему прямому назначению армия ориентирована на сохранение внешнего

мира. Ее органы управления внимательно следят за развитием военного дела в развитых государствах и военно-политической обстановки в регионах, стремясь не оказаться в аутсайдерах. Генеральный штаб, военная разведка, другие службы отслеживают и накапливают огромный военно-политический материал, вырабатывают и предлагают высшим органам власти, обществу определенную линию поведения. А высшие органы государственной власти, соответственно, должны принимать правильные решения.

Особый порядок взаимодействия мы можем наблюдать в военное время, а также во время введения чрезвычайного положения на основании ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении» (попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления) [3, с. 1], когда Вооруженные силы обладают особым статусом по отношению к другим институтам государства и общества, в том числе и к политическим партиям.

Федеральные законы предписывают приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения военного или чрезвычайного положения [4, с. 1].

Укрепление Вооруженных сил России в современных условиях является важнейшей задачей всех ветвей власти, политических партий и движений, каждого гражданина Российской Федерации.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что армия и политическая власть находятся в объективно обусловленной взаимосвязи. Как функционирование армии невозможно без повседневного политического руководства, так и существование власти немыслимо без такого действенного силового инструмента, как Вооруженные силы РФ.

Список литературы

1. Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986. С.45.
2. Смирнов В. Н. Противоречия формирования и функционирования военной безопасности Российской Федерации (социально-философский анализ): дис... канд. фил. наук. Москва, 1996. С. 29.
3. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. N 61-ФЗ "Об обороне" (ред. 3 июля 2016 г.). Ст. 10. <http://garant.park.ru>.
4. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении». Ст. 7; Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ "О чрезвычайном положении". Ст. 3. АИПС «Гарант». <http://garant.park.ru>.

ЭРНСТ ЛЮДВИГ ФОН ГЕРЛАХ – ОСНОВАТЕЛЬ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ПРУССИИ

Насырова Л.Г.

доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, канд. ист. наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

В статье представлены основные идеи, а также факторы, повлиявшие на их формирование видного теоретика, основателя и лидера консервативной партии Пруссии Эрнста Людвиг фон Герлаха.

Ключевые слова: Пруссия, консерватизм, политический консерватизм, партия.

"Главными фигурами прусского консерватизма были братья Герлахи...", – констатируется в одной из современных отечественных работ [2, с. 80-93]. Это справедливое мнение особенно точно в отношении Эрнста Людвиг фон Герлаха.

Видный теоретик, организатор в 1848 г. и на протяжении следующих 20-ти лет авторитетный лидер консервативной партии Пруссии Э.Л. фон Герлах происходил из старинной аристократической чиновничьей семьи Пруссии.

Э.Л. Герлах родился в 1795 году. Он был третьим сыном президента палаты Курмарки, а затем бургомистра Берлина – Карла Фридриха Леопольда фон Герлаха. Его старший брат Вильгельм станет вице-президентом Верховного суда во Франкфурте-на-Одере. Другой брат – Леопольд тоже стал заметной фигурой в Пруссии, прежде всего в военной области. Его военная карьера началась в период наполеоновских войн, а с 1826 г. он был адъютантом принца Вильгельма, будущего короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV. В 1849 г. он стал генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом этого короля.

Э.Л. Герлах после окончания школы избрал себе путь политической карьеры. Для этого в соответствии со сложившимися традициями своего общества он изучал юриспруденцию в Берлине, Геттингене и Гейдельберге. Но в 1813 г., когда началась Освободительная война против Наполеона, он оставляет Гейдельбергский университет и в порыве патриотизма направляется в Берлин, где был зачислен 1-й восточнопрусский пехотный полк как "вольный стрелок". Вернулся с фронта лейтенантом и с железным крестом. Но перспектива стать военным человеком его все-таки не устраивала. В традициях семьи Герлахов было и активное участие в политической жизни. Для этого следовало приобрести и необходимое образование, прежде всего юридическое.

В 1815-1823 гг. он завершил в Берлине свое юридическое образование и начал работать советником в Верховном суде в Наумберге. С 1829 г. он президент суда в Гаале. В 1834 г. умер его старший брат Вильгельм и Эрнст Людвиг занял его должность вице-президента Верховного суда во Франкфурте-на-Одере. Затем он стал главным юридическим советником в министерстве юстиции под руководством Карла Савиньи и членом Государствен-

ного совета. С 1844 г. он президент Верховного суда в Магдебурге. Лишь в 1874 г. в 79-летнем возрасте, и то после очередного конфликта с правительством Бисмарка, он уходит в отставку. Умер в 1877 г. в Берлине.

Для представителей того круга людей, к которым уже по происхождению принадлежал Э.Л. Герлах, подобный путь жизни был вполне обычным и не позволил бы выделить эту фигуру в Прусской истории. Но дело в том, что Э.Л. Герлаху оказались присущи важные особенности политической и идеологической деятельности. Масштабная и инициативная политическая и теоретическая борьба составили ее главную черту.

Решающими для формирования мировоззрения Э.Л. Герлаха были обстоятельства, связанные с событиями во Франции конца XVIII – начала XIX вв.

С ними, в целом, с наполеоновским вторжением, в частности, было связано такое явление как движение "берлинского пробуждения". Атмосфера этого движения заставляла молодого Герлаха много задумываться о проблемах развития общества и государства, о возможностях реставрации и восстановления авторитета христианства во имя возвращения разрушенного порядка. Он желал бы осуществления законов христианства не только как основы личной, но и церковной и государственной, политической жизни. Отсюда его приверженность идее "христианского государства". После окончания войны с наполеоновской Францией он оказался в среде политически активно настроенных людей своего круга. Их центром стало небольшое общество, возникшее в 1816 г. Это общество, получившее название "майские жуки", объединяло молодых людей, которым суждено было доминировать в Пруссии после 1848 г. Главный интерес кружка был направлен на патриотическую и романтическую поэзию [4, с. 22-23], на романтизм и прошлую Освободительную войну [4, с. 28]. При этом последняя понималась членами общества не столько как национальная война, а как война за свободу и право против революции и ее воплощения – Наполеона. Легитимизм был их отправной политической идеей. Воспринимался он с космополитических позиций. В этом плане они выражали древнюю суть дворянского мировоззрения, долгое время не акцентировавшего внимания на национальных границах. Для "майских жуков" все более важной становилась идея антиреволюционной политики, воплотившаяся в Священном союзе [4, с. 40].

В 1820-е гг. Э.Л. Герлах оказался в числе тех, на кого сильное влияние оказывал романтизм [1]. В целом, в идейной и политической жизни немецкого народа, начиная с эпохи Великой французской революции, романтизм занимает важное место. Конечно, особое внимание романтизм оказал на мировоззренческие процессы и политическую жизнь первой половины XIX в. В условиях Германии романтизм стал своеобразным катализатором и религиозного мировоспитания. И первые глубокие религиозные впечатления Э.Л. Герлах получил от великих романтиков.

В период реформ Штейна-Гарденберга романтизм стал идейной опорой и многих сторонников феодализма. Молодым дворянам, поклонникам А. Мюллера, нравилось то, что у него романтический тон сочетался с призывами к уважительному отношению к исторически сложившемуся состоянию

общества, с борьбой за сохранение сословного строя, и выступлением против учения о всеобщих равных гражданских правах.

В 1816-1819 гг. в обстановке, созданной Реставрацией и началом деятельности "Священного союза" Э.Л. Герлах все больше склонялся к пиетизму. Пиетизм – это одно из направлений в немецком протестантизме, стремившееся во имя усиления у людей христианских чувств и христианской морали к освобождению протестантского учения от догматизма для его сближения с католицизмом [3, с. 136]. Для Герлаха начинается новый период интеллектуальной жизни. С тех лет наметилось сближение его взглядов с католицизмом. Таким образом, политический консерватизм формировался под идейным влиянием пиетического движения 20-х гг. XIX в. Для пиетистов особое значение начинало приобретать не только стремление к смягчению противоречий между протестантизмом и католицизмом. Но пиетизм, указав путь к политическому реализму, сам не смог в него перерасти и остановился на признании первостепенности в историческом процессе борьбы "общественных партий", понимаемой как противоборство религиозных и атеистических сил. В частности, это явление в юнкерском политическом сознании ярко воплотил в себе Э.Л. Герлах.

Список литературы

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. 568 с.
2. Мусихин Г.И. Братья Герлахи: вожди камарильи или консерваторы без страха и упрека? // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. 165 с.
3. Современная западная социология. Словарь. М., Политиздат, 1990. 285 с.
4. Ernst Ludwig von Gerlach. Bd. 1.1970. 127 s.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И РАСЧЕТА ОСНОВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РФ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Порывкин В.Н.

доцент кафедры социально-политических теорий, канд. ист. наук, доцент,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, г. Ярославль

Автор, основываясь на собственном опыте и исходя из анализа итогов деятельности ряда партий РФ, формулирует основные составляющие возможностей успеха политической партии РФ при проведении выборов в органы власти в современных условиях и дает качественную оценку этих возможностей.

Ключевые слова: политические партии, выборы в органы государственной власти, факторы и условия обеспечения успешной деятельности политической партии при выдвижении кандидатов во власть и проведении избирательных кампаний.

Одна из главных задач современной политической партии РФ – представление интересов избирателей в органах государственной власти через

своих представителей [1]. А для этого необходимо участвовать в избирательных процессах и обеспечить их победу на выборах.

Что предопределяет успех партии в этом случае? Автор, исходя из собственного опыта и анализа участия партий в избирательных процессах [2], выделяет следующие группы факторов и условий успешного выполнения задач в данном направлении деятельности: организационно-кадровые; идеологические; психологические; правовые; материально-финансовые и прочие.

Каждая из этих групп имеет свои составляющие.

Организационно-кадровые факторы и условия включают: официальную регистрацию политической партии и её региональных отделений; наличие структуры отделений политической партии не менее, чем в 75% регионов, 85-90% в каждом из входящих в них муниципальных образований, действующих постоянно, не формально, а реально работающих; чтобы эта деятельность была вполне «ощутима», заметна как органами власти, так и избирателями; развитый аппарат управления на федеральном и региональном уровне, имеющий профессионально подготовленных работников, способных разрабатывать грамотные, соответствующие обстановке, управленческие решения, доводить их до исполнителей и контролировать процесс их выполнения. При этом работник организационно-партийного отдела аппарата управления на федеральном уровне должен контролировать работу (оказывать помощь) не более, чем 10-12 региональным отделениям партии; наличие федерального, регионального и местного актива, способного работать по различным направлениям организации и ведения партийной работы, а в идеальном варианте – ещё и многофункционального; разработанные рекомендации по организации и ведению партийной работы в различных условиях обстановки, написанные просто и понятно; списочный состав кандидатов во власть, имеющих авторитет в партии и реальные возможности выполнять обязанности в полном объеме в случае избрания, реализация которых в период избрания в органы власти будет оценена избирателями положительно [3]; своих представителей в составе избирательных комиссий на всех уровнях и также возможности назначить наблюдателей в избирательные комиссии в день голосования.

Идеологические факторы и условия включают: программу партии, отвечающую интересам и потребностям большинства социальных, возрастных групп населения нашего общества, написанную ясным и понятным языком[4]; уровень подготовки и способность актива партии объективно, всесторонне грамотно оценивать общественно – политическую обстановку на уровне своей ответственности и делать из неё выводы для организации и ведения партийной работы; ведение политразведки для изучения состояния дел в органах государственной и местной власти, у политических конкурентов; возможность в различной форме противостоять идеологическим нападкам политических конкурентов и политических противников.

Психологические факторы и условия включают: положительное или, хотя бы, нейтральное восприятие партии в массовом сознании большинства избирателей [5]; наличие достаточно известного в обществе партийного лидера, положительно и нейтрально воспринимаемого значительной частью общества; наличие у партийного лидера группы помощников, работающих в качестве его ближайшего окружения и имеющих авторитет и известность, если не на федеральном, то обязательно – на региональном уровне.

Правовые факторы и условия включают: наличие в составе партии лиц, способных определить, зафиксировать, предупредить или опротестовать нарушения действующего законодательства в отношении политической партии, её представителей или сторонников в период подготовки и проведения избирательной кампании [6].

Материально-финансовые факторы и условия включают: финансовое обеспечение основных направлений деятельности партии, наличие физических и юридических лиц, вкладывающих средства в партию для реализации с её помощью собственных интересов [7]; наличие возможностей партии нести следующие основные расходы: на содержание аппарата управления (заработную плату, командировочные расходы); аренду (приобретение, эксплуатацию) помещений для работы, насыщение их оргтехникой, средствами связи и управления; транспортные, канцелярские, коммунальные и прочие текущие расходы; выпуск партийной документации, газет, брошюр, значков, футболок и иной атрибутики; проведение партийных мероприятий (съездов, конференций, собраний, совещаний и занятий с партийным активом); избирательные кампании; обеспечение работы региональных организаций; подкуп политических шпионов и информаторов, ведение политической аналитики и разведки [8].

Кроме факторов и условий, перечисленных выше, необходимо учитывать дополнительно и *прочие*: принадлежность данной партии к «партии власти»; уровень поддержки её кандидатов представителями власти на федеральном, региональном или местном уровне [9]; доступ к СМИ; сформировавшемуся, благодаря СМИ, мнению о партии и её представителях [10]; возможностей «напоминать о себе», а также излагать свои взгляды и программные установки на платной или бесплатной основе [11]; отношение к партии представителей всех уровней избирательных комиссий и силовых структур (прежде всего – МВД РФ) [12].

Таким образом, методика оценки основных возможностей политической партии успешно провести избирательную кампанию представляет собой сложный алгоритм деятельности аналитика, требующий, прежде всего, знания факторов и условий внешней и внутренней жизнедеятельности современной политической партии РФ, которые не только не всегда в полной мере известны, но и могут быть оценены вполне объективно.

Список литературы

1. Федеральный Закон «О политических партиях». Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html> (дата обращения 18.01.2017).

2. См.: Порывкин, В.Н. Организационно-партийная работа в современной российской политической партии: учебно – метод. пособие /В.Н. Порывкин; Рос. ассоциация полит. науки, Ярославское рег. отд., 2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль, Аверс Плюс, 2013. – 68 с.
3. Порывкин В.Н. Как надо выбирать депутатов муниципалитета. Газета Северный край. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sevkray.ru/news/1/60752/> (дата обращения 18.01.2017).
4. Порывкин В.Н. Политические партии РФ и проблемы соответствия их деятельности социальным интересам российского общества// Социальные и гуманитарные знания, №1. – ЯрГУ им. П.Г.Демидова. 2015. – С. 44-51.
5. Порывкин В.Н. Современная многопартийная система в России: проблемы развития и совершенствования – Государство и общество: проблемы взаимодействия // Материалы международной научно-практической конференции. – Киров: Изд-во ВятГГУ. 2010. – С.171 – 175.
6. Титова Л.Г. Гражданское общество в условиях информационной войны// Современные глобальные вызовы и национальные интересы: Материалы XV Международных Лихачевских научных чтений, 14-15 мая, 2015. – С. 622.
7. См.: Порывкин, В.Н. Организационно-партийная работа в современных российских политических партиях: учебно-метод. пособие /В.Н. Порывкин. Яросл. гос.ун-т. – Ярославль. 2016. – 19 с.
8. Порывкин В.Н. Партии РФ: выразители социальных интересов или поставщики услуг на политический рынок? // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. М.Г.Петровой. – Белгород: ИП Петрова М.Г. 2015. Часть V. – С. 145-149.
9. Головин Ю.А. Политические технологии в избирательных кампаниях 2011-2012 годов / Конфликтология. – 2012. – Т.3. – С. 73-82.
10. Титова Л.Г. Социальные и политические конфликты в процессах эпохи модернизации// Конфликты в социальной сфере и их регулирование: Сб. материалов всероссийской конференции. – Казань, Изд-во Печатный двор, 2009. – С. 197:
11. Титова Л.Г. Институционализация как фактор предупреждения и разрешения конфликтов //Конфликтология. – 2008 – №3. С. 127.
12. Головин, Ю.А. Порывкин В.Н. Военные конфликты XX-XXI веков: методические указания/ сост.: Ю.А.Головин, В.Н. Порывкин; Яросл. гос.ун-т им. П.Г.Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – С. 23-36.

«ГОЛУБОЕ ЗОЛОТО» КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сапрыкина А.В.

студентка 4 курса департамента «Международные отношения» факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва

В статье рассматриваются причины водных конфликтов и позиции центральноазиатских республик по проблеме использования водных ресурсов.

Ключевые слова: водная война, Центральная Азия, гидроресурсы.

Мировой истории известно войны, в которых одной из ведущих причин была вода: от лагашско-умманских войн в бассейне Евфрата и Тигра в 2500 гг. до н.э. до военных конфликтов между странами Ближнего Востока в XXI веке. Распад СССР, стремительное таяние ледников Гималаев привели к дефициту водных ресурсов и в странах Центральной Азии. Непосредственная близость данного региона к границам РФ и осознание последствий конфликтов для стабильности региона подталкивают исследователей к более детальному изучению возможности начала войны за водные ресурсы между центральноазиатскими республиками.

* * *

Война – это организованное вооруженное насилие, используемое государствами для достижения политических целей [2]. В водных войнах такой целью является обеспечение государству и его жителям свободного доступа к водным ресурсам. До настоящего момента вода редко являлась единственной причиной начала международных конфликтов, но в последнее время «голубое золото» из-за своей экономической и политической значимости все чаще становится яблоком раздора [11].

Главными причинами водных войн являются:

- 1) Наличие истории конфликтов, прямо или косвенно связанных с водной проблемой.
- 2) Ограниченность водных ресурсов и их неравномерное распределение между странами. Во многих пустынных регионах источники воды истощаются, в то время как растущее население и индустриализация требуют все больших ее затрат.
- 3) Столкновение интересов страны-экспортера и страны-импортера. В какой-то момент страна-экспортер начинает потреблять больше воды для удовлетворения собственных нужд, при этом страна-импортер недополучает необходимых ей гидроресурсов.
- 4) Отсутствие последовательного и четкого управления водными ресурсами [10].
- 5) Наличие спорных источников воды [6], что осложняется наличием спорных территорий.
- 6) Отсутствие политической воли для решения водной проблемы [5].
- 7) Использование водных ресурсов как инструмента политического, экономического, военного давления на соседние страны [11].

На примере израильско-палестинского и индо-пакистанского конфликтов удалось установить, что международные водные споры в своей основе имеют хотя бы три из вышеперечисленных причин (таблица).

Таблица

**Причины начала водных конфликтов на примере израильско-палестинского
и индо-пакистанского конфликтов**

Причины \ Конфликты	Палестино-израильский конфликт	Индо-пакистанский конфликт
Наличие исторических конфликтов, прямо или косвенно связанных с водной проблемой	Да	Да
Ограниченность водных ресурсов и их неравномерное распределение между странами	Да	Да
Столкновение интересов страны-экспортера и страны-импортера	Да (оккупация)	Нет (Пакистан не покупает воду у Индии)
Отсутствие последовательного и четкого управления водными ресурсами	Да (со стороны Палестины)	Да (со стороны Пакистана)
Наличие спорных источников воды	Да	Да
Отсутствие политической воли для решения водной проблемы	Да	Да
Использование водных ресурсов как инструмента политического, экономического, военного давления на соседние страны	Да	Да

Составлена по Barbati, G. World Water Wars: In the West Bank, Water is Just Another Conflict Issue for Israelis and Palestinians // URL: <http://www.ibtimes.com/world-water-wars-west-bank-water-just-another-conflict-issue-israelis-palestinians-1340783>

Ghosh, B. What are India and Pakistan Really Fighting About? // URL: <http://www.ibtimes.com/what-are-india-pakistan-really-fighting-about-1520856>

Sumbal, M.A. Water scarcity heightens tensions between India and Pakistan // URL: <http://www.pri.org/stories/2014-08-08/water-scarcity-heightens-tensions-between-india-and-pakistan>

* * *

В соответствии с международным рейтингом дефицита воды, опубликованным Институтом мировых ресурсов, страны Центральной Азии находятся в красной зоне водного риска, то есть для этих стран велика вероятность катастрофы, связанной с полноценным использованием водных ресурсов или направленной на их уничтожение (например, террористическая атака) [13].

С момента образования суверенных государств Казахстана, Туркменистана, Узбекистана (страны-импортеры), Киргизии и Таджикистана (страны-экспортеры) между ними зафиксировано 12 конфликтов, в той или иной степени связанных с водной проблемой [9]. Четыре конфликта, самый поздний из которых произошел в 2014 г. между Киргизией и Таджикистаном, имели признаки вооруженного насилия.

Корень водной проблемы в Центральной Азии – неравномерное распределение гидроресурсов между странами. Киргизия – единственная центральноазиатская республика, обладающая «водной независимостью», контролирует реку Сырдарья; в Таджикистане, получающем 16% водных ресур-

сов из-за пределов государства, находится исток реки Амударьи; Туркменистан, Узбекистан и Казахстан получают 97%, 77% и 31% соответственно всех водных ресурсов от стран-соседей [3].

Ухудшает отношения государств и тот факт, что страны-экспортеры и страны-импортеры имеют разные цели использования воды. Страны-экспортеры не имеют достаточных запасов углеводородов, поэтому предпочитают использовать воду для выработки дополнительной энергии не только для удовлетворения собственных нужд, но и для экспорта. Однако страны-импортеры, богатые газом и нефтью, требуют от властей Таджикистана и Киргизии не проводить дополнительный забор воды, поскольку эти страны используют воду для ирригации и нужд домохозяйств.

Другая явная проблема региона – неэффективное водопользование как результат непоследовательного и неумелого управления гидроресурсами. Не обладая ни развитой экономикой (совокупный ВВП составил 301,5 млрд. долларов) [15], ни многочисленным населением (68,6 млн. человек) [16], страны Центральной Азии стали лидерами опубликованного журналом Nature рейтинга стран, которые потребляют наибольшее количество кубометров воды на один доллар своего ВВП и на душу населения [14].

После обретения независимости страны Центральной Азии больше не могли опираться на систему водораспределения, созданную в Советском Союзе: она была рассчитана на все республики СССР и контролировалась Москвой. Теперь же каждая страна преследовала собственные интересы, что требовало выработки нового порядка распределения гидроресурсов и их использования. Базовым документом стало заключенное в Алматы соглашение 1992 г. о сотрудничестве в области совместного управления и охраны трансграничных водных ресурсов [5]. Оно сохраняло советскую систему водораспределения до момента создания новых правил. Однако новой комплексной системы распределения воды нет до сих пор. Были попытки создания водно-энергетического консорциума стран Центральной Азии, однако мировой кризис 2008 г. и политическое соперничество между центральноазиатскими республиками отодвинули реализацию этого проекта на задний план [1].

Таджикистан и Киргизия охотно используют свои ГЭС для оказания давления на страны-потребители, прибегая следующим методам воздействия на соседей: сброс воды в зимнее время, отказ от поставок ресурса в летнее, отключение электричества, угрозы введения платы за поставки воды, если страны-экспортеры углеводородов не будут продавать нефть и газ по льготным ценам [5]. Казахстан, Туркменистан, Узбекистан в ответ используют военное и экономическое давление: размещают на границе свои войска, устраивают пограничные блокады и повышают цены на энергоносители.

В Центральной Азии вопросы принадлежности водных источников решены, но остались неурегулированными территориальные споры: между Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией ведутся споры о принадлежности нескольких областей в Ферганской долине; Казахстаном и Узбекистаном – о праве владения полуостровом Возрождения [4].

Сопоставление общих причин начала водных конфликтов с межгосударственными отношениями центральноазиатских республик позволяет сделать следующий вывод: в регионе сложились предпосылки к началу полномасштабной войны за контроль над водными ресурсами, толчком к которой может стать даже природный катаклизм (например, засушливое лето).

Список литературы

1. Грозин А.В. Мировой кризис отодвинул решение водного вопроса в Центральной Азии // URL: <http://www.materik.ru/problem/detail.php?ID=3323&print=Y> (дата обращения 07.01.2017)
2. Проект «ForexAW» Война // URL: http://forexaw.com/TERMs/Society/Shocks_and_disasters/War/1249_Война_War_это (дата обращения 06.01.2017)
3. Проект «Природа». Водные ресурсы мира // URL: <http://www.priroda.su/item/1319> (дата обращения 11.01.2017)
4. Проект «Геополитика». Все спорные территории // URL: <http://www.geopolitics.ru/karta-sajta/spisok-spornyx-territorij/> (дата обращения 07.01.2017)
5. Эшмент Б. Распределение водных ресурсов в Центральной Азии // URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/08598.pdf> (дата обращения 05.01.2017)
6. Balch O. Water wars: a new reality for business and governments // URL: <http://www.theguardian.com/sustainable-business/2014/oct/06/water-wars-business-governments-scarcity-pollution-access> (дата обращения 08.01.2017)
7. Barbat G. World Water Wars: In the West Bank, Water is Just Another Conflict Issue for Israelis and Palestinians // URL: <http://www.ibtimes.com/world-water-wars-west-bank-water-just-another-conflict-issue-israelis-palestinians-1340783> (дата обращения 07.01.2017)
8. Ghosh B. What are India and Pakistan Really Fighting About? // URL: <http://www.ibtimes.com/what-are-india-pakistan-really-fighting-about-1520856> (дата обращения 07.01.2017)
9. Gleick P. Water Conflict Chronology List // URL: <http://www2.worldwater.org/conflict/list> (дата обращения 08.01.2017)
10. International Crisis Group. Central Asia: Water and Conflict // ICG Asia Report. 2002. № 34. URL: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/7BB5CB3539D928DA85256BC9006F79A1-icg-uzb-30may.pdf> (дата обращения 08.01.2017)
11. Ofori-Amoah A. Water Wars and International Conflict // URL: <http://academic.evergreen.edu/g/grossmaz/oforiaa/> (дата обращения 06.01.2017)
12. Sumbal M.A. Water scarcity heightens tensions between India and Pakistan // URL: <http://www.pri.org/stories/2014-08-08/water-scarcity-heightens-tensions-between-india-and-pakistan> (дата обращения 07.01.2017)
13. The Aqueduct Project. World Resources Institute // URL: <http://www.wri.org/our-work/project/aqueduct/aqueduct-atlas> (дата обращения 08.01.2017)
14. Varis O. Resources: Curb vast water use in central Asia // URL: <http://www.nature.com/news/resources-curb-vast-water-use-in-central-asia-1.16017#consumers> (дата обращения 11.01.2017)
15. World Bank Development Indicators Database: GDP 2015 // URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> (дата обращения 12.01.2017)
16. World Bank Development Indicators Database: Population 2015 // URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/POP.pdf> (дата обращения 12.01.2017)

СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СМИ»

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА: ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ

Зейдула Т.О.

студентка направления подготовки «Реклама и связи с общественностью»,
Институт международных отношений, Пятигорский государственный
университет, Россия, г. Пятигорск

Овчарова Г.Б.

доцент кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики,
канд. филол. наук, доцент, Институт международных отношений,
Пятигорский государственный университет, Россия, г. Пятигорск

В статье социальные медиа рассматриваются в качестве одного из социальных институтов современного общества. Социальные медиа как часть новых медиа обеспечивают непосредственное участие пользователей в генерации и ретрансляции медийного контента и вовлеченность пользователей в процесс интерактивной коммуникации.

Ключевые слова: социальные медиа, новые медиа, Web 2.0, новые СМИ.

В настоящей статье рассматривается динамика развития содержания понятия «социальные медиа». Интерес к данной теме обусловлен тем обстоятельством, что, несмотря на активную деятельность социальных медиа по производству и упаковке контента, со стороны научного сообщества не достигнуто единогласия относительно объема и содержания данного понятия. Для решения поставленной научной задачи необходимо рассмотреть современные подходы к определению понятия «социальные медиа».

Так, старший научный сотрудник Ассоциации исследования новых средств коммуникации Пол Гиллин в своей работе «Новые агенты влияния» определяет социальные медиа как термин, объединяющий различные online технологии в интернете, которые позволяют пользователям общаться и взаимодействовать друг с другом. «Характерной чертой всех социальных медиа является то, что создатели контента – сами пользователи», – пишет автор в своем труде [4, с. 80].

Российский исследователь традиционных и новых медиа Елена Вартанова утверждает, что в основе понятия «социальные медиа» лежит принцип партиципаторности, т.е. процесс коммуникации осуществляется при равноправном участии пользователей и института медиа. Именно пользователь несет ответственность за размещение информационного материала, а сервис выполняет только номинальные функции: служит площадкой для онлайн доступа к информации и ограничивает запрещенные законодательством материалы [2, с. 287].

Американский журналист Керри Дойл представляет следующее определение социальных медиа: «Различные онлайн технологии, позволяющие

людям легко общаться при помощи Интернета, делиться информацией и ресурсами» [7, с. 450]. Видим, что данный исследователь подчеркивает технологическую составляющую социальных медиа, выделяя ее в качестве важной статусной характеристики данного феномена.

Еще одно определение социальных медиа дал профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Александр Чумиков. С его точки зрения, социальные медиа – «это любые интернет-проекты в формате Web 2.0., содержание которых формируют сами пользователи в социальных сетях, блогах, подкастах, web-сайтах и т. п.» [9, с. 184].

Обобщая рассмотренные определения социальных медиа, можно заключить, что новые социальные медиа – это интерактивные цифровые способы доставки информации, средство коммуникации, где главным коммуникативным источником является Интернет.

Общеизвестно, эволюция Интернета как среды общения – это двусторонний процесс. С одной стороны, она обусловлена уровнем развития технологий, с другой – развитием социальных потребностей пользователей в их новом качестве: не только потребителя, но и создателя контента [8, с. 122]. Именно поэтому в начале XXI века появляется такое понятие, как Web 2.0 – модель, использующая новейшие программные платформы, чтобы дать пользователям возможность создавать собственные источники информации. Данный термин относится не к конечному продукту, а к инструментам создания новых медиа. Он также уделяет достаточно внимания процессам, продуктам, автору или аудитории [6, с. 120-123].

В настоящее время «новые СМИ» приобретают самостоятельность, становясь инструментом рекламных и маркетинговых стратегий. Новые СМИ можно охарактеризовать как электронные средства массовой информации, позволяющие аудитории взаимодействовать с производителями информации онлайн. Социальные средства массовой информации (к которым относятся Facebook, Twitter, VK, Tumblr, Instagram и другие) созданы для того, чтобы связывать людей друг с другом, передавать информацию большому количеству пользователей в режиме реального времени.

Технологии Web 2.0 (т.е. форумы, чаты, блоги и т.д.) расширили возможности пользователей в сети Интернет. Благодаря развитию подобных сервисов начали появляться социальные сети – сайты, которые направлены на формирование интернет-сообществ среди пользователей. Они становятся активными создателями контента в Интернет-пространстве, самостоятельно контролируя контент данных сайтов. На данный момент возможности Web 2.0 по своему влиянию на массы практически безграничны. Так, чтобы достичь аудитории в 50 млн. человек, радио понадобилось для этого 38 лет, телевидению – 13, интернету – 4 года, а социальные медиа развиваются еще более стремительно – Facebook собрал аудиторию в 200 млн. пользователей менее чем за один год [5, с. 101].

В настоящее время развитие веб-технологии и Web 2.0 выводят интернет-общение на качественно новый уровень: появляются новые сервисы, расширяются возможности общения и совместной работы. Можно с уверен-

ностью сказать, что для многих пользователей данный вид общения становится существенной частью социальной жизни и ежедневных коммуникаций.

Чем дальше идет прогресс, тем сильнее мы интегрируемся в Интернет. По статистике, к концу 2016 года число пользователей социальными сетями достигло 3,2 млрд. человек, что являет собой 40% от общего числа жителей на Земле. В онлайн-пространстве действуют другие законы и формируются другие привычки, вследствие чего было предложено понятие Social Media Marketing [10, с. 112].

Social Media Marketing (SMM) – разработанный комплекс мероприятий для использования социальных медиа в качестве каналов по продвижению бренда и решения других бизнес-задач, таких как поддержание постоянного внимания, тестирование новой продукции и, самое главное, реализация диджитал-контента среди целевой аудитории.

Основной упор в SMM ставится на создание контента, который люди будут распространять самостоятельно через социальные сети, без участия организатора, т.е. считается, что сообщения, передаваемые в социальных медиа, вызывают больше доверия у потенциальных потребителей контента. Данное явление связано с рекомендательной схемой распространения в Интернете за счет социальных связей, лежащих в основе взаимодействия [3, с. 328].

Основное внимание в Social Media Marketing уделяется созданию актуального и иницилирующего общения пользователей контента. Для достижения подобной задачи необходимо периодически повторять исследования потребностей аудитории, чтобы корректировать актуальные маркетинговые цели.

Основными платформами для продвижения SMM в наше время остаются Twitter, Facebook и Instagram. Кратко охарактеризуем каждый ресурс.

Twitter дает возможность продвигать себя на совершенно новом уровне. Непосредственный контакт с целевой аудиторией устанавливается при помощи коротких сообщений, «репостов» и своеобразных «мне нравится», которые лояльные подписчики готовы читать и производить. Имеется возможность опубликовать ссылку на новый пост в Facebook или Instagram, прикреплять к записи фотографии, видео и тому подобное. Такой постоянный интерактив может создать лояльную привязанность, а также способствует большим рекламным возможностям по продвижению товара/услуги/технологии.

Помимо этого, разработчики Twitter запустили новый инструмент веб-аналитики – Twitter Web Analytics, с помощью которого владельцы сайтов могут узнать три ключевых момента: насколько часто делятся их контентом в социальной сети, сколько трафика получает сайт от сервиса микроблогов и насколько эффективны кнопки Tweet.

Аккаунт в Facebook – самой популярной социальной сети в мире, позволяет представить компанию в более широком смысле, обобщая всю ее биографию, располагающую пользователя на интерактив. Люди, имеющие профиль в Facebook (на сегодняшний день таковых более 1 млрд. человек), могут

оставлять комментарии на страницах, благодаря структуре сайта, о действиях одного пользователя в среднем может узнать еще около 100 человек. Еще одним достоинством Facebook служит его интеграция с другими социальными сетями и свободный переход на них. Это также продвигает контент в режиме онлайн и добавляет активную интеграцию к поисковым системам по типу Google.

При помощи Facebook Page пользователи могут отслеживать статистику по большому количеству метрик, настраивать права публикации и просмотра контента пользователями, а также анализировать взаимодействие посетителей с контентом.

С развитием такого сервиса, как Google Personalized Search, стало возможно проводить методику таргетирования рекламы и продвижения, которая является свободной для обмена фотографиями и социальной сетью, которая была запущена в октябре 2010 года и получила название Instagram. Сервис позволяет пользователям сделать снимок, наложить цифровой фильтр на него, затем поделиться со своими подписчиками, а также интегрировать производимый контент в другие социальные сети, такие как Facebook и Twitter. Для многих компаний Instagram – это площадка для проведения фокус-групп перед запуском нового продукта, другие выставляют в социальную сеть каталоги своей продукции с целью продемонстрировать новинки и рассказать о внутренней жизни компании.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что новые социальные медиа стали полноценным социальным институтом современного мира. В качестве значимых дефиниций социальных медиа мы можем назвать следующие: доступные интерактивные коммуникации, непосредственное участие пользователей в генерации и ретрансляции медийного контента, высокая степень вовлеченности пользователей в процесс интерактивной коммуникации.

Новые социальные медиа обладают и специфическими, и универсальными возможностями, к которым мы отнесем работу с аудио- или видеоматериалами, статистическими и динамическими видеодокументами, с макро- или микрообъектами, а также текстами. Другими словами, социальные медиа органичным образом сочетают традиционные и новые технологии в процессе создания и контроля оригинального контента, который размещается на том или ином веб-ресурсе.

Список литературы

1. Вартанова Е.Л. Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. М.: МГУ, 2012. 487 с.
2. Вейлер К. Сетевые СМИ – другая журналистика: пер. с англ. М.: Кифара, 2012. 561 с.
3. Гиллен П. Новые агенты влияния: пер. с англ. М.: АспектПресс, 2012. 680 с.
4. Говард Г. Умная толпа: новая социальная революция.: пер. с англ. М.: АспектПресс, 2012. 398 с.

5. Горлов М.В., Гикис С.Н. Концепция Web 2.0 и PR 2.0: роль и место PR в стратегии интернет-продвижения товаров и услуг // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2016. № 2-2 (64). 300 с.
6. Дойл К. Маркетинг менеджмент и стратегии.: пер. с англ. СПб.: Питер, 2012. 850 с.
7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе.: пер. с англ. Екатеринбург: АБАК-Пресс, 2014. 652 с.
8. Чумиков А.Н. Медиарилейшнз. М.: Аспект Пресс, 2014. 584 с.
9. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Лоция, 2013. 512 с.

Подписано в печать 10.02.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,07. Тираж 500 экз. Заказ № 58
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а